

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 44 ОКТЯБРЬ 1979

1

КРАС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 44 (2729)

27 ОКТЯБРЯ 1979

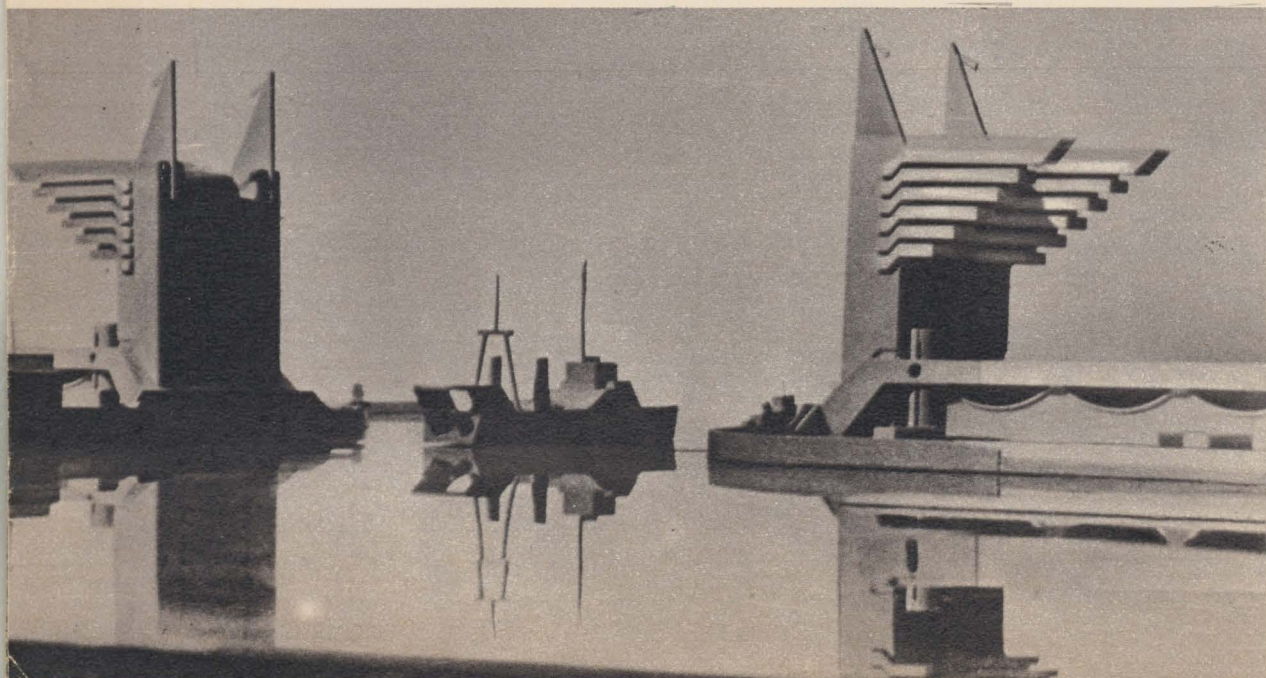
© Издательство «Правда», «Огонек». 1979

1 Стройка у острова Котлин начинается с подводных работ. На снимке — водолазы Н. С. Киселев, И. В. Иконников и Г. В. Воробьев.

2 Так выглядят в проекте судопропускные ворота.

3 Земляные работы у станции Горская.

4 Старая гравюра изображает наводнение 1824 года.

3

УЙСЯ, ГРАД...

С. БОРИСОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

**Специальные
корреспонденты
«Огонька»**

когда «державное течение» реки оборачивалось вспять, стали частью истории города — первый из «потопов» произошел уже через три месяца после закладки Петербурга. С того дня зарегистрировано 243 крупных наводнения, самое значительное из них — ровно через сто лет после «пушкинского», в 1924 году. И в прошлую осень, в 1978 году разбушевавшаяся Нева дополнила эту невеселую статистику: четыре наводнения в тече-

ние месяца, три из них — за одну неделю! А сколько бывает незначительных подъемов воды, когда Нева «всего лишь» затопляет Дворцовую площадь, центральные улицы города...

Даже то, что в сводках об этих стихийных неурядицах давно уже нет жертв, что ущерб от воды сводится к минимуму умелыми действиями многих людей, что надежно работает служба предупреждения наводнений, — даже

все эти и многие другие смягчающие доводы не могут, как говорится, «закрыть проблему». Ведь под постоянной угрозой — Эрмитаж, Летний сад, Марсово поле, Исаакиевский собор, Петропавловская крепость, заводы, жилые районы Ленинграда, магазины, склады и прочее, прочее...

Наверное, столько же времени, сколько существует угроза наводнений на Неве, велись поиски возможностей борьбы с ними.

4

*...Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури...
...Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива
И затопляла острова...*

«Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине», — писал Пушкин в коротком предисловии к «Медному всаднику». Поэт имел в виду наводнение 1824 года в Петербурге, когда вода в Неве поднялась до отметки 421 сантиметр. Сохранились сведения: в тот раз утонули 569 человек, вода и ветер снесли 324 дома. Невские наводнения,

Встреча на аэродроме.

Фото А. ГОСТЕВА

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 24 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, Председатель Президиума Верховного народного совета Народной Демократической Республики Йемен Абдель Фаттах Исмаил.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами НДРЙ и СССР, А. Ф. Исмаила встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. Н. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

и ввод в действие этих сооружений в 1979—1990 годах. Центральный Комитет ВЛКСМ объявил стройку Всесоюзной ударной комсомольской.

Технический проект создавался под руководством заслуженного строителя РСФСР С. С. Агалакова. Опыт сооружения многих гидротехнических гигантов, в том числе Красноярской ГЭС на Енисее, помог создать проект системы дамб, пропускных сооружений для судов, водопропускных затворов и прочих объектов, которые в целом вполне можно назвать уникальным комплексом, не имеющим аналогов в мировой практике.

— Сергей Степанович, давайте попробуем совершить воображаемое путешествие по уже готовому комплексу.

— Хорошо, только сначала за-

глянем не в итоговый для стройки, 1990-й год, а побываем, скажем, в 1987 году. К этому времени вступит в строй первая очередь сооружения, и уже тогда наводнения Ленинграду угрожать не будут.

Итак, начнем с поселка Горская. Прежде всего мы — на автомобильной развязке: таких на трассе будет три. Отсюда дамба восьмиметровой высоты уходит в глубь залива, к острову Котлин. Учтите, мы путешествуем на автомобиле по скоростному шестирядному шоссе. Проезжаем под водопропускными отверстиями — сейчас погода хорошая, и глубинные сегментные затворы открыты, свободно пропускают невскую воду в море... Вот шоссе уходит в тоннель, под двухсотметровые «ворота» для судов. Очередной железобетонный мост над одним

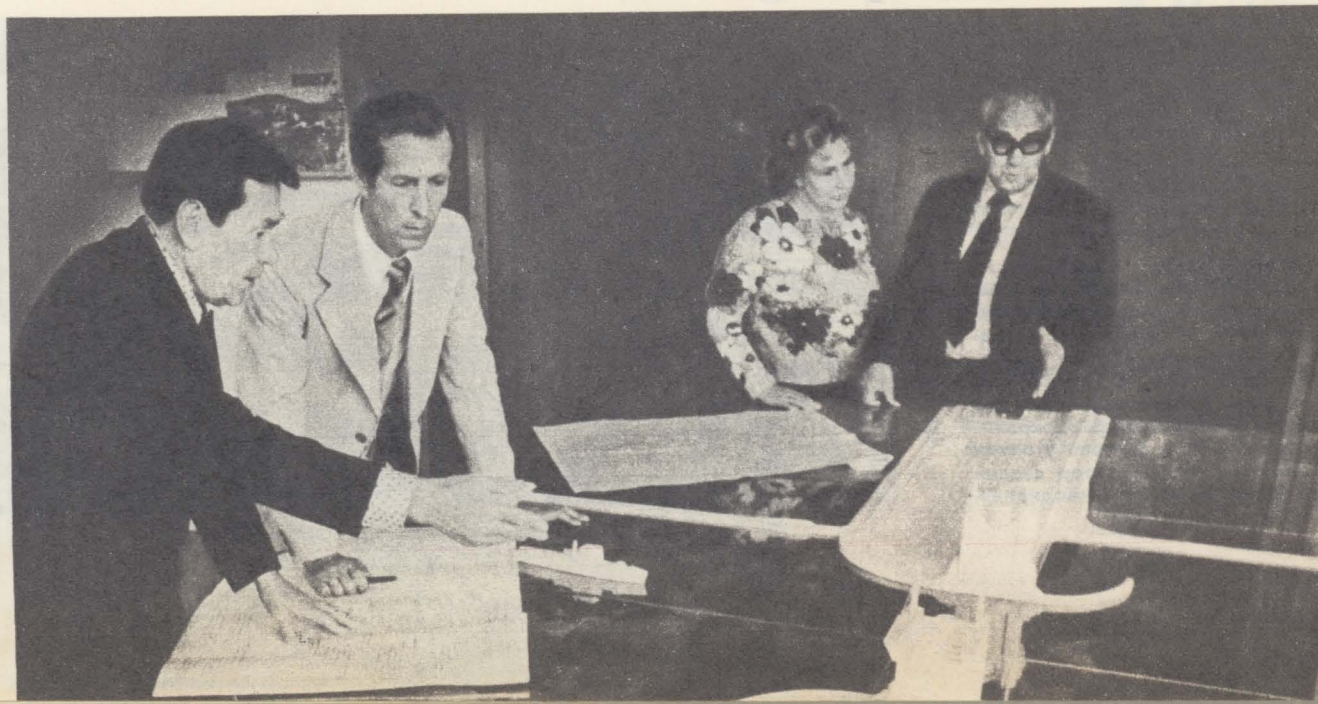
из шести водопропусков — и мы на острове Котлин. Можно захватить в Кронштадт, куда прежде, как известно, попадали только по водной дороге. Дальше шоссе минует в тоннеле еще один судопропускник — шириной 110 метров — и выйдет на берег залива у города Ломоносов. Мы проехали 25 километров, из них 22 — над водой. Быстро и легко, правда? А строителям придется преодолевать это расстояние около десяти лет, уложив на дно залива целые Гималаи песка, скального грунта, возводить и монтировать «по пути» сложнейшие сооружения с самой совершенной аппаратурой. Я уж не говорю, что вдоль трассы появятся кафе, рестораны, пляжи, базы отдыха...

— А наводнения? Не будет угрозы?

— Ни малейшей!

Были проекты укрепления берегов, расширения сети каналов, строительства плотин. Последние годы проводился ряд теоретических, лабораторных и других исследований, результатом которых стал проект строительства комплекса защитных сооружений в Финском заливе — там, где рождается так называемая длинная волна, вызывающая столько бед на Неве. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР поручено ряду министерств и ведомств обеспечить строительство

Главный инженер проекта С. С. Агалаков (слева) со своими помощниками — С. Н. Кураевым, Н. А. Петровой и С. А. Егоровым.

ООН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Михаил МИХАЙЛОВ

24 октября ежегодно отмечается День Организации Объединенных Наций. В этот день в 1945 году вступил в силу Устав ООН.

Как известно, сейчас идет очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. На флагштоке перед зданием Ассамблеи развевается 152 разноцветных флага стран — членов Организации Объединенных Наций. В зале пленарных заседаний стало еще труднее разместить все делегации, так как за время своего существования ООН выросла более чем втрое. Количественный рост международной организации отражает огромные, поистине исторические качественные сдвиги, определяющие лицо современного мира.

На карте нашей планеты появились десятки новых государств. С этой карты, вслед за образованием социалистической системы, исчезли колониальные империи. Старые и новые колонизаторы всеми силами старались, да и до сих пор стараются возвести преграды на пути национально-освободительной борьбы народов. Но империализму не дано повернуть вспять ход событий на мировой арене.

Сложилось и продолжает набирать темпы новое соотношение сил. Об этом убедительно говорят при всех их различиях перемены в Анголе и Эфиопии, в Афганистане и Иране, в Кампучии и Никарагуа.

ООН родилась в результате победы в великой антифашистской битве, она была создана в новых исторических условиях. В отличие от бесплодной Лиги Наций, под послевоенную международную организацию был подведен иной, прочный фундамент. Стоявший у колыбели ООН Советский Союз смотрел далеко вперед, он сделал все необходимое для того, чтобы двери Организации Объединенных Наций — для одних раньше, для других позже — были открыты для всех государств, возникших после победы над фашизмом. Для этого потребовалась упорная борьба, и она привела к успеху, к нынешней универсальности ООН.

Иными были расчеты международной реакции. И не только расчеты, но и практика. На первых сессиях Генеральной Ассамблеи западные державы во главе с США располагали «механическим большинством», они то и дело пускали в ход пресловутую «машину голосования». Представители Запада занимали господствующие позиции и в аппарате генерального секретариата организации.

Все, или, точнее, почти все это кануло в Лету...

Подумать только! Теперь «Нью-Йорк таймс» призывает большинство, то есть социалистические и развивающиеся страны, про-

являть... «сдержанность и внимание» к меньшинству, в котором пребывает Запад. Дело доходит уже до истерики. Английская «Дейли экспресс», не стесняясь, сожалеет о том, что американский «Скайлэб» рухнул с неба на Австралию, а не на здание ООН в Нью-Йорке.

Недовольство Организацией Объединенных Наций со стороны буржуазной пропаганды и западных политиков объясняется тем, что в деятельности ООН на Генеральной Ассамблее, в ее решениях по ключевым вопросам международной жизни преобладают забота о сохранении мира, поддержка политики разрядки, требования решать конфликтные ситуации, какого региона они ни касались бы, в интересах правого дела народов, их суверенитета, национального достоинства, свободы и независимости.

Хотя нынешняя XXXIV сессия Генеральной Ассамблеи прошла еще примерно только треть пути, уже отчетливо видно, что большинство делегаций намерено действовать именно в таком конструктивном духе. В ходе закончившейся общей дискуссии почти все ораторы, за исключением США и их партнеров по империалистической политике, а также пекинского представителя, ставили в центр внимания самую насущную проблему наших дней — проблему разоружения. Они приветствовали заключение Договора ОСВ-2. Широкую поддержку нашли новые советские мирные инициативы, изложенные в берлинской речи товарища Л. И. Брежнева. По окончании общей дискуссии в комитете Ассамблеи обсуждаются советский проект резолюции «О недопустимости гегемонизма в международных отношениях», чехословацкое предложение принять Декларацию о международном сотрудничестве в целях разоружения и другие.

С полной определенностью в ходе Генеральной Ассамблеи вылилось, что большинство членов ООН осуждает сепаратную сделку Египта с Израилем под патронатом США и требует подлинного решения ближневосточного конфликта. Громко прозвучали голоса в поддержку создания в различных районах зон мира, в частности превращения в зону мира Индийского океана.

На пленарном заседании XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи с большой речью в качестве председателя движения неприсоединения выступил руководитель революционной Кубы Фидель Кастро. Американские органы информации, с полной готовностью включившиеся в провокационную антикубинскую кампанию, развязанную вашингтонской администрацией и конгрессом США, естественно, не были склонны рекламировать это выступление. К тому же, когда Фидель Кастро находился в Нью-Йорке, начиналась «демонстрация американской мощи» в Карибском море и высадка более 2000 американских морских пехотинцев «для военных учений» на Гуантанамо. О том, какова сила всеобщего возмущения подобным международным бандитизмом, позволяет судить исключительный прием, оказанный товарищу Ф. Кастро делегатами Генеральной Ассамблеи. Американская печать и телевидение не смогли умолчать о том, что речь Фиделя Кастро не менее двадцати (!) раз прерывалась овациями.

Американские правящие круги и их партнеры в данном случае, как и во многих других, пренебрегают требованиями разума и здравого смысла.

Но те, кто действует в обход ООН, нарушают ее решения и ведут подкуп под все здание международного мира и безопасности, пытаются плыть против течения. В наше время народы способны обезвредить эти зловещие планы.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДРУЖБА И СПЛОЧЕННОСТЬ

По приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии 17—21 октября в Венгрии с дружеским визитом находился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

В атмосфере сердечности и дружбы прошла 18 октября встреча Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара с А. П. Кириленко. Отмечалось важнейшее значение инициатив, выдвинутых в речи Леонида Ильича Брежнева на юбилейных торжествах в Берлине, их положительное воздействие на дело международной разрядки, мира и безопасности народов.

В тот же день на заводе «Икарус» состоялся митинг венгеро-советской дружбы, посвященный дружескому визиту в Венгерскую Народную Республику члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко. На митинге выступил член Политбюро ЦК ВСРП, секретарь ЦК ВСРП К. Немет. Продолжительными аплодисментами было встречено выступление А. П. Кириленко. Он передал в дар коллективу завода «Икарус»

портрет В. И. Ленина. Митинг вылился в яркую манифестацию братской венгеро-советской дружбы, верности идеям марксизма-ленинизма, делу строительства социализма и коммунизма.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко совершил поездку в область Фейер, посетил обком ВСРП, ознакомился с достижениями трудящихся крупного промышленного и сельскохозяйственного района республики.

20 октября А. П. Кириленко ознакомился с венгерской столицей. Состоялась встреча в горкоме ВСРП.

21 октября член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко прибыл из Будапешта в Москву. На аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, секретарь ЦК КПСС Б. И. Долгих, член ЦК КПСС Н. М. Пегов, кандидат в члены ЦК КПСС О. Б. Рахманин и другие официальные лица.

Перед началом беседы Я. Кадара с А. П. Кириленко.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

Натовский «модерн».

Ночные кошмары в Сеуле.

Рисунки народного художника СССР Бориса ЕФИМОВА

АЛЬТЕРНАТИВА ГОНКЕ ВООРУЖЕНИЙ

Два года тому назад, когда США пытались убедить нас в необходимости нейтронной бомбы и ее размещения в западноевропейских странах, единственно «приемлемым» доводом в ее защиту, звучавшим из Вашингтона, было противостоять превосходящей мощи советских танков в Европе.

Советским танкам, наделенным почти магической силой, могло якобы противостоять только такое чудовище, как нейтронная бомба. А когда весь мир заявил протест, США выдвинули около ста предлогов для производства бомбы, но в конце концов вынуждены были отказаться от этой бредовой идеи.

Однако с тех пор воинствующие западные политики не перестают использовать «советские танки» в качестве своего чуть ли не главного аргумента для наращивания сил НАТО, увеличения расходов на вооружение. При этом игнорируется факт сложившегося равновесия сил в Европе. Более того, в последнее время нам внушают, что необходимо разместить в странах — членах НАТО новые американские ракеты в качестве еще одного «сдерживающего фактора» против Советского Союза. Одним словом, средства массовой информации ежедневно, ежечасно страшат нас «советской угрозой».

Заявление Президента Брежнева об одностороннем выводе 20 тысяч советских военнослужащих и тысячи танков с территории Германской Демократической Республики, готовности СССР сократить количество ядерных ракет средней дальности в его западных районах лишает воинствующих политических деятелей НАТО почти всех аргументов в пользу гонки вооружений. Как совершенно справедливо сказал сам Л. И. Брежнев, это «пример перехода от слов к реальным делам». Шаг этот настолько беспрецедентен, что он обес-

куражил врагов разрядки на Западе. «Это такое предложение, — заявила газета «Гардиан», — от рассмотрения которого мы не можем отказаться».

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что Президент Брежнев приоткрыл дверь к сокращению вооруженных сил и вооружений. Руководители НАТО всегда разглагольствовали о «превосходстве» СССР и «слабости» НАТО, хотя Советский Союз не раз показывал, что он не стремится к превосходству, и это еще раз было повторено в Берлине.

Единственно возможной основой для мира в Европе всегда был принцип равенства и равной безопасности обеих сторон. Не может быть мира, если НАТО стремится к собственному превосходству. Вместо того чтобы соревноваться в «превосходстве», Президент Брежнев вновь предлагает отказаться от идеи преимущества для той или другой стороны.

Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель

(АПН — специально для журнала «Огонек»)

Лондон.

Водители С. И. Юсупов, Р. А. Набиуллин, С. П. Никитин, В. Г. Ищенко.

ГОРНЯКИ СИБАЯ — ОКТЯБРЮ

Коллектив Башкирского ордена Трудового Красного Знамени медно-серного комбината в городе Сибее достойно несет трудовую вахту в честь 62-й годовщины Великого Октября. Вся продукция комбината, получаемая при обработке цветных руд, — первой категории и известна далеко за пределами

нашей страны. В Венгрию, Югославию и Болгарию отправляются, например, серный колчедан и пиритный концентрат. Полуфабрикаты покупают Италия, ФРГ, Австрия.

Двадцать пять бригад дали слово выполнить свои пятилетние планы к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. А бригада водителей большегрузных автосамосвалов — БелАЗов, которую возглавляет С. П. Никитин, уже выполнила 10-ю пятилетку — перевезла свыше полутора миллионов тонн горной массы. Обязательства, предусмотренные на конец пятилетки, перекрыты на триста тысяч тонн. Производительность машин превысила плановую более чем на миллион тонно-километров. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени С. П. Никитин представлен на соискание Государственной премии СССР 1979 года.

Фото В. ВОНОГА
(ТАСС)

страда

Двадцатипятилетие начала славной целинной эпопеи земледельцы Казахстана, одной из крупнейших житниц в стране, отметили славной трудовой победой. Они вырастили высокий урожай, успешно ведут продажу зерна государству. В канун 62-й годовщины Великого Октября советские люди с радостью восприняли сообщения — рапорты о выполнении плана продажи зерна Родине многими областями Казахстана. Хлебные поезда продолжают идти к элеваторам.

Десятки тысяч подлинных героев страды — старожилы-целинники и тех, кто принял от них трудовую эстафету, молодых механизаторов, посланцев других республик, — дни и ночи работали на бескрайних казахстанских нивах. Об одном таком герое рассказывается в репортаже нашего собственного корреспондента по Казахстану.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Я ехал на попутном ЗИЛе с тока совхоза «Александровский» на кустанайский элеватор. Грузовик был старый да еще два прицепа с зерном за собой тянул, но шел ровно и мощно, и мотор его пел свою песню без сбоев. И хорошо думалось под эту песню о том, что жизнь человеческая полна добрых дел, а то и подвигов, но, странное дело, ни от одного из героев не приходилось мне слышать этого самого слова — «подвиг». Вот хотя бы шофер, с которым сейчас еду. Я посмотрел на Павликовского: интеллигентное лицо под тонкой пленкой пыли, запотевшие очки, соль седины в короткой стрижке, тяжелые рабочие руки спокойно лежат на руле. Пятнадцать лет назад Виктор Антонович вернул к жизни старую, готовую к списанию машину («Под забором стояла, ее уже на запчасти начали было растаскивать», — рассказывал он) да так с тех пор, на удивление всем, ездит на ней. И не просто ездит, а постоянно перевыполняет нормы, стал заслуженным работником автотранспорта Казахской ССР, двумя орденами награжден, работает уже в счет 1982 года... И я ехал с ним тоже как бы в будущем и чувствовал себя, честно говоря, странновато — вот тут поля

79-го года, там сегодняшние комбайны, дорога нынешняя под колеса стелется, а мы с Павликовским, надо же, уже на три года впереди живем. Удивительно... Впрочем, я-то что к чужой славе примазываюсь?

Он сам, похоже, ни о чем таком не думал, просто старался вести машину как можно лучше и быстрее. И казалось, что она у Павликовского шла как бы сама собой, но я-то знал, что таких чудес не бывает. Вот ведь человек! Ему, конечно, в автохозяйстве много раз новые предлагали, но он отказывался, посмеивался только: «Лучше кабину замените, а «зилок» мой еще побегаеет. Рано ему на пенсию». Кабину купил он сам, на свою очередную премию. Сам переоборудовал деревянный кузов под самосвал и оба прицепа — тоже. И все эти годы совхоз поручал Павликовскому — честь по труду! — возглавлять первый караван с хлебом нового урожая. Так было и нынешней осенью...

Целинником он стал в 1955-м. Приехал с теплой, обильной Украины на суровую эту зем-

лю, мерз вместе с ней, жарился под солнцем. И всякое бывало: и щедрые урожаи и обуглившиеся под суховеями поля. Но большие эти заботы и большие дела пришлось Павликовскому по плечу. Нравились ему немеренные поля и распаханый простор, почувствовал он здесь себя земли хозяином...

А еще раньше он воевал и был ранен в Белоруссии. Тяжело ранен.

А еще раньше под руководством отца учился разбираться в технике и понял уже в детстве, что это и есть его призвание...

В кабине, хоть и новая она, все же тесновато. Ноги упираются в канистру с водой, тут же кошелка с бутылкой молока, помидорами, салом и хлебом. Под боком подушка и одеяло. Прямо дом на колесах.

— Вы что же, Виктор Антонович, и ночуете в машине? — спросил я.

— Случается: хлеб, он ведь ждать не может.

Вдали уже завиднелись башни элеватора, и Павликовский оживился.

— Бежит машинка-то! — воскликнул он как бы изумленно-радостно и слегка похлопал по обшивке кабины. — Бежит, от других не отстает. Я ведь уже пятым рейсом иду...

— А по норме сколько надо?

— Три рейса.

У элеватора весело. Подъезжают и подъезжают машины с зерном: КамАЗы, «Колхиды», «газики», ЗИЛы. Тут же стоят люди с красными повязками на рукавах — общественные контролеры. Увидев машину Павликовского, они вежливо отступили в сторону, знают — тут проверять нечего. И вот уж лаборантки включили пробоотборник, чтобы взять зерно для анализа. Виктор Антонович махнул рукой и поехал к весам. Он спешил. «Хлеб ждать не может» — вспомнил я его присловье...

Здесь элеватор — ровесник Павликовского по целинному стажу: первое зерно принял в 1955 году. Через несколько лет его мощность достигла ста тысяч тонн зерна.

— В разгар страды мы принимали за сутки более пяти тысяч тонн хлеба, — говорит директор элеватора М. З. Давыденко.

Я пошел посмотреть, как идет разгрузка. В пультовой сидела девушка и нажимала кнопки. Повинуясь нежному движению ее пальчика, подъемные устройства играючи вздымали вверх и наклоняли огромные КамАЗы. И сыпалась в бункера, шуршала и плескалась пшеница, собранная по зернышку на гигантской ниве.

И снова я еду с Павликовским на ток. И снова степной ветер врывается в окна кабины, и запах хлеба перебивает все остальные.

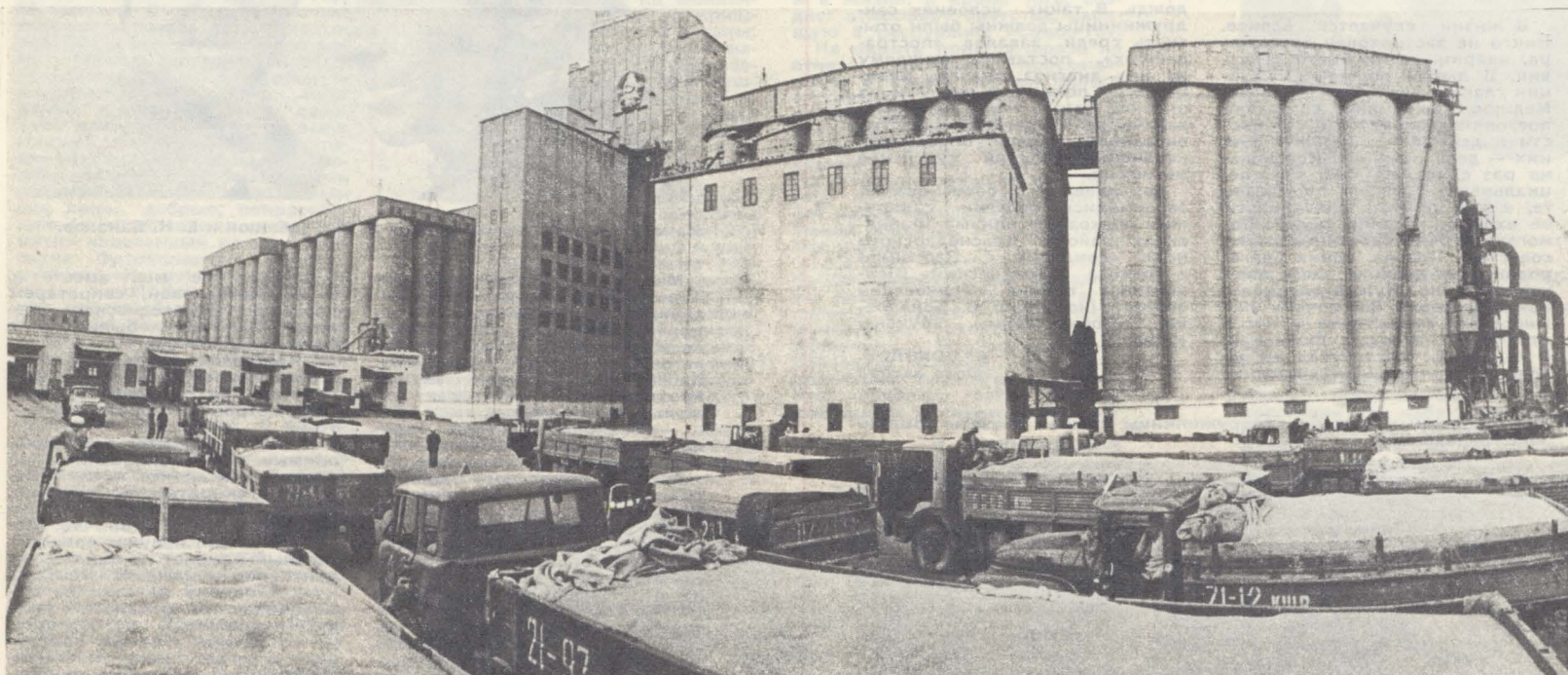

Шофер Дусенбек Баиров.

Виктор Антонович Павликовский — заслуженный работник автотранспорта Казахской ССР.

ХЛЕБНЫЕ ДОРОГИ

Кустанайский элеватор.

ЗДРАВСТВУЙ, «СТАХАНОВЕЦ ПЕТРАШ»!

ОДЕССА

Сорок четыре года назад руководимая Андреем Ивановичем Петрашем бригада грузчиков Одесского порта начала работать по-стахановски. Коллектив добился резкого ускорения портовых работ. Вскоре по такому же методу стали трудиться во многих портах страны. Стахановская эстафета на морском транспорте, пройдя сквозь годы пятилеток, дошла до наших дней.

Имя зачинателя славного движения не забыто. А теперь оно — и на борту нового океанского теплохода.

— Это сухогруз необычной конструкции, — говорит капитан судна Владимир Сергеевич Сорокин. — Тип его «ро-флоу», что значит «вкатывать-вплывать». В мире подобных судов — единицы.

Что же представляет собой новый теплоход? В основном он рассчитан на перевозку супертяжеловесных и крупногабаритных грузов весом до 700 тонн каждый, которые невозможно перевезти на обычных судах. Для этой цели имеется трюм длиной 90 метров и объемом 10 тысяч кубометров, над ним два мощных козловых крана грузоподъемностью 350 тонн каждый.

Чтобы быстро погрузить или выгрузить тяжеловесы, судно оснащено всем необходимым. Например, здесь имеются специальные погрузочные машины: две особые тележки на 80 колесах каждая.

Снабжен теплоход и двумя понтонами. Нагруженный крупногабаритами понтон вкатывается в трюм теплохода, который для этого погружается в воду таким образом, чтобы главная судовая палуба оказалась ниже уровня моря. Именно это свойство судна и отражено в наименовании его типа.

— Корабли финской судостроительной компании «Холлинг», которые создавали теплоход по заказу нашей страны, — продолжает В. С. Сорокин, — не забыли и о комфорте для экипажа — одноместные каюты со всеми удобствами, финская баня, спортзал, фотолaborатория, салоны для отдыха, библиотека, кондиционированный воздух во всех помещениях...

Я. ЛЕВИТ.

Теплоход «Стахановец Петраш» в родном порту.

Фото автора

ПОДМОСКОВЬЕ

САНДРУЖИНЫ,
НА СТАРТ!

В жизни случается всякое. Никто не застрахован от пожара, аварии, стихийного бедствия. В любой подобной ситуации главное — спасти человека. Медики, пожарники, спасатели постоянно находятся в готовности к действию. Тревога для них — дело обычное. Но сколько раз случалось так, что специальным службам помогали те, в чьи прямые обязанности не входит спасение людей. Помогали, руководствуясь своей совестью. Правда, одних благородных побуждений здесь явно недостаточно. Нужна специальная подготовка. Вот почему уже много лет существуют у нас в стране, на заводах, фабриках, в колхозах, институтах добровольные санитарные дружины.

Под проливным дождем сандружинники спешат оказать помощь «пострадавшему».

Недавно в Ногинске Московской области проводились Всероссийские соревнования сельских санитарных дружин. Тяжело пришлось не только их участникам, но и судьям, представлявшим прессу. На специально оборудованном полигоне имитировались последствия крупного бедствия. Труднопроходимая местность, нагромождения железобетонных обломков, развалин «домов» заставляли каждый шаг делать с осторожностью. Огонь и дым были самыми настоящими, так что сандружинникам приходилось работать в респираторах. Скидок никаких, в том числе и на погоду: в первый же день соревнований пошел проливной дождь. В таких условиях сандружинники должны были отыскать среди завалов «пострадавших», поставить каждому из них диагноз, оказать медицинскую помощь и вынести из опасной зоны. Что и говорить, задача не из легких! Качество оказанной помощи определяла квалифицированная судейская комиссия.

Двухдневные соревнования закончились победой сандружин совхоза-техникума Лабинского района Краснодарского края (командир Г. Забелина) и совхоза «Фряновский» Щелковского района Московской области (командир В. Бондарева). Победителям вручены кубки.

А. СОКОЛОВ.
Фото автора

ВТОРАЯ ЖАТВА

Начальник уборочных отрядов Л. М. Гребенюк и Е. Н. Бананов.

Машина миновала поселок Хороль, и вот перед нами Приханкайская низменность. Влево, вправо, вперед — поля, поля, от неба до неба лежит золотое руно Ханкайской долины. Набегающий ветерок легкой прохладной волной трогает тяжелые метелки риса...

— Мелиораторы здесь хорошо поработали, — говорит инженер управления сельского хозяйства Приморского крайисполкома И. И. Востриков. — Лет десять назад на этом месте были болота, такие вот, как справа, — он кивает на поросшие кочкой небольшие озера. По воде снуют дикие утки, смело подплывают к самой дорожке. Осушая болота, мелиораторы специально оставили нетронутый уголок в тридцать гектаров. Чуть дальше по трассе еще один заповедник... Там рыбу разводят...

А через час мы, вместе с В. К. Безгодковой, секретарем партбюро рисоводческого совхоза «Авангард», были уже в бригаде Гребенюка.

...Комбайны я увидел еще с откоса сбросного канала. Они работали, развернувшись широким, метров на триста, фронтом.

— Рис убирается «с корня», прямым комбайнированием, но соломой, как видите, после обмола не скирдую, оставляем в валках. Через день-другой комбайны пройдут вторично. Подбрав валки, получат дополнительный намолот по шесть-семь центнеров с каждого гектара.

— А почему метелки не вымачиваются с одного захода? — спрашиваю у парторга.

— Причина в самом комбайне, — отвечает Валентина Константиновна. — Сегодня на уборке риса мы используем обыч-

Недавно в пятигорском санатории имени С. М. Кирова лечились и отдыхали наши зарубежные друзья: сотрудник газеты «Ланд оф Фольк» известный художник Херлуф Бидstrup и председатель общества Дания — СССР Хермад Ланнунг. Во время отдыха они ознакомились с работой колхоза имени Ленина, Предгорного района, Ставропольского края, посетили ордена Трудового Красного Знамени Терский конный завод.

В ГОСТЯХ У КОННИКОВ

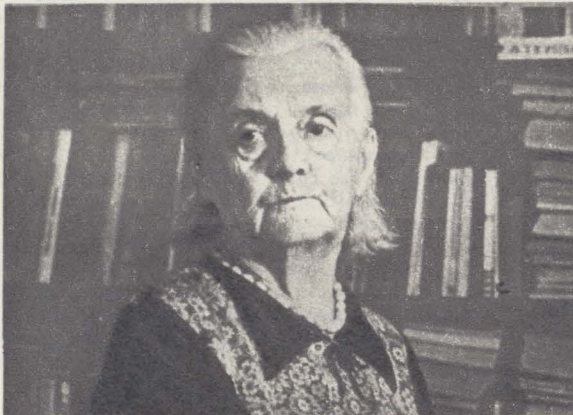

Хермад Ланнунг и Херлуф Бидstrup на Терском конном заводе.

Фото А. Устинова

КАЗАХСТАН

Пятьсот читателей

В Шахтинске: есть такой город — сосед Караганды — живет здесь Варвара Михайловна Попова. Знают ее во всем Казахстане. Три дня в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, с четырех дня до восьми часов вечера занята она в своей квартире необычным делом: выдает из личной библиотеки книги жителям родного города. А библиотека у нее — 7800 книг. Пятьсот земляков — постоянные читатели. Среди них шахтер Валерьян Хасанов, бетонщица Галина Савосина, другие рабочие и, конечно, много ребят.

Занимается Варвара Михайловна добровольным просветительством, и не беда, что книги зачитываются, теряют свой вид. Тут уж помогают читатели: они не только «лечат» книги, но и пополняют любимую библиотеку. Местное общество книголюбов проводит большую работу по распространению замечательного почина: в области действуют уже четыре такие общественные библиотеки.

А. БАЛЬБУРОВ.

На снимке: Варвара Михайловна Попова.

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

ные хлебные комбайны, а нам нужны специальные рисовые, принципиально новые. Рисоводы страны давно ждут их. А пока вынуждены расходовать деньги, моторесурсы, топливо на повторные обмолоты.

Рисовые чеки бригады Л. М. Гребенюка устроены на площади почти в полторы тысячи гектаров. В бригаде сорок человек — двадцать механизаторов и столько же поливальщиков. На период уборки в бригаду из других хозяйств прибыли со своими комбайнами еще 26 человек. В страдный период главная заповедь механизаторов Приморья: убрал свое поле — помоги соседу. Сейчас у Гребенюка под началом уборочно-транспортный отряд. Комбайны и другая техника работают как единый, хорошо отлаженный механизм. Сам бригадир Леонид Михайлович Гребенюк невысокий, худощавый, очень подвижный. Веселое обветренное лицо, добрые, покрасневшие от недосыпания глаза. За метив нацеленный на него объектив фотоаппарата, замахал руками: «Не меня снимайте, а орлов моих! Вот Юрий Кузнецов, классный комбайнер, у него самый большой намотот по совхозу. За день выдает из бункера более двадцати тонн риса... И, если можно, поскорее, а то спешим!»

Время уборки не терпит праздных разговоров. О бригаде и ее трудностях я узнал от портрета. А трудности были, и немалые. Снажаем, весной, когда ровняли рисовые карты на переувлажненной почве. Это очень усложнило планировку ченов, подгонку разделительных валиков, чистку каналов. И асепти посевную бригаду начала раньше других. Работали сутками. Потом пришла другая беда — засуха. Однако, несмотря на то, что рис вырастили хороший.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

РЕСПУБЛИКА «САМБО-70»

МОСКВА

Мальчишки становились на одно колено и подписывали присягу на верность избранному пути. Ровно девять лет тому назад, осенью 1970 года, была провозглашена республика «Самбо-70».

Чтобы добраться на юбилейное торжество, мне не пришлось пересекать моря и океаны. К дому, где у входа было написано: «Средняя общеобразовательная школа № 8 Черемушкинского района Москвы» и «Специализированная школа олимпийского резерва «Самбо-70», меня привела обычная московская дорога. Об этой школе уже писал «Огонек».

...Звучит барабанная дробь, выходит первый и бессменный «президент республики», многократный чемпион страны и чемпион мира Давид Львович Рудман. «Президент» (он же директор спортивной школы) занимает место в президиуме рядом с «вице-президентом» (директором общеобразовательной школы Галиной Федоровной Магницкой), с членами «правительства республики», педагогами и тренерами.

Звучат отчеты о проделанной за год работе, а потом начинается награждение лучших граждан республики. Я

смотрю на восторженные лица ребят и, право же, завидую им... Их дружеской сплоченности, их умению радоваться победам товарища-соперника и тому, что им знакомы сладость побед и горечь поражений. Наверное, именно это помогает им верить в будущие победы не только на ковре, но и в жизни, а кроме того, создает атмосферу братства, царящую в республике «Самбо-70».

На память пришла фраза из отчета «комиссара просвещения»: в школе нет ни одного отстающего ученика! И еще вспомнились слова Рудмана, что если несколько лет тому назад чемпионов Москвы среди учеников школы было можно сосчитать по пальцам, то в 1978 году их было тридцать пять! Вот каких внушительных достижений добилась эта удивительная школа.

...Сегодня республика «Самбо-70» девятый раз празднует победу. Кто авторы этой победы? Авторы — это и Черемушкинский район КПСС и исполком Черемушкинского райсовета Москвы, это и оба директора, педагоги, тренеры. Это, наконец, сами ребята, школьники и спортсмены...

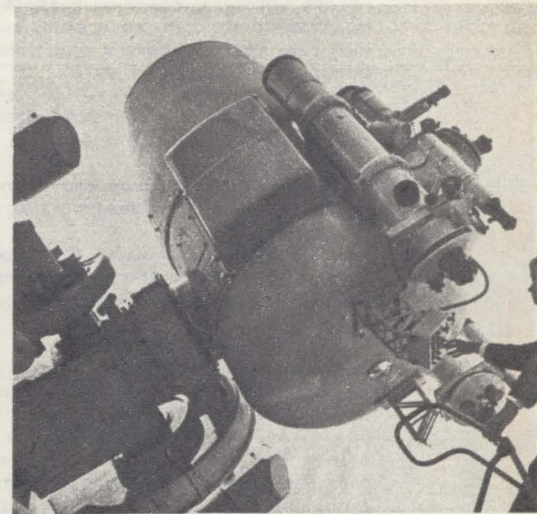
И. МИЛЬВИДСКАЯ

Фото А. Чистякова

ТАДЖИКИСТАН

НЕБО БЛИЖЕ

Новый телескоп Гиссарской обсерватории.
Фото Р. Джуманиязова

Устремленные в заоблачные горы Таджикистана — словно подставки для наблюдающих за небом приборов. Неподдалеку от Душанбе, в отрогах Гиссарского хребта, вот уже сколько лет действует астрономическая обсерватория. Под особым наблюдением здесь метеориты и переменные звезды.

Непрерывно совершенствуются техническая оснащенность и экспериментальные методики этого научного центра. Современные телескопические установки позволили таджикским астрономам значительно «приблизить» небо.

В. КОСТЫРЯ,
сборник «Огонька»

НЕСТИ ЛЮДЯМ ДОБРО...

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

— Я из крестьян, — говорит Михаил Андреевич Савицкий, народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств, депутат Верховного Совета Белоруссии.

Чувство кровной связи с родной землей прочно вошло в его картины. Хлеб стал важной темой в творчестве мастера.

Из детства, из родной деревни, которая называлась ласково — Звинячи (оттого, видно, что здесь постоянно звучала песня), тянутся к нему пряные запахи яблоневых садов, дух свежего, только что испеченного карава, ощущение налитого, зрелого зерна в ладони.

И вот ритмично, как в танце, движутся женщины в картине «Стелют лен». Крепкие, ладные фигуры, сильные руки. Такая величественность, мягкость, достоинство в их облике, что небольшое по размерам полотно кажется монументальной фреской.

Золотистый колорит, теплые краски, драгоценная фактура живописи. Это картина «Зерно». Высятся горы пшеницы, уходят все дальше и выше, почти до горизонта. А перед ними и рядом те, кто сеял и растил, волновался за судьбу урожая в засуху и непогоду, кто днями и ночами во время страды пропадал в полях, чтобы дать стране как можно больше хлеба. Всех людей на холсте объединяет и связывает зерно; каждый человек здесь непрост и индивидуален. Два цвета: золотой и приглушенный красный — глубокий, напряженный и одновременно торжественный преобладают в картине. Так композицией, цветом, индивидуальными психологическими характеристиками художник утверждает значительность крестьянского труда, говорит о сложном мире человека современной деревни.

— Труд на земле тяжелый, но красивый. Для сельского человека хлеб — дело всей жизни и отношение к нему свято. Это мне и хотелось передать в своих картинах.

В его мастерской в Минске на мольберте почти готовый холст «Хлеб нового урожая»; созданный здесь образ — это символ матери-Родины, преломившей хлеб со всеми нами — ее детьми. А вокруг плодородный сад, яркие яблоки в плетенках, национальный орнамент тканей из белорусского льна.

— У меня одна тема — человеческое достоинство. Оно проявляется в разных условиях, обстоятельствах. Пишу людей красивой души, людей войны, совершивших великий подвиг, хлеборобов, гордых плодами своего труда.

И кажется, что герои его картин, так же, как сам художник, никогда не забывают, что земля, на которой зреет хлеб, полита кровью ее защитников.

...250 дней был Михаил Савицкий в обороне Севастополя. В 42-м году во время последних боев у Херсонесского маяка вместе с оставшимися в живых бойцами, сражавшимися за легендарный город, попал в плен.

На этом не прекратилась для него борьба с фашистами. В лагере военнопленных в Дюссельдорфе, работая на вагоностроительном заводе, он делал все возможное, чтобы вагоны выходили из строя, едва дойдя до линии фронта. Затем, в Гильдене, с таким рвением «ремонтировал» электрооборудование, что в фирме осталось только два годных станка. Все это не могло остаться незамеченным. Четыре раза он пытался бежать. Но неудачно. Аресты, пытки, карцер в Бухенвальде, двадцать дней без пищи... Затем тифозный барак в Дахау. Он был почти безнадежен, когда 29 апреля 1945 года пришло освобождение.

— Сколько я видел смертей, сотни, тысячи... Погибли люди лучшие, чем я. Может быть, я остался жить, стал художником, чтобы рассказать об этом.

После войны Михаил Савицкий окончил художественное училище в Минске, затем московский Суриковский институт. В 1957 году защитил диплом, которым стала картина «Песня» — возвращение с сенокоса, — сразу же попавшая на всесоюзную, а оттуда — на первую международную выставку стран социализма.

— Прежде всего мне надо было быть уверенным в том, что я профессионально готов выполнить задачи, которые перед собой ставил.

Он работал в мастерской ежедневно, без выходных и отпусков. Один и тот же сюжет, например, стелют лен, решал по-разному, чтобы уяснить или, как он говорит, прощупать руками выразительность цветовых и пластических ритмов, найти нужную форму, композицию и тем самым добиться наибольшего эмоционального впечатления.

— Учился думать, обобщать, жестко отбирать изобразительные средства. Художнику надо быть мыслителем...

Михаил Андреевич продолжает:

— Искусство должно отражать жизнь народа, то, чем он живет, о чем думает. В те годы еще слишком сильна была память о войне, о

великой борьбе, которая шла на нашей земле за освобождение, за независимость... Погиб каждый четвертый белорус.

Погибли трое братьев художника.

Войну священную, народную войну он показал в большой серии работ о партизанах. Как былинное сказание, эпично и величественно «Партизанская мадонна». В этой картине — жизнь партизанских лесов, тревоги лихого времени, богатырский подвиг советского человека. Молодая женщина с ребенком на руках — в этом образе Родина, семья, любимая, все самое близкое и дорогое, что несли в своем сердце бойцы, уходя в бой. Надежность, мужество, верность в прекрасных чертах партизанской мадонны.

Другая картина этой серии, представленная на вкладке, «Партизаны». Казалось бы, частный сюжет — прощание двух молодых людей. Но взгляните в этот серый, словно бы грязный свет сумерек, в темнеющий, будто налитой опасностью лес вдаль, в решительный, твердый шаг партизан, идущих на боевое задание. И вы прочтете целую повесть о времени, о стране, о людях и испытаниях, выпавших на их долю.

— В прошлом году на Западе ставился вопрос о давности фашистских преступлений. Мне надо было сказать о фашизме, о зверствах гитлеровцев так, чтобы дошло до сердца каждого.

«Цифры на сердце» — тринадцать картин Михаила Савицкого о кошмаре гитлеровских концлагерей. Он начал работать над ними пять лет назад. Глубокий, коричнево-свинцовый мрак заливает пространство полотна. Лагерьная жизнь, беспросветная, жуткая. Редкие сполохи пламени зловеще прорезают тьму, как предвестье беды. Грязным, землистым цветом лепит художник фашистов, предателей. И в этом крошечном аду, где основная краска — коричнево-черная, неожиданно появляется теплый золотистый свет. Он рождается внутри самой картины, и вы понимаете, что его ровное, спокойное сияние исходит от людей, от тех, чей дух живет, сопротивляется, кто сумел сохранить достоинство и нравственные идеалы.

...Снова и снова приходилось вызывать в памяти лица, события, жесты. Мастер заново переживал страдания тех лет. Задача была в том, чтобы все ужасы, пережитые заключенными, не стали главным впечатлением от картин. Искусство должно быть искусством — нести людям добро и красоту.

Художник сумел отделиться от узника. Это было непросто, но он поднялся над деталями, которые цепко держат в плену частностей, избежал натурализма и внешней экспрессии. У этих картин думаешь о Дантовом аде, апокалиптических сценах, о мистериях средневековья. Собранные вместе, полотна впечатляют неимоверной сконцентрированной в них энергией, в которой угадывается сила духа самого мастера.

Будет ли продолжен цикл «Цифры на сердце»? Возможно. Пока в мастерской на подрамнике одна из одиннадцати работ, которые живописец готовит для музея Янки Купалы, — портрет поэта.

— Люблю, когда есть заказ, — говорил Михаил Андреевич. — Значит, это кому-то надо, и стараюсь работать так, чтобы люди были довольны.

Идеи, убежденность художника прочно связаны с его активной гражданской позицией. Депутат Савицкий много делает сейчас для введения в республике новой системы художественного образования. Уже добился того, что в нескольких общеобразовательных школах в этом году начнут изучать изобразительное искусство с первого по десятый класс.

— Искусство развивает образное мышление, необходимое в любой профессии, учит отношению к труду — делать все красиво, с любовью. Не говорю уже о том, что оно формирует культурного человека.

Художник говорит веско, ясно. Видно, все не раз взвешено, учтено. Говорит о необходимости школ с художественной профорацией, которые будут учить ребят хорошему, интересному ремеслу: чеканке, например, или резьбе по дереву, работе с камнем, керамикой, стеклом. Особенно это нужно там, где существуют местные традиции, народные промыслы.

Он уверен, что выпускникам художественных вузов — живописцам, графикам, скульпторам полезно ехать работать в колхозы, на заводы, и не в краткие командировки, а на годы, чтобы знать людей, которым посвящают произведения, чтобы всюду нести свет искусства.

Этой идеей он заразил председателя колхоза «Рассвет» В. К. Старовойтова, который подал заявку в институт и теперь у него в колхозе есть молодой художник.

Творческой и духовной энергии Михаилу Андреевичу не занимать. Мастерство бесспорно: его картины в лучших собраниях страны — в Третьяковской галерее, Русском музее. Для свершения всего задуманного нужно только одно — здоровье.

М. Савицкий. Род. 1922. ПАРТИЗАНСКАЯ МАДОННА.

М. Савицкий. ПАРТИЗАНЫ.

В Р А Ж Д А

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

* * *

«Помогу...» Помог, кобелина проклятый, не раз горько думала о Пилюгине Катя еще до рокового Мишухино выступала.

А теперь, когда старая Андрониха с непреклонной убежденностью объяснила Кате причины свалившихся на нее напастей, рассказала о двух этих линиях в Романовке — тихомилловско-афанасьевской и пилюгинской да высказала свое предположение о причине смерти Ксении, жены Степана, — перед Катей как бы распахнулась бездна жизни, заглянув в которую, она поразились. И она часто теперь задумывалась о вещах каких-то отвлеченных, не относящихся к истории затерявшейся в холмах крохотной Романовки, живших и живущих в ней людей. Думала Катя, что вот течет речка, и человек видит, что делается на ее поверхности — солнечные да лунные блики качаются, волны играют, то мутная весной или после дождей, то светлая она течет. А какая жизнь идет в глубине?

Кате казалось, что она стала понимать теперь многое-многое. Хотя что конкретно — объяснить ничего бы и не могла. Но вот та же Марунька-счетоводиха врезала ей недавно, чтоб не надеялась, что дальше-то горюшка будет поменьше, а то, мол, прохнычешь до вечера, так и вовсе жрать будет нечего. Да и сама Андрониха, вместо того, чтоб пожалеть, заявила ей вроде бы рассерженно: кто, мол, про твою распутство не знает, нагуляла пузо, так и казись. А секретарь райкома партии Дорофеев в тот день, как предложил ей взять на себя колхоз, сказал и вовсе ясно и определенно: каждого пожалеть надо бы, да как в такое время? И понимала Катя, что невозможно, а тем не менее во всем этом, в словах и Маруньки, и Андронихи, и секретаря райкома она видела теперь большую человеческую жалость к ней и заботу, чувствовала тот большой и вечный смысл бытия, который помогает человеку выдюжить и выжить в самых немыслимых обстоятельствах.

...Лето наступило хорошее, в меру выпадали дожди, достаточно было солнца и тепла, посевы дружно зеленели, в лощинах меж холмов быстро подрастали травы.

После похоронок на отца и Степана Катя резко изменилась, она будто вдвое стала старше, замкнулась в себе, ни с кем почти не разговаривала целыми днями, оставив детей на ту же Андрониху, разъезжала в одиночестве по полям, по сенокосам. Осматривать угодила столь часто было без надобности, но она ездил, иногда где-нибудь выпрягала лошадь и пускала пастись, а сама ложилась в траву, часами глядела, как текут в небе облака, слушала, как в бездонной синеве играют свои любовные игры жаворонки.

Писем от Степана и отца она теперь, понятное дело, не ждала, Марунька-счетоводиха иногда подавала ей в конторе письма от Мишухи, они были не в конвертах, а тоже треугольниками, как с фронта. Каждое письмо Катя долго держала в кармане порыжелого отцовского пиджака, который на плечи не надевала почти, а возила на

всякий случай под передним сиденьем ходка, и часто, лежа в траве, перечитывала. Писал Михаил в общем-то об одном и том же: все у него в порядке, колония хорошая, нормы он свои выполняет, спрашивал, как у них там в колхозе дела, кто ж теперь председательствует да жаловался, что вот почему-то не отвечает ему отец, он писал на воинскую часть несколько писем, а с фронта ни ответа ни привета. В последнем письме Михаил прямо спросил: «Может, не дай бог, с отцом чего случилось? Ведь война ж, все может быть, чего ты, Катя, темнишь-то, я ж взрослый...»

Катя облила это письмо слезами. «Взрослый...» И тем же вечером попросила у Марии какой-нибудь листок, а ночью, уложив детей, села за стол и, сглотнув тяжелый комок, вывела: «Родимый Мишенька...»

Беспрерывно обтирая платком глаза, она сообщила Михаилу, наконец, обо всем — и о похоронных, которые так долго от нее скрывали («Да и хорошо, а то ведь тебя в тюрьму тогда засуждали, не выдержать бы мне всего-то враз»), и о том, что председательствует теперь в колхозе вместо Пилюгина она («Это секретарь райкома Дорофеев взял да опрокинул на меня весь колхоз. Хитрый он, горе горем, дескать, свету белого теперь не видишь, а вот еще бери воз да вези... И, Мишенька, какой я там председатель, ничего-то покуда не умею, а вот только сейчас поняла — без воза-то этого однако бы я до смертности от горя и скукожилась и детишек осиротила. Выходит, спас он не только меня. А дела в колхозе вести обучусь я, Миша, отцу нашему пусть спокойно там лежаться будет...»).

Слезы, которые она пролила над этим письмом, были какие-то не тяжелые, облегчающие. И были они едва ли не последними за всю ее такую несладкую жизнь. Даже когда лютой гибелью погибли Захар с Зойкой, когда она глядела на их общий могильный холмик, еще свежий и черный, глаза Кати были сухими, только бессмысленными и холодными, как давняя зола, на лбу ее сошлась да больше так и не разгладилась глубокая складка. Кузнец Макеев да старый Андрон, стоявшие вместе с ней у могилы, видели, как несильный ветерок выбил у нее из-под платка и стал раздвигать прибреженный белой извесью клочок волос.

Но все это случилось в сентябре, в самом конце его, когда сыпалась на землю пересохшие желтые листья, похожие на лувковую скорлупу. А пока жизнь в Романовке текла внешне без всяких происшествий. Жить было так же голодно, но определенно веселее, с фронта что ни день приходили новые радостные известия. Советские войска вели успешные бои по освобождению Белоруссии, Карелии, Прибалтики, Западной Украины, немцы стремительно откатывались назад, наши войска ежедневно освобождали десятки сел и городов, о чем каждое утро торжественно сообщалось по радио. Сенокос Катя провела быстро и легко, Дорофеев направил в Романовку из района несколько десятков баб и школьников старших классов, с зари до зари в лощинах меж холмов, по долинам ключей стоял людской гомон, слышались нередко песни, вырастали стога и скирды. Раз за лето объявлялся на колхозных угодах и сам Дорофеев, он приезжал на знакомом своем ходке, был без шинели, но в толстом суконном пиджаке: несмотря на жаркие дни, он все же постоянно чувствовал озноб, болезненно поеживался, но глубоко запавшие глаза глядели весело, а при разговоре с Катей исхудавшее лицо его освещала добрая, похожая на отцовскую улыбка.

— Славно, славно, Катерина Даниловна! — говорил он, кивая на стога и скирды. — А говорила, не справлюсь, ишь, напластали сена-то.

— Да с вашей помощью.

— Ну, помогать и бог горазд. А дело люди делают. Ежели и уборку так проведешь — окончательно колхоз на ноги поставишь.

Уборку... А живот-то давно уже нельзя было скрыть, как раз, высчитала Катя, и придется на уборку самые последние месяцы, где-то в конце ноября родить. Но Дорофеев будто не замечал, что она беременна, ни разу ни голосом, ни взглядом не напомнил ей о ее состоянии.

И романовские бабы словно не видели ее живота, они стали послушнее, все ее распоряжения выполнялись теперь беспрекословно. Да Катя и не распоряжалась в обычном смысле этого слова, а негромким голосом говорила, что надо сделать то-то и то-то, и все делалось и выполнялось на совесть, проверять ни за кем не было надобности. И еще каждая бабенка старалась чем-нибудь да угодить Кате, оказать ей какую-нибудь услугу. Вечерами, когда она, измотавшись за длинный летний день до предела, приезжала домой, все в комнатах было прибрано, на ночь и растопка припасена и вода налита, нередко и полы помыты. Все это делали и старшие дети, Захар с Николаем даже полы мыли, но мыли, да не так, как говорится, по углам грязь размазывали, а тут все бывало вычищено и выскоблено женской рукой. Сперва Кате все это как-то в глаза не бросалось, но однажды она с удивлением вдохнула посвежествующий воздух в своем доме, оглядела еще влажный пол и спросила у бабки Андронихи, уже накормившей детей и укладывающей их на ночь:

— Кто?

— Чего? — не поняла старуха.

— Хозяйничает это кто тут у меня? Не ты ж полы помыла...

— А-а... Да ладно тебе, — махнула рукой Андрониха. — Намаялась, так вот молочка попей да ложись давай, а я побегу старика своего кормить.

Когда старуха ушла, Катя распыталась детей. Оказывается, то Марунька-счетоводиха, то кладовщица Легостаиха, то еще кто-нибудь из баб частенько объявляются в их доме, делают то да се, что бабка Андрониха укажет, а сегодня полы вымыла тетка Василиха.

Лежа в кровати, Катя чувствовала теплый комок в горле, никак не могла его проглотить. Сон ее долго не брал, она все думала, да где же это бабенки, заматанные до смертельной усталости и колхозной работой и своими домашними делами, находят еще силы помочь ей, в сущности, чужому им человеку, и, главное, что их заставляет это делать? Вот даже Василиха, вечно хмурая и нелюдимая, обзаведшаяся на всех за несправедливое подозрение на нее в гибели Ксении Тихомилловой, носит в душе-то человеческое тепло, не растеряла его. Она не растеряла, старая бабка Андрониха тоже, и Марунька-счетоводиха, и Легостаиха, и другие. А ведь ни у кого сладкой жизни не было, колотила их жизнь без жалости, да не могла выколотиť всю душу напрочь, заморозить все на усух и никогда не выколотиť, не заморозит, вечно в человеческой душе будет теплиться что-то живое, иначе бы ведь и жизнь прекратилась, кончилась. А ведь как бы там ни было тяжело каждой по отдельности и всем вместе, никто, даже Василиха, до самого-то края, оказывается, не ожесточился и в самый необходимый момент поворачивается к другому, чтоб под-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—43.

держат на ногах. Потому-то крохотный их колхозничко все ж таки живет, и хлебушко сеет, и молоко сдает, и скотину на мясо выращивает. Всего понемногу, конечно, да ведь и это все на фронт идет, себе-то на трудодни ничего какой год не берет, и это все пусть малая, да помощь в той беде, какая на землю родимую свалилась. И вот, кажись, беда на убыль идет, недалеко, говорят в газетах и по радио, победа, да какой ценой за нее уже заплачено! Сожрала проклятая война и ее отца, и Степана Тихомилова, и мужа Марульки-счетоводихи, и немыслимую тьму мужей, братьев, сыновей, женихов других женщин на земле. А сколько еще сожрет? Тае! вот на глазах добрый и умный человек Дорофеев, никто вслух не говорит, что близок его конец, да никто в том и не сомневается. А сколько еще здоровья унесет она, подумать, у тех же романовских бабенок, сколько годков жизни отобрала уже и еще отберет у каждой? Господи, как же она, Катя, мало еще знала этих исхудавших вконец людей, которые и на женщин-то уже не похожи, и что она должна сделать для того, чтоб отплатить им за их немыслимо тяжкий труд, за их вот такую, будто даже стыдливую, не выставленную напоказ человечью заботу и теплоту?

Катя только задавала себе мысленно все эти вопросы, а ответа на них не искала, нечего было искать, ибо они были ясны и понятны. Она чувствовала, как горят в темноте ее щеки, как сладко отдыхает натруженное за день тело, забыв на эти минуты, что внутри у нее зреет новая жизнь, зачавшаяся помимо ее воли от ненавистного ей человека, а потому, как она всегда считала, жизнь чужая и ненужная ей.

* * *

Однажды перед вечерней зарей в домишко Кати пришел хромоногий Петрован Макеев, поздоровался и сказал ребятишкам:

— Ну-к, побегайте еще малость на улке. У меня с вашей мамкой разговор будет.

— Ты чего это, Петрован? — изумилась Катя.

— Предложеньце одно есть к тебе, — спокойно сказал кузнец.

Когда дети послушно друг за другом вытекли за дверь, Петрован, видно, не за один раз продумавший весь разговор, с которым пришел, сразу же и начал:

— Ты, Катерина, не загорайся только огнем, как уголья в моем горне, а послушай да решай, как тебе способнее. С брезгливостью, чего ж тут не понять, плод-то его в себе носишь... А скоро, понятно, и появится дите на свет божий.

Хоть Макеев и просил ее не загораться огнем, но Катя вся с головы до ног полыхнула пламенем, кровь заколотила ей тычками в голову, никто никогда и намеком не намекал, будто ничего и не видел, на ее беременность, а Петрован Макеев вот в открытую резанул.

— Да тебе-то что? Тебе-то что?! — дважды прокричала она с ненавистью.

— А то, что давай я отцом его скажусь. Катя так и осела.

— А что ж тут, Катерина, хитрого, — продолжал между тем кузнец. — Человек ты живой, ну и проявила однажды слабость и произошло меж нами дело...

Катя отчетливо слышала его слова, понимала весь их смысл, и этот смысл не оскорблял, а, наоборот, начал вдруг успокаивать ее гнев. Глаза ее заблестели, но слезами не пролились — не было больше у Кати слез ни горестных, ни благодарственных. Она долго сидела безмолвная, понимая, что добрый этот человек от доброты и пришел со своим необычным предложением, не имея никакой грязной или корыстной мысли за душой. И чтобы окончательно убедить себя в этом, спокойно уже проговорила:

— Ты что ж... свататься пришел? — А тут, Катерина, надо, если хочешь, тебе самой и поразмыслить кругом, — не торопясь и негромко заговорил Макеев, не стесняясь, оглядел ее всю. — Вишь, какой с тобой поворот-то вышел, думай, так не

придумаешь. В общем, коли считаешь возможным — так и сошлись бы с тобой, а что ж? Оно, конечное дело, инвалид я, разнородные ноги-то у меня, это тоже надо во внимание принять. Да силов бог не отнял, помог бы я тебе детишков поднять. С этим-то, — опять кузнец кивнул на ее живот, — уже пятеро будет, не считая Мишухи, значит. Про Мишуку чего говорить, с тюрьмы мужиком вернется. Ну, а коли считаешь — так и не надо сходиться, давай просто объявим, что я эт тебе нагулял, а никакой не Пилиugin. Нагулял, да и дело, подлецу, сторона.

— Да разве люди не знают, кто... от кого?!

— Люди много знают, да мало помнят. Потихоньку-то все затрется. Залижет ветер, как ямку в снегу.

С таким вот, поразившим Катю предложением, и пришел к ней кузнец Петрован Макеев.

Прощаясь с ним, Катя положила руки на его крепкие плечи и сказала:

— Нет, Петрован. За доброту спасибо, а не могу. Если бы... ну как тебе сказать? Ну, было бы что у меня в душе к тебе...

— Да это что говорить, — ответил он. — И у меня ничего... так, виноватость свою почувствую иногда.

— Какую виноватость?

— А надо было мне тогда за закуской-то тащить... Оставить тебя одну с Пилиuginым в кузне. Ведь знал, чего он от тебя добивается, видел, какая ты не своя прибежала тогда, как Донька-то умирала. Да все самогонка проклятая в голове шумела, все выбила на ту минуту...

Петрован ушел, уходя, вроде и хромал, показалося Кате, меньше, так чуть-чуть припадал на покалеченную ногу. В окно она с грустью смотрела на него до тех пор, пока он не скрылся, а как завернул в переулок, облегченно вздохнула.

Через неделю где-то сторбленная Федотья, когда Катя бежала в контору мимо их дома, крикнула из-за огорожи:

— Эй, стой! Ну-к, выслухай, язви тебя.

Было раннее утро, Катя торопилась в контору, чтоб передать в район с Марией сводки по сенокосу и сдаче молока, та уже ходила вокруг запряженной тележки, давно готовая к отъезду, и дожидалась только председателя. И Катя хотела было махнуть Федотье рукой, потом, мол, да подумала: на всю улицу разорется старая квашня, начнет выкрикивать вслед грязные ругательства.

— Чего еще? Говори скорей, некогда.

— А вот чего, вот чего... — бормотала старуха, подходя. — Ишь, некогда ей, приткая шибко стала.

А подойдя, замолчала, уставилась темными и холодными, как у змеи, зрачками на выступающий у Кати из-под кофточки круглым бугром живот.

Внук ее, Пашка Пилиugin, рубил возле сарая хворост на растопку. Заслышав голоса, он бросил работу, подошел с топором в руках к воротцам в ограде, встал в проеме, держа почему-то топор обеими руками, принялся сверлить Катю не по-мальчишески злыми глазами. Взгляд его был такой злоеющий, что у нее мелькнуло: ах волчонок, в ловком-то месте где застанет, так и зарубит без жалости, надо за детьми еще пуще наказывать глядеть.

Так они, старуха и ее внук, четырнадцатилетний уже сын Артемия Пилиугина, с двух сторон и резали ее враждебными глазами, пока не послышался девчоночий голос:

— Пашка, я все сносила, еще-то будешь рубить?

Это кричала от сарая девятилетняя Сонька. Пашка на голос не шелохнулся, не поворачивая головы, не отрывая злобного взгляда от Кати, бросил по-хозяйски:

— Ведра бери да огурцы поливай!

И тотчас звякнули ведерные дужки, мелькнула возле дома девочка в выгоревшем ситцевом платишке, убежала поспешно в огород. «Затыркали совсем девчонок...» — пожалела Катя дочку Лидию. Вся

Романовка знала: после смерти Пилиугина в доме безраздельно господствует Федотья, сын его Пашка подчиняется ей с полуслова, вдвоем они совсем замордовали Соньку и саму Лидию.

— Вот чего я тебя, королева нежданная, испросить хотела, — зашевелила иссохшими губами Федотья. — Че это хромоногий пьянчужка, кузнец-то вонючий, по всей округе трепать взялся, будто это... — Старуха приподняла костыль и чуть не ткнула Катю в живот. — Будто он тебя огулял?

Катя ожидала чего угодно, только не такого вопроса. Но она и не растерялась, лишь отступила невольно на шаг.

— Какое твое тут... собачье дело?

— Не лажься, паскудница, а то... — И Федотья глянула на внука, дрябло рассмеялась ему. — Ишь какая... не шибко ли она рассмелилась? А такое. Артемушкино это дите. Как выпростает его из поганого брюха — отдавай.

И опять какого угодно поворота ожидала Катя в разговоре, но только не такого.

— Чего-о?! — невольно воскликнула она насмешливо и протестующе.

— По добру не отдашь, силком отберем, — прокричала старуха.

От этих слов внутри у Кати все возмутилось, загорелся под сердцем жаркий огонь и облил ее всю, и словно выжег то постоянное брезгливое чувство, с которым она носила в себе ребенка Пилиугина. Эти слова оскорбили в ней что-то самое глубинное и сакральное. Она не понимала еще, что в ней впервые шевельнулось извечное и великое материнское чувство. Катя отступила еще на шаг, выбросила вперед кулак, выставила к самому лицу Федотьи большой палец и на всю улицу закричала:

— А это видела? Видела? Видела-а?!

* * *

А между тем слух, что ребенок у Кати будет не от Пилиугина, а от кузнеца Макеева, возникнув, не исчез. Романовские бабы слух этот сразу же поддержали, и он пошел гулять по всей округе.

— Зачем, зачем ты эти... слухи такие пускаешь? — спросила Катя как-то у Петрована, остановившись возле кузни. — Везде вот говорят, даже в районе.

Макеев ходил вокруг разобранной лобогрейки, собираясь ее отлаживать к страде.

— А пущай говорят, — недружелюбно как-то отмахнулся он.

— Разве мне от этого легче?

— Да и не тяжеле ж, — пробурчал упрямый коваль.

Вскоре после этого, оставшись вечером в конторе вдвоем с Марией, Катя спросила:

— Слыхала, Марунь... рассказы кузнецовы?

Та глянула на председательницу и опустила глаза в свои бумаги.

— Кто ж не слышал? Он встречному и поперечному в уши дует.

— И неужель верят ему? Ну где-то там не знают всего. А в самой Романовке-то?

— Так видишь ли, Катерина, — усмехнулась Мария, заворочила бумаги, складывая их в расшатанный ящик стола. — Правдивое слово кажется, да, сплетня крюк. Тебя кто подсторожил, что ли, с Пилиuginым?

— Так, а Мишка-то за что его?

— А пущай иной так гадает, другой эдак. Мишке твоему это уж все равно.

Мария задвинула ящик стола, поднялась и пошла к двери. Катя раздумчиво произнесла:

— С одной-то стороны, я понимаю, чего он на себя взял. Добрый он. А с другой... если, говорит, считаешь нужным, так и сойдемся давай.

— Так если считаешь... Не на веревке ж он тебя волочет.

— Да все равно ж это... Понять-то как? — начиная сердиться, проговорила Катя. — Капкан поставил да и советует — хочешь, так иди в него!

Марунька уже стояла у дверей, взявшись за скобку. После этих слов она чуть подумала о чем-то, опять усмехнулась и сказала:

— Дура ты, хоть и председательница. И странно, слова обидные, а Катя несколько не обиделась, только посмотрела на Марию как-то вопросительно и беспомощно.

— По теперешним-то временам бабье счастье скупое. Спроси-ка у любой — и всякая скажет: пушай без рук, без ног, да лишь бы мужиком в доме пахло. А тут и всего-навсего, эо — хромоватый... Ну, побежала я.

В тот вечер Катя из конторы не пошла сразу домой, решила завернуть на скотные дворы. Там в старом овечьем загоне третий день бабы ломали кизяки. Немного было в колхозе овец, да загон с давних, еще довоенных лет не чистился, утрамбованный животными навозный пласт был толщиной с полметра. В любой деревне знают, что это отличное топливо, но Артемий Пилюгин, несмотря на просьбы колхозниц, выламывать овечьи кизяки почему-то не разрешал, а Катя разрешила, третий день женщины и дети на ручных тележках, в мешках, корзинах, корытах возили и носили домой плотно спрессованные куски навоза.

Солнце давно уже было за холмами, но небо над ними еще стояло светлое, сумерки в деревне только-только завязывались. Дорожка к скотным дворам за лето обросла репьями и полынью, репейные лопухи еще стояли крепкими и сочными, а полынь давно перезрела, обсыпала подол желтой ядовитой пылью.

Когда Катя подошла к овечьему загону, возле него была одна Лидия Пилюгина с детьми. Тележка с большим деревянным коробом была доверху загружена кизяками, а Пашка, грязный и давно, со школы, видимо, не стриженный, клал сверху все новые и новые навозные плиты. Увидев председателя, он сверкнул глазами, будто собираясь насмерть оборонять нагруженное добро, худенькие покуда брови переломил, как в минуты раздражения делал его отец.

— Чего там расшеперила, давай еще сверху покидаем, — сказал он сестре.

— Все равно ж просыпем по дороге, — несмело возразила девятилетняя Сонька, но и этот ее слабенький протест Пашка задал не по-мальчишески хриплым голосом:

— Ты еще у меня!!

И девушка вместе с ним покорно продолжала класть сверху твердые комья навоза, хотя и мать проговорила: «Будет, повезем».

Кивком головы поздоровавшись с Катей, которую сегодня еще не видела, Лидия подняла оглобли тележки, но Пашка подошел и отстранил мать, раздраженно кинул:

— Сами мы... А ты надолби еще на тележку. — И рыкнул на сестру: — Запрягайся давай!

Вдвоем они потащили тележку, кизяки сверху сыпались тяжелыми камнями, но Пашка ни разу не оглянулся.

— Злой он человек у тебя, — сказала Катя о Пашке.

Но Лидия на это никак не отреагировала, стояла, опираясь двумя руками на лопату, и угрюмо глядела, как догорает закат.

С тех пор, как стал у Кати обозначаться живот, Лидия, пожалуй что, и не разговаривала с ней, здоровалась так вот, кивком, так же и отвечала на все просьбы и распоряжения председателя. Дело делала исправно, а голоса не подавала, все больше и больше каменела. И Катя понимала ее состояние, чего ж тут не понять! И сейчас ей тяжело было находиться возле Лидии.

Катя хотела идти дальше, к коровнику, как Лидия вдруг разомкнула губы:

— А дитя потом не отдавай ты Федотье. Сгубит она его. Не дам, все орет, чтоб наша кровь с ихней смешалась...

Лидия стояла все так же недвижимо, держа руки на лопате, но Кате казалось, что она рубит ее этой лопатой по голове, по плечам, по груди. А когда уже ясно сообразила, о чем говорит Лидия, все в ней яростно запротестовало, наполнилось жгучей обидой, и она невольно, не понимая даже смысла своих слов, закричала вдруг:

— Ваша кровь?! А при чем... откуда? Мой это ребенок! Наш с кузнецом Петровым! Он его отец! Понятно? Понятно?

— Ну и ладно. Чего орешь-то? — повернулась к ней Лидия, не снимая рук с лопаты.

Под ее мутным, невеселым взглядом Катя враз осеклась, онемела. Ее не слушались ни язык, ни руки, ни ноги. Очень ей

хотелось сделать хотя бы шаг назад от Лидии, от этих ее мутных и пустых глаз, а ноги словно по колено врезались в землю.

— А про Пашку ты ошибаешься, — с тяжелой усмешкой промолвила Лидия. — Он не просто злой. Кабы лаял пес, да не кусал... Береги ты своих детишек, Катерина. Не знаю как, только еще пуще глаз не спускай.

Повернулась и пошла устало прочь от загона, хотя Пашка повелел ей еще наломать кизяков.

* * *

Не так-то уж и обеспокоили эти слова Катю, не новостью было для нее, что детей надо сторожить от великовозрастного Пашки Пилюгина, который в это лето вовсе распоясался. Как приехал со школы, так и начал ходить по Романовке с дрыном и, грозя своей палкой, открыто похвалялся:

— Перебью, как утят, всех этих паршивят афанасьевских да тихомилловских. Мишка в тюрьме за отца сгниет, а этих со света скину.

Он похвалялся, но слова-то были не его, а Федотьины. Катя узнавала ее выражения, раза два или три просила старуху:

— Урезонь ты своего хулигана, совсем он загонял моих ребятишек, до ветру бояться выйти.

— Ишо што скажешь? — поднимала Федотья на Катю изъеденные ненавистью глаза. — Бандюк-то как раз Мишка-тюремник твой, а не Пашенька.

Как появился в деревне Пашка Пилюгин, Катиних ребятишек дальше глаза не отпускали, чаще всего возле них толкалась Андрониха, добровольно превратившаяся в няньку, а когда старая занемогала, Катя просила то одну, то другую женщину приглядеть за ними. И все равно Пашка чуть не каждый день выжидал своих моментов, то с одного, то с другого бока бросался на них, ровно щука на рыбью мелочь, бывало, и догонял, колотил без жалости то одного, то другого.

— Ты построжила бы тоже сына-то! — говорила Катя и самой Лидии, матери его. — Или мне в милицию на Пашку заявлять?

— А ты и сделай, — отвечала на это Ли-

дия. — А пуще на Федотью. Забрали бы их с глаз моих — так в ноги бы тебе упала...

Так вот оно и шло день за днем, Катя с утра до ночи крутилась с колхозными делами, детинки ее чем дальше, тем больше просто сидели взаперти, а коли выходили на воздух, так жались к дому, настороженно толклись у крыльца, а зачуяв Пашкин дух, немедленно шныряли в открытые двери, как суслики в надежную норку.

А Пашка-змея, как называла его Андрониха, зверел все больше. Он завел рогатку и, притаившись где-нибудь, издали пулял каменными зарядами и однажды пробил голову Игнатию до крови. От боли парнишка зализал будто последним криком. Увидев каплю крови на плечо, заревели и остальные, кое-как затащили Игнатию в дом. Напуганный всем этим, Пашка юркнул в свое подворье.

В этот час Кати в деревне не было и вообще Романовка была пустынной — как раз заканчивали сенокос, — на улице случился лишь кузнец Петрован Макеев, тащивший какие-то железки к своей кузнице. Услышав рев и увидев мелькнувшего за воротца Пашку, кузнец бросил железки и, проворчав: «Ну, счас я тебя, стрелец такой!» — бросился к дому Пилигуных.

Рванув дверь, он увидел Пашку, прятывшегося за спину Федотьи. Из кармана брюшек у него еще торчала рогатка.

— А-а... Ну-к, давай сюда свое оружие! — рявкнул Макеев от порога.

— Ты что... чего надо? — окрысилась было на него Федотья.

Но кузнец, шагнул от дверей, отодвинул старуху, как невесомое, выдохшее на усух чучело в сторону, выдернул из Пашкиного кармана рогатку, два раза хлестанул ею по его лицу.

— С-сопляк! Паршивец...

Пашка, загоразиваясь руками, кричал порезанным поросенком. Федотья, вцепившись пиявкой в кузнеца, пронзительно завизжала:

— Разбойник-ик! Дите избивать! Вонючка колченогая...

— А-а, колченогая?! — побагровел кузнец. Рогатку сунул в карман своих штанов, и, брякнув пряжкой, сдернул с себя ремень. Старуха, завизжав пуще прежнего, отшатнулась. Но кузнец и не думал на нее замахиваться, железной своей рукой он схватил Пашку, бросил его, как тряпку, на кровать, рявкнул:

— Подставляй задницу!

И не дожидаясь, вытянул его ремнем. Бессознательно закрывая голову, Пашка перевернулся на живот, кузнец принялся без жалости пороть его, выкрикивая по очереди Катиних ребятишек:

— За Игнатку... За Кольку! За Зойку... За Захарку. Еще за Игнатию! И за Доньку, которую сгубили, паразиты!

Пока он хлестал умокнувшего вдруг Пашку — при каждом ударе тот лишь хрипло приставывал, — Федотья столбом стояла возле печки, во все свои помертвевшие от ненависти глаза глядела на кузнеца, дергала дряблыми губами, но речь от изумления потеряла.

— Убью! Запомни, страмец такой... — Кузнец нервно застегивал на себе ремень, повернулся к Федотье. — И ты, старая колдина, задолби ему: еще раз тронет Катиних ребятишек, до смерти убью...

— Ну да, ну, дык, как жеть... — легонько закивала иссохшей головой старуха, голос ее был еле слышным, сломленным и согласным, а в пустых глазах горел желтый ненавистный огонь.

Тем же вечером вся Романовка знала о случившемся. Федотья с костью в руках еще несколько дней без передыху сновалась по деревне, каждому встречному и поперечному жаловалась:

— Вот... Пашенька в жару пластом лежит. Виданное ли дело — мужик ребенка в усмерть исхлестал? Каткин-то сударик. У-у, змея, похотью своей Артемущку, сына моего, сгубила, потом кузнеца начала за-таскивать на себя, ишь, объявила, он, мол, ей пузо-то набил. А тот не на ногу, на голову, видно, хромой: уверился. И старается

всякие ее прималынды исполнять. Пашку-то, грит, по ее желанию до смерти забью... А вот в суд на них обоих съезжу, бумагу подам...

— Постыдилась бы ты грязь-то эту на людей выливать, — сказала ей как-то Лидия при людях.

— Зараза-а! — мгновенно налилась яростью Федотья, поднимая кость. — У ей мужика сгубили, а она...

— Пойдем, мам... Пойдем, — быстро оттащила Лидию за руку подбежавшая Сонька, а то Федотья, может быть, и избивала бы костью Лидию.

Сама Катя на все случившееся никак не реагировала, каждый вечер промывала рану Игнатию водой с борным порошком, смазывала йодом, пузырек с которым нашелся у Василихи. Лишь как-то она сказала Макееву:

— Зря ты это, чего с хулиганом этим связался?

— Да как-то надо его припугнуть. А то ведь он и глаз с рогатки своей выбить мог, а то еще чего...

— А теперь вот и баззает Федотья на весь белый свет.

— А кто ее слушает? Пушай.

Федотья действительно никто не слушала, бабы на ее речи отмахивались и поспешно уходили прочь.

Пашка Пилигин после порки вроде утихомирился, никого больше не трогал, стал молчалив и пуглив даже. Во всяком случае, проходя мимо дома Афанасьевых, всегда тревожно озирался, будто побаивался, что кто-то его тут увидит.

Шел уже сентябрь, сжали озимые, стали убирать потихоньку и яровые. Старшие классы в районной школе еще не учились, школьников от четырнадцати лет распределили по колхозам, полтора десятка учеников из райцентра прислали в Романовку.

— А что Павел-то твой баклуши окочивает, — сказала Катя Лидии. — Пушай на ток, что ли, приходит, али вон на лобогрейку погонщиком, а то так и привыкнет, что куры прямо облупленные яички несут.

— Ты это Федотье, сатане лохматой, скажи.

С Федотьей Пилигиной Катя Афанасьева говорить не стала.

Сентябрь был весь ведренный, работа спорилась. Катя была уже на седьмом месяце, но тяжести особой не чувствовала, целыми днями в пропыленном отцовском пиджаке, который давно не застегивался, пропадала в полях. Дорофеев за сентябрь снова дважды наезжал в колхоз, улыбался землистым и совсем исхудавшим лицом, говорил:

— Хлебосдачу хорошо ведете, молодец, Екатерина Даниловна. Давай подсчитывайка весь урожай, да прикинем в конце уборки чего и как, надо нынче, под победу нашу великую, колхозникам получше на трудодни выдать.

Дорофеев говорил и кашлял, Катя тревожно думала: доживет ли он до конца-то жатвы?

Ночами у нее мелькало и про себя: управится ли она со страдой до родов? Ведь скоро... И тут же успокаивала мыслью — не скоро, два месяца еще.

Но родить ей пришлось раньше, в конце сентября. Жуткая беда стряслась в один из самых последних дней этого месяца.

С утра стояла над Романовкой плотная духота, после обеда с холмов тугими волнами начал скатываться горячий ветер. Катя под вечер отправилась на ток в Зеленом ключе, где веялками очищали зерно. Когда солнце уже скрылось, на ток верхом на неоседланном коне прискакала Василиха, издали закричала:

— Катерина-а! Здесь она? Беда-а...

Катя выскочила из-под навеса, где прикидывала со старым Андроном, сколько можно завтра вывезти зерна в хлебосдачу, сердце ее бешено заколотилось.

— Что приключилось? Где-е?

Василиха, подсканав, грохнулась с коня на твердый ток и вместо ответа забила в рыданиях.

— Да что ты реवेशь белугой? — ше-

вельнула Катя женщину ногой. — Какая беда стряслась?

— Пожар... — Василиха подняла к ней распухшее от слез лицо. — Дом твой Пашка Пилигин поджег... Зойка с Захаром сгорели!

— Ка-а-а?! — зашлась Катя в нечеловеческом крике, осела перед Василихой на колени.

— Крыша на них с огнем рухнула...

Люди на току побросали работу, столпились вокруг, пораженные страшной вестью. Стояла полная тишина, слышалось лишь, как тяжело дышали люди, взрослые и дети, да по-собачьи подывала Василиха.

А Катя все стояла на коленях, как неживая уже, все оцепенело смотрела на нее, будто боялись, что она возьмет да шевельнется.

Наконец она действительно шевельнулась, но встать не могла, сил в ногах не было.

— На дрожки меня... — тихо попросила она. — Но люди не поняли ее, как стояли, так и стояли, не шелохнувшись. И она враждебно закричала: — Дрожки вон мои стоят! Посадите меня!

Андрон метнулся к запряженным дрожкам, подвел их, держа лошадей под уздцы, к Кате. Женщины тем временем подняли ее с колен, потом помогли сесть в повозку. Она взяла было вожжи, но дед Андрон отнял их, сам взгромоздился на облочок.

— Гони тогда! Шибче...

— Ага, вытрясти чтоб тебя, — откликнулся старик.

— Гони, говорю, гони! Гони-и! — Катя колотила его по спине, по плечам кнутовищем.

Старик обернулся, перехватил у нее кнут, вывернул со словами:

— Не ори-ка, сам знаю, как ехать.

...Еще с холмов, проезжая мимо кладбища, они на месте дома увидели пепелище, желтеющее огнем сквозь вечерние сумерки, и белый дым над ним, который разметывало ветром. «Зойка... Захарушка...» — смертельным стоном простонала Катя и умолкла, захлебнулась.

Молчала она и потом, стоя возле пожара. В животе у нее, где-то в самом низу, давно уже началась нестерпимая резь, но она, чтобы не закричать от боли, намертво закусил губы, стояла и нечеловечьим взглядом глядела на тлеющие бревна, которые растаскивал железным крюком при-выкший к жару Макеев. Еще мелькали вокруг кострища какие-то тени, ревел то ли Игнатий, то ли Колька, кто-то из них — Катя не могла различить голос — все про-сил: «Выньте их из углей-то... Скорее выньте же».

И еще два женских голоса врезались в уши:

— Это что за племя такое ихнее? Молоко еще на губах, а что натворил...

— Не его судить, а ведьму эту растерзать живьем надо...

Катя не могла различить, кому и эти голоса принадлежат, поняла лишь, что речь идет о Пилигуных — о Пашке да Федотье. Боль раздирала ее на куски, она разомкнула пересохшие и посиневшие губы, прошептала:

— Андрон Игнатьевич... Старуху мне твою. Скорее.

— Да вот она я, чего тебе? — послышался голос Андронихи.

— Скорее... — еще раз прошептала Катя.

— Куда? Чего?

— Не знаю... тут вот... разрывается все. — И Катя прижала ладонью живот.

— Да милая! — воскликнула старуха. — Эй, бабы, ведите ее к нам. Живо! Живо! Да у кого вода нагрета — тащите скорей мне. А ты, старый, или кто там? Эй, Петрован, за дохтуром живо! Скажите в район... А то в Березовке телефон есть, туды ближе, туды давайте! В райком этому... Дорофееву али кому там и звоните. Афанасьева, мол, Катерина до срока рождает. Тяжко шибко, скажите...

Половину этих слов Катя уже и не слышала.

Продолжение следует.

МАШИНИСТ С 293-ГО...

О. ПОПОВ

Тысячи памятников, бесценных реликвий бережно хранит город Ленина для нас, для потомков, для всего человечества. У перрона Финляндского вокзала замер на вечной стоянке старенький темно-зеленый паровоз с номером 293. Давно уже не водит он поезда. Но так же, как и к «Авроре», Зимнему, Смольному, каждый день идут сюда люди. Большая и славная жизнь у легендарного паровоза. Это на нем под видом кочегара, с документами на имя сестрорецкого рабочего Константина Петровича Иванова в августе 1917 года Владимир Ильич Ленин выехал в Финляндию, скрываясь от ищек Керенского. На нем же и вернулся в Петроград в октябре, чтобы повести трудящиеся массы России на решающий бой за власть Советов.

Давно нет в живых отважного революционера Гуго Эриковича Ялавы, машиниста паровоза № 293. Но не осиротел ветеран паровоз. Как к старому другу, приходит к нему пожилой, высокий, крепко сложенный человек в железнодорожной шинели. Это ученик Ялавы и тоже машинист 293-го, Вольдемар Матвеевич Виролайнен. Судьбы их — машиниста и паровоза — жизнь крепко переплела важными событиями. Познакомились еще в 1917-м. Вольдемар Матвеевич был тогда просто Волле, шестнадцатилетним смазчиком тормозов.

В тринадцать лет пришел Волле на работу в депо. Нужда заставила. Скосила злая болезнь поездного кондуктора Матвея Виролайнена, и заботы о семье легли на плечи мальчишки.

Однажды возле 293-го он встретил Гуго Ялаву.

- Как здоровье мамы, Волле?
- Ничего, дядя Гуго.
- Туговато живется?
- Я работаю, дядя Гуго, маме помогаю.
- Знаю, что не баклуши бьешь. Небось, на паровоз хочешь?
- О-о-чень! — выдохнул Волле.

И тут случилось невероятное: всегда серьезный, даже строгий машинист вдруг озорно подмигнул Волле и кивком показал на будку: «Давай!»

Волле взлетел по ступенькам. Следом поднялся Ялава. Начался первый урок.

Занятия на паровозе шли регулярно. Ялава брал иногда Волле с собой в короткие поездки. Парнишка так привязался к нему, что втайне считал Ялаву вторым отцом, каким-то детским чутьем понимал причины замкнутости этого доброго человека. Конечно, не знал Волле, как сложна и опасна жизнь машиниста 293-го. Не знал, что это его учитель из-под самого носа жандармов увез на паровозе видного большевика

И. Скворцова-Степанова, а обратным рейсом доставил в Питер оружие. Волле читал в газетах о нашумевшем деле — экспроприации большой суммы денег из столичного казначейства в Фонарном переулке. Но то, что деньги были изъяты для нужд революции, что мешки с ассигнациями Гуго Ялава спрятал на своем паровозе и вывез в Финляндию на конспиративное хранилище, Волле не знал. Многие тогда неизвестно было мальчишке.

Волле видел Ленина, вместе с депопцами встречал его в апреле семнадцатого. В тот день после работы никто из депо не ушел. Ждали. На привокзальную площадь стекался народ — выборжцы, путиловцы, солдаты и матросы. Пришел оркестр, прибыли броневики. Когда подкатил поезд, Волле был уже на перроне.

Ленин вскоре вышел на площадь. Рабочие подняли его на руки и понесли. Знамена, факелы, гром оркестра, крики «ура» и свет прожекторов — все это ошеломяло, наполняло сердце радостью, светлой верой в завтрашний день. Волле изо всех сил пробивался к броневнику. Нелегко это было. И ему довелось услышать только последние слова Владимира Ильича. Рядом оказался токарь Юхо Халме, и мальчишка спросил у него:

— Дядя Юхо, о какой революции Ленин говорил? В феврале ведь уже была революция?

— О социалистической революции, Волле.

Суть этой революции Волле по-

стигал по множеству свершавшихся вокруг перемен. Лично для него самым главным ее «декретом» стало разрешение нового начальника депо Арвида Парикки сдавать экзамены на помощника машиниста. Гуго Эриковича тогда уже не было рядом: Ялава ушел на партийную работу. Но товарищи не забыли его ученика. А когда после первого же рейса он с поразительной точностью поставил паровоз на поворотный круг, вопрос был окончательно решен. В семнадцать лет Волле стал машинистом. «Самым молодым машинистом республики!» — так утверждал старый паровозник Арвид Парикка.

Тяжелым для молодой Советской власти был 1918 год. «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околет», — требовал Владимир Ильич. Срочно формировались «продовольственные поезда», уходившие за тысячи верст. Машинистом таких поездов стал и Вольдемар Виролайнен.

...Однажды в степи за Уралом выдохся старый «ОВ». Отставшая была банда с диким гиканьем и пальбой ринулась к поезду. Заглянув в шуровочное отверстие топки, Волле все понял: обгорели буртики дымогарных труб, вода из котла хлещет лагавой струей. Комиссар продотряда, тяжело дыша, поднялся в будку. «Механик, браточек, сделай что-нибудь!» «Попробую». «Людей дать?» «Не надо. Тебе они сейчас нужнее», —

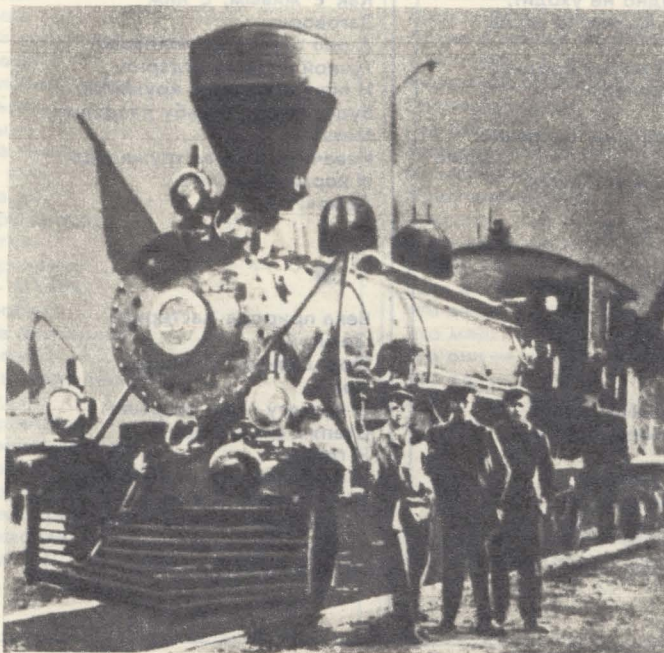
ответил Волле, кивнув в сторону бандитской лавы.

Волле, закутав себя мокрым тряпьем, полез в раскаленную топку. Вздохнуть нельзя — сразу ощущение, будто в горло тебе заливают расплавленный свинец. Вмиг обгорели брови, ресницы, казалось, вот-вот лопнут глаза. И все же он заставил руки работать. Вылез на минутку перевести дух и опять туда, в сатанинское пекло, чтобы завальцевать трубы. Из топки он выбрался, уже теряя сознание. Обожженными руками он принялся кидать в топку уголь, поднимать давление пара в котле. Выглянул и крикнул своим: «Саа-дись, поехали!»

...Весной 1920-го железнодорожники депо Петроград-Финляндский решили ликвидировать паровозное кладбище, восстановить искалеченные машины. Первую машину поручили выбрать Виролайнену: «Ты молодой, всюду пролезешь на этой свалке». Целый день Волле лазил по кладбищу, пока не наткнулся на 293-й. После смен, в субботники все дружно брались за работу. К концу апреля паровоз был готов. Питерскому первенцу Великого почина первый рейс назначили праздничный — на маевку в Токсово. 293-й украсили кумачом флагов и плакатов, хвойными гирляндами. А на тендере написали — «Первомайский паровоз». Повел его в рейс Вольдемар Виролайнен.

В разные рейсы отправлялся Виролайнен со своим старым другом. Но пришла все же пора расставания. Виролайнена посылали

Восстановленный на субботниках 293-й. В центре группы железнодорожников — Вольдемар Виролайнен. Апрель 1920 года.

В. М. Виролайнен. 1979 год.
Фото Д. Масленникова

за хлебом на Северный Кавказ, а старенькому паровозу, построенному в Америке еще в 1900 году, уже не по силам были такие дальние маршруты.

В 1924 году Советское правительство передало Финляндии все имущество ее бывшей частной дороги. Ушел за границу и 293-й. Тогда не знали, что это исторический паровоз. На ленинском траурном митинге Гуго Ялава рассказывал о том, как он возил на паровозе Владимира Ильича. Но на каком — не сказал. Уже позже установили номер машины. Узнав, что это был 293-й, Вольдемар потерял покой.

...Шли годы. Волле Виролайнен стал известным в стране машинистом, потом — начальником родного депо. Окончил Всесоюзную академию железнодорожного транспорта, руководил строительством и освоением Турксиба, Кировской железной дорогой. Был избран депутатом Верховного Совета СССР, а затем назначен Председателем Совета Министров Карело-Финской ССР. В годы Великой Отечественной войны руководил строительством и организацией перевозок на линии Войбокало — Лаврово — Коса. Эта маленькая ветка связала страну с Ладогой и помогла выстоять блокадному Ленинграду. И первый хлебный состав по ней 7 февраля 1943 года привел на паровозе «ЭУ-70864» к Финляндскому вокзалу опять же он, Виролайнен.

Работа, работа... Ее всегда было много у Виролайнена. Но никогда не забывал он дорогой сердцу первый паровоз, тот, на котором Ялава вез Ленина в Финляндию, тот самый, с которым он, Волле, начинал свою новую счастливую жизнь, бережно хранил его старые фотографии. Он взял их с собой и тогда, когда в составе делегации Верховного Совета СССР выезжал в Хельсинки.

— Дни были заполнены всевозможными делами, — вспоминает Вольдемар Матвеевич. — Все же улучил я время и зашел в управление государственных железных дорог...

— Почему вы интересуетесь этим паровозом, господин Виролайнен? — спросили меня.

— Старый товарищ мой, — говорю, — юношей на нем работал. Финны справку навели быстро и сообщили: «Можете гордиться, ваш «старик» по-прежнему водит поезда. Правда, пригородные. Приписан к депо Тампере...»

Виролайнен написал о 293-м в ЦК КПСС. Идею его поддержали. — А вскоре мы уже встречали ветерана на Финляндском вокзале. Правительство Финляндии передало ленинский паровоз в дар советскому народу. Очень торжественная встреча была. Попросили выступить меня, а я от волнения говорить не могу — стал комок в горле, и все тут. Теперь навещаю иногда старого друга. Мы с ним научились молча вспоминать и разговаривать...

Недавно в Ленинград возвращен и второй паровоз Виролайнена — хлебный, блокадный «ЭУ-70864». Ленсовет наметил поставить его на одном из рубежей героической обороны города, подняв на почетный пьедестал.

Если вам, читатель, доведется встретить у этих паровозов-памятников высокого, пожилого, но еще крепкого человека в железнодорожной шинели, подойдите и пожмите ему руку. Это очень хороший человек. К тому же вы с ним теперь немного знакомы.

Евгений АНТОШКИН

Неужто все
Золотое время метит?..
Вчера в полях
Густая рожь росла,
Но налетел неосторожно ветер, —
И поползла поземкою зола.

И все,
Что и цвело,
И колосилось,
Жужжало
И гудело на полях,
В золу
И в хрупкий пепел превратилось,
И стала мертвой черная земля.
Потом дожди подряд неделю

лили,
Потом светило солнце с высоты.
И сквозь золу,
Зеленые,
Всходили
И распускались
Хрупкие цветы.
И птаха
С новой песней прилетела,
И полилась волнующая дрожь.
И вот опять
Трава зашелестела
И в рост пошла,
Хотя и робко,
Рожь.
А значит,
Жизнь бесследно не уходит,
И превращениям нет ее числа.
Над прахом
Тень ушедшей жизни бродит,
Пока метут и пепел
И зола.

Не проходи по ним бесечно
мимо
И не ведай годам ушедшим
Счет.
Под пеплом и золой
Неодолимо,
Незримо жизнь,
Словно песок, течет.

Поднимая фонтаны пыли,
В трубы огненные трубя, —
Видел я,
Как в песок уходили
Золотые капли дождя.
Над иссохшей землей,
Над прахом
Пересвист летел,

Перестук.
Вновь будила живая влага
Задремавшую красоту.
И земля
Отзывалась гудом,
В родниках своих,
За листвою
Совершала рождение чуда
И творила в глубях
Волшебство.
Родниковой воды
Не напиться...
И запомнилось мне навсегда,
Как на быстро крутящихся спицах
Бликовала в лучах вода.
И рождались на расстоянии,
Приближаясь
И вновь уходя,
Трепет молний,
И звезд сиянье,
И гортанные крики дождя.

ДВЕ МАТЕРИ

Посвящаю матери восьми
детей, матери-труженице,
кавалеру ордена Трудового
Красного Знамени, ударнице
жатвы 1979 года Антонине
Леонтьевне Жовтун.

Поле хлебное —
Сколько здесь хождено,
Сколько слышано голосов,
Сколько песен хороших сложено,
Сколько сказано добрых слов.
Ты пьянишь своею

безбрежностью,
Когда встанут вокруг зелены.
Потому и с такою нежностью
Говорим мы тебе:
— Мать-земля...
Никогда богатств не таившие,
Будут щедростью удивлять:
Мать,
Детей на земле взрастившая,
Мать-родительница
Земля.
А ведь матери знали и горячо...
И, как водится искони,
Поглядит мать, вздохнет:
— Поле, полюшко,
Сохрани ты нас,
Сохрани!..
И опять,
Не повысив голоса,
Как с живым, с ним
Заговорит.
А оно отзовется колосом,
Тучной жатвою отдарит.
И пока планета кружится,
Будут всюду судьбу разделять:
Мать —
Извечная добрая труженица
И кормилица-мать,
Земля.

Века природа мастерила
Земной,
Под вечным солнцем,
Храм.
И красоту свою открыла
Степям цветущим
И горам.
И под спящим небосводом,
В ее рожденные саду,
Мы, люди —
Баловни природы,
Глядим на эту красоту.

Ни в чем не ведая покоя,
Она разумным мудрецом
Все в мире светлое,
живое

Гранит,
Гранит своим резцом.

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Бермудский треугольник
Вдали когда возник,
Волнуясь, словно школьник,
Я лбом к стеклу приник.
Охочие до странствий,
Он вас интриговал...
А я его в пространстве
Пунктиром рисовал.
Сквозь пелену тумана,
Гонимы словно кем,
Лишь волны океана
Ходили вдалеке.
Неужто же случайно
Он столько тайн сокрыл?
В душе твержу отчаянно:
— Он должен быть,
Он был!..
Земля внизу вращалась
Сквозь холод забытья,
Как будто обещала
Разгадку бытия.

Рабат...
Паломники стоят,
Полусогнув в моленье спины.
Полиции двойной наряд.
В татуировке —
Бедуины.
Спешат вперед,
Кто быстр и смел, —
У празднества свои порядки.
Стальные стрелы «Каравелл»
Вновь властно требуют посадки.
Сплошной паломников поток...
Что нужно в жизни человеку?
Здесь даже на зубах
Песок —
Они за ним летают
В Мекку.
И лишь верблюд
В тени дремал.
И, как на черный день заначку,
Бесечно целый день жевал
Слюною одобренную жвачку.
Был умудрен,
Как человек.
Ведь он
С верблюдицей на пару
За долгий свой
Верблюжий век
И вдоль
И вширь
Прошел Сахару.
Стоял и думал:
«Чудаки!
Над пылью давних дней
Рыдают.
Зачем даны им
Две руки
И голова,
От дум седея?»

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕКЕ

Был наречен
Хранителем огня,
Случайною наградой

И Ч Н О Е Л Е Т О

При рождении.
То в бой спешил,
Доспехами звеня,
То снова нянчил землю
В иступленьях...

И шел,
Не отставая ни на шаг,
И верности
Ни разу не нарушил
Огонь,
Что разгорался,
Все круша,
И ластился,
Вновь согревая душу.
Он меч'ковал,
Трудился над сохой
И в очаге
Дремал, беспечный,
Тихо.
Он стал
Твоим покорнейшим слугой
И исполнял
Твою любую прихоть.

А ты беспечно забывал
О нем.
А в нем
Миры —
И те
Дотла сгорали...
Пока ты спал бездумно
крепким сном,

Другие им,
Шутя,
Повелевали.

И он восстал,
Он пламя запалил.
Чтоб показать,
Что он могуч
И вечен.
Он взял
И все вокруг испепелил
И заглянул в глаза —
Что ты ответишь.
А чтобы на судьбу
Не смел пенять,
Пока вокруг
Смертельный дым клубился,
Сказал:
— Ты был
Хранителем огня,
Так вот как мною ты
Распорядился!

Оставив пепелище,
Он затих...
Шутить с огнем
И глупо
И опасно.
Раз выпустил его
Из рук своих,
То поздно в муке
Каяться напрасно.

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

Ты ее из сердца не гони.
Пусть она в тебе живет
И светит.
Памятью отмечены любви
Все дела хорошие на свете.
От нее ничто не утай,
Чтоб в пути
Она тебя хранила.
Памятью отмечены любви
Все слова,
Что мне ты говорила.
За весенней первою листвою

Вновь она, неведомая, бродит.
Душ неуловимое родство
Без ошибки вдруг сама
Находит.
Может, потому и мы с тобой
Встретились глазами,
Улыбнулись.
На тропинке этой полевой
Робко к ее тайне прикоснулись.
Перед ней в урочный час явился.
(Говорят —
Она лишь раз приходит.)
Память неподкупную любви
Пронеси в душе своей
Сквозь годы.

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ЛЕТО

Свет вечерний не гаснет в окне,
Я не сплю до рассвета
Потому, что идет по земле
Земляничное лето.
Слышу сладость его на губах
С горьким привкусом веток,
Спелой ягодой воздух пропах
Земляничного лета.
Под окном моим ходишь не ты,
А заря до рассвета.
Остывают под утро следы
Земляничного лета.
Вновь пора созревания придет,
Свежих ягод отведай,
Потому, что не вечно цветет
Земляничное лето.

СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА

Лед,
Лед —
Синевы
Полет.
Льда
Нетающая седина.
Лед по Волге
На юг
Идет.
А на север
Спешит
Весна.
Этот странный
Ветров ход,
Ледяная
Вода.
Нас
На встречных ветрах
Несет,
Словно глыбы
Льда.
Ты —
На север.
А я —
На юг.
Круговорот
Огня.
Прокричу:
— Я тебя
Люблю.
Не проклинай
Меня!..
В шквале вестей
Гудят
Провода,
Трепетный плеск
Воды.
Так мы
Не встретимся
Никогда —
Я и Ты.

ПУСТОЙ ДОМ

Одному и дома не согреться,
Потому и зябко одному.
Никуда от черных дум
Не деться,
Все шаги мерещатся
Сквозь тьму.
Одному под шутку-прибаутку
Не разжечь веселого огня,
Не споровить
трубку-самокрутку,
Не забыться сладким сном
В сенах...
Холода нагрянули до срока,
И сковал земной простор
Мороз.
Даже дуб могучий
Одиноко
На опушке солнечной замерз.
Влажный ветер пронесется с воем,
Словно говоря:
«Беда, беда!..»
Все на свете юркое,
Живое
Веселеет сразу у гнезда.
Но стоит с забытыми дверями
На краю деревни
Чей-то дом.
Паутина на оконной раме —
Значит обречен уже на слом.
Дом пустой —
Какое святотатство!
Кто-то жил в нем в счастье
До седина...
Потому боюсь я оставаться
По ночам
В тиши избы один.

Я НЕ ЗНАЛ...

Я не знал,
Что стихи —
Это боль
И ожог,
Я не знал,
я не знал,
я не знал.
Как цветов лепестки,
Я, играючи, мог
Их бросать в переполненный зал.
Я не знал,
Что стихи,
Как удары бича.
И, ступив на знакомый порог,
Я б не смел
Твоего коснуться плеча
После стольких случайных дорог.
Я не знал,
Что стихов кружевная нить
Потрясти может,
Как беда.
Может сразу убить,
Может вмиг исцелить,
Разлучить на века,
Навсегда.
И когда их читал второпях,
Наугад,
Если б знал я тогда наперед,
Что они —
Это мед,
Что они —
Это яд,
Я б не стал их транжирить,
Как мот.

Слышишь, в небе лебеди летят
(По-лебязки что-то там лопочут).

По знакомым только им путям —
Днем по солнцу
И по звездам
Ночью.
Вновь они цепочкою живой
По весне спешат в края родные
Вечною дорожкой земной,
Где растут ромашки полевые.
И когда еще все люди спят,
Пусть твоя душа от сна проснется.
Ты послушай —
Лебеди летят,
Это крик их дальний раздается.
Наполняя радостью людей,
Вот они мелькнут за поворотом.
Не стреляйте, люди, в лебедей,
Не прервите гордого полета.
Чтобы не остался сиротой
Человек в умолкнувшей

Вселенной,

Пусть они роднятся с высотой,
Их тропа небесная нетленна.

ПОРА ЛЮБВИ

Как быстро годы пролетели.
Но снова в дымке золотой
Проснется ласковый в апреле
Листок на ветке молодой.
Попробуй все начать сначала
В час пробуждения земли.
Чтоб сердце радостно стучало:
Пора весны — пора любви.
Она уймет в полях метели,
Она в сердцах растопит лед
И, словно первые капли,
Нам песню детства пропоет.
Опять в душе любовь проснется,
Как будто вечно в ней жила.
Порой любви весна зовется,
Знать, оттого она мила.

Опять все вижу словно наяву:
Фашистский ас в меня из пушки
метит.

Мне кажется,
Что я уже живу
Не первый раз
На этом белом свете.
Мне кажется,
Не тракатами земли,
А сон мой обрывая в колыбели,
По мне галопом конники прошли,
По мне армады танков
прогремели...

Застонет зверь,
И птица прокричит,
И росами луга покроет лето.
С улыбкой на лице
Мы спим в ночи
Под мирными рассветами
планеты.

Земля моя —
Святыня мудрецов,
И даже у безумца
В час гнетущий
Улыбкой озаряется лицо,
Когда он видит вновь тебя
цветущей.

И мир хотя наполнен тишиной,
Мне по ночам еще порой
Не спится.
Знать, детство,
Что оборвано войной,
И до сих пор
Тревожно в сны стучится.

Б. СМЕРНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО
Специальные
корреспонденты
«Огонька»

Судно нам досталось — в самый раз: ходкое, не очень большое и не слишком маленькое — как раз такое, чтобы можно было на нем жить, работать, выдерживать довольно сильные штормы и приставать к берегу где угодно. Но более всего устраивало назначение судна: как объяснили нам в Восточно-Сибирском бассейновом управлении, теплоход «Гидрограф» курсирует по всему Байкалу, проверяя исправность маяков, бакенов, вех и прочих, выражаясь языком водников, знаков судовой обстановки. Короче, бывает везде и всюду. Для журналистов маршрут — лучше не придумаешь.

мы вылезли на палубу и тотчас бросились обратно вниз за свитерами. А на берегу десять минут назад было почти жарко! Вот оно, «теплое» приветствие Байкала!

Город с домами и их обитателями, дороги, деревья — все теперь обозначилось для нас коротким словом «берег». Ленточкой на горизонте осталась плотина Иркутской ГЭС. Ангара здесь широкая — не река, а водохранилище с прозрачной, темной от глубины байкальской водой, с крутыми лесистыми берегами, с извилистыми заливами, вобравшими в себя полчища моторных лодок, со стремительной пассажирской «Ракетой», с застывшей лодкой рыбака... Трудно представить, что совсем недавно, до постройки плотины, река неслась от озера со скоростью скакуна, удержаться в седле которого могло не всякое судно. Так было в прошлом, а этому прошлому всего двадцать лет.

Байкал появляется перед путешественниками с театральным эффектом, словно бы специально задуманным природой. Сначала кажется, что скалистый берег, как занавес, перекрывает реку, но вот скалы расступаются, и по какому-то особому

микрофотометрический анализатор древесины, позволяет по срезу дерева определять не только его возраст, но и динамику роста по сезонам. Представляете, какие возможности для анализа? Мы теперь точно, а главное, быстро сможем получить подробное представление о том, что происходило в природе много лет назад, — например, в любом уголке Прибайкалья...

— Если останется, с чего срезы делать, — усмехнулся Владислав Викторович.

— Ну, ну, не надо так мрачно. Хотя основания для беспокойства о лесах вокруг Байкала и о самом Байкале, конечно, есть...

Окно лаборатории смотрело на озеро. Ровный, какой-то праздничный свет разливался по комнате. Вдали, в мареве, угадывались контуры парохода. Мальчишки на причале удили рыбу. Так спокойно, невозмутимо все вокруг, что трудно воспринимались слова ученого о тревожном положении Байкала.

— Мы стали сильнее природы и пытаемся взять от нее больше, чем она в состоянии отдать. Байкал уникален, а по нему продолжается сплав древесины, на нем режут моторы. Существует пре-

совершенствовать в соответствии с ресурсами и возможностями Байкала... Туристы? Нет, я бы не сказал, что развитие туризма наносит сколько-нибудь существенный вред озеру. Напротив, турбаз очень мало, гости не видят и малой доли всего нашего природного великолепия. Есть интереснейшие, высотой до трех тысяч метров горы — и совсем нет горного туризма, есть огромные пространства воды — и нет парусного спорта, есть участки идеального гладкого льда в десятки километров — и не найдешь на озере буюристов. А горячие источники? На них можно создавать курорты, теплицы с овощами, которые, кстати, так необходимы сейчас на БАМе, можно отапливать горячей водой помещения, строить бассейны... Эта сторона жизни Байкала пока не открыта.

«Гидрограф» еще не подошел, пришлось подождать его у причала. Байкал тихо плескался у деревянных свай, вечернее солнце пронизывало воду до самого дна. Сколько здесь глубины, метров шесть? А виден каждый камешек. Вот один, блестит как-то особенно... да это же консервная банка! И еще одна. Ржавый обрезок трубы, спинка от кровати. А свер-

Ч И С Т Ы Е В О Д Ы Б А Й К А Л А

И вот — первая встреча с «Гидрографом». Он стоял у небольшого причала неподалеку от городской пристани и выглядел не таким сверкающим и внушительным, как пассажирские теплоходы. Но нам казалось, что любой пассажир с этих белоснежных красавцев охотно поменялся бы с нами местами: свежескрашенная глубокая царапина на борту, полинявший от ветра и солнца вымпел, смоленая плоскодонка на кубрике — о, такие приметы наблюдательному глазу многое скажут! У поручней встречаемся с капитаном. В моряцком лексиконе эта должность именуется разнобразно — капитан, командир, кэп, шкипер, — так вот, этому пожилому коренастому человеку больше всего подошло бы слово «шкипер».

Мы, конечно, узнали заранее, что Борис Гаврилович Шипунов опытный капитан, всю жизнь провел на Байкале, знает здесь всех и вся. Но как-то он встретит нас? По приветливой и немного смущенной улыбке капитана можно было догадаться, что на борту этого судна гости бывают нечасто.

— Разрешите подняться на борт вашего «Летучего голландца»?

— Прошу! Вы журналисты? Ну, посмотрим, какие теперь пойдут по Байкалу о нас легенды!

Судно скоро отошло от причала. Побросав в кубрик сумки, прихватив бинокль, фотоаппараты,

му свечению открывшейся полоски воды, по белесому свету слившегося с ней далекого неба безошибочно догадываешься: он. Черта горизонта все шире, все больше света, исходящего уже не сверху, а отовсюду вокруг, от воды... Хочется уловить границу озера и реки, но она проходит как-то незаметно — просто берега расступились, а дно стало ближе, оно мелькает сквозь водную толщу светлыми пятнами плоских камней. Судно над ними — словно в полете... Слева на берегу — дорога, врезанная в лесистый склон, невысокие здания. Причал. Поселок Листвянка.

Для нашего «Гидрографа» здесь порт приписки, и пока команда судна занимается на берегу хозяйственными делами перед рейсом, мы идем в дом, ставший за последнее время научным центром Байкала, — Лимнологический институт Сибирского отделения АН СССР. Если иметь в виду, что лимнология — это озероведение, то для нас такой визит был просто необходим.

Директор института, член-корреспондент Академии наук СССР Григорий Иванович Галазий пригласил нас в лабораторию, где молодой человек в джинсах колдовал у какого-то прибора. «Вот как раз для прессы, знакомьтесь — биофизик Спиров Владислав — как по отчеству-то? Викторович? — один из авторов весьма полезного прибора. Это

дел, за которым озеро потеряет способность самоочищаться, и тогда могут произойти необратимые изменения в составе воды, губительные последствия которых трудно даже предвидеть...

Григорий Иванович отнюдь не считает, что хозяйственная деятельность неприемлема в зоне озера: он говорил о разумном использовании огромных запасов древесины, но не в прибрежной зоне, а в глубине тайги, о промышленных предприятиях, не нарушающих биологического режима озера, о перспективах рыболовства.

— Разобраться — у Байкала нет врагов, никто не собирается специально навредить озеру. Использовать его в хозяйственных целях — и только. И все понимают, что хозяйствовать здесь, на Байкале, надо по-особому, только вот как? Здесь-то и начинаются проблемы... Вы собираетесь побывать в южной части озера, на бурятском берегу? Нет? Жаль, посмотрели бы, сколько там валяется выброшенных водой бревен. На Байкале разрешены только волноустойчивые плоты, но байкальские волны их разбивают! Значит, надо транспортировать лес иначе, на лесовозах, но мощные и многочисленные лесовозные суда навредят озеру, пожалуй, не меньше... Да, Байкал своеобразен, а особые природные условия требуют особого к себе отношения. Видимо, промышленность здесь надо не развивать, а

ху по воде плавает, играет красками масляное пятно...

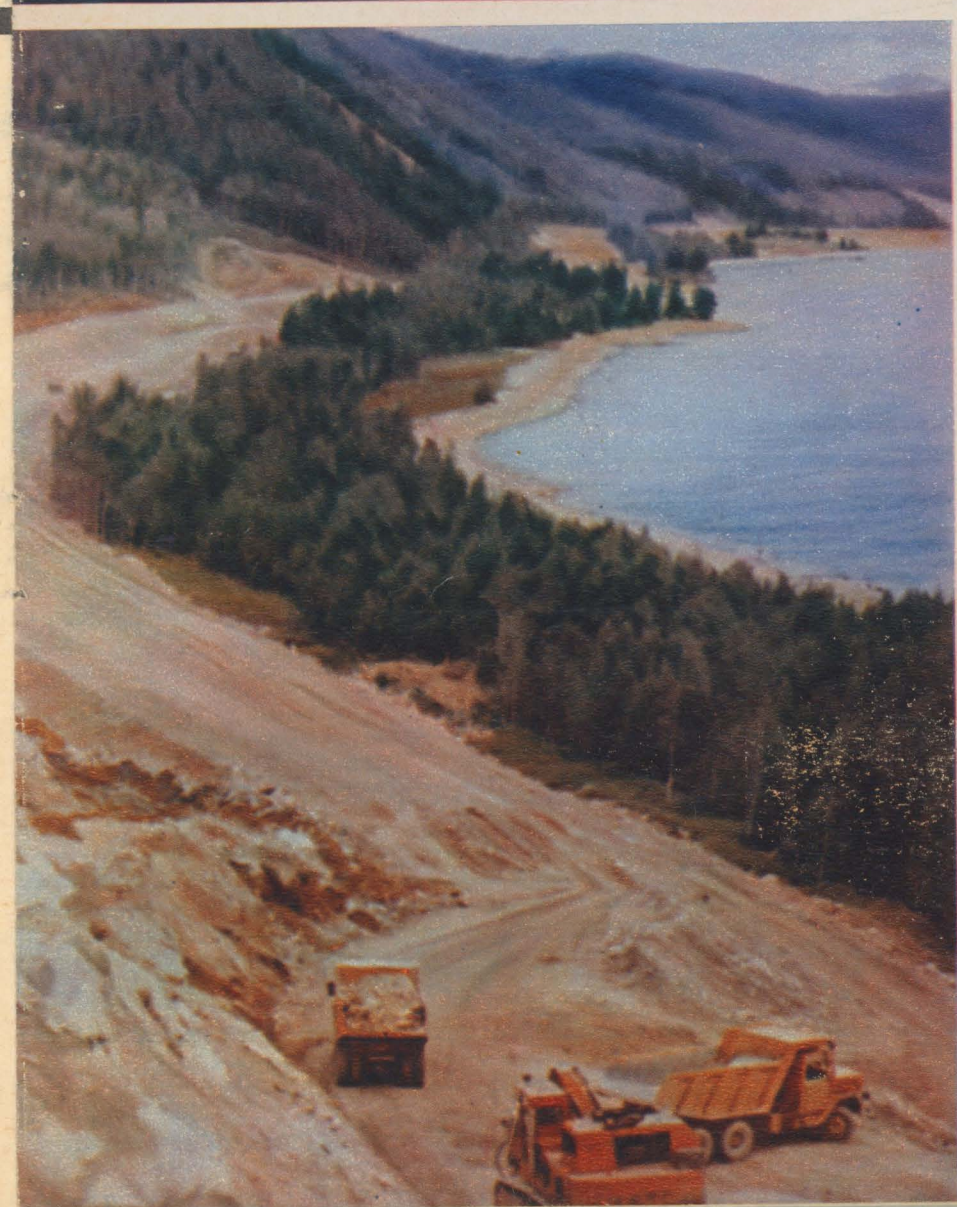
По лестнице от института спустился на причал пожилой человек в шляпе, с длинным спиннингом в руке. Мы наблюдали минут тридцать, пока не пришел теплоход, как он соблазнял невидимых рыб своей искусственной мушкой. Так и не клюнуло.

...ТРЕТИЙ день плавания. Раннее утро. Моросит мелкий дождь, но с палубы уходить не хочется: подходим к Ольхону. До чего же гора старик Байкал на эффекты! Снова расступились впереди скалы, оставив в воде мрачных островных стражей, и пропустили нас в широкий пролив. «Пролив называется Ольхонские ворота. Слева — материк. Справа — остров Ольхон. Прямо — Малое море, устье реки Сармы. Слыхали, ветер есть такой, сарма?» — буднично объясняет Борис Гаврилович Шипунов, стоя у штурвала.

Ольхон — царство рыбы, и тронное место в этом царстве принадлежит, конечно, омулю. Мало кто его пробовал, зато вся страна знает: численность омуля в Байкале стала падать. На лов этой рыбы был наложен запрет, сейчас по-

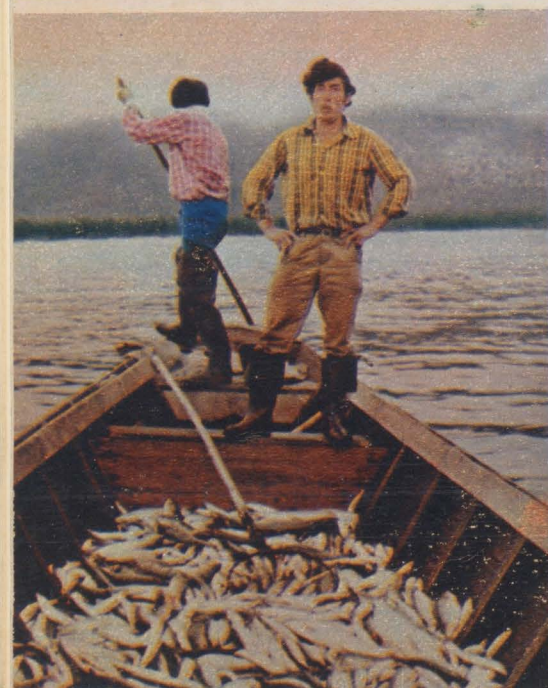
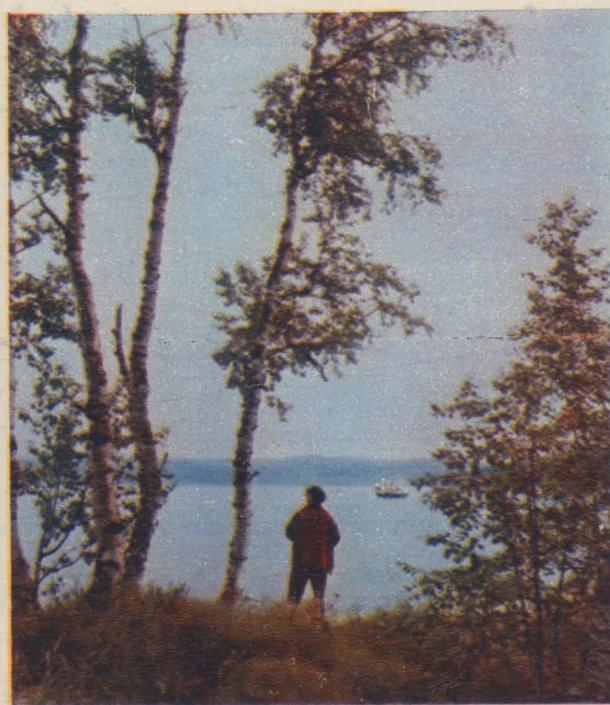
Водитель Михаил Маккавеев. * Байкало-Амурская магистраль вышла к Байкалу... * Один из четырех тоннелей у мыса Курлы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Байкал у острова Ольхон.

голове как будто бы восстановилось. Ну, а все же?

На пристани поселка Хужир, едва причалив, мы стали искать «специалиста» по омулю. Оказалось, специалисты — все, но нам нужен был самый опытный, и тогда начался коллективный урок истории Ольхона. Назывались самые старинные живущие тут рыбацкие «фамилии» — Брянские, Копыловы. Эти здесь с незапамятных времен. Оказывается, коренные жители вообще не любят уезжать с острова, даже после службы в армии молодежь почти вся домой возвращается. В конце концов общественность причала постановила — нам идти к директору Маломорского рыбозавода Петру Ивановичу Мамонтову: он из коренных, начинал тридцать лет назад простым рыбаком, а об омуле все знает ему по штату положено. Мало того, директор еще и с удочкой любого обловит, а здесь рыбачить учатся раньше, чем говорить.

Петр Иванович встретил гостей, как и полагается сибиряку, невозмутимо. На вопросы отвечал не сразу, но зато обстоятельно. Например, мы спросили, можно ли сегодня, не задерживаясь, выйти в море и сфотографировать рыбаков за работой. «Можно, — соглашается директор, — но дождь кончается, а после дождя, как закон, поднимается ветер. Вы на «Ярославце», это судно речное, на нашей волне может не устоять. Капитан у вас опытный, он и решит, стоит ли рисковать». После такого ответа, само собой, уже не очень-то будешь рваться немедленно выйти в море.

Дошел разговор и до омуля. Я далек от мысли, что такой человек, как Петр Иванович, руководствуется в этих вопросах лишь узкохозяйственными интересами, но, по его словам, с байкальским омулем все совершенно благополучно: ловить можно больше, чем прежде! Запрет на лов, введенный в 1968 году, действует и теперь, но разрешен так называемый научно-промысловый лов. Омуль идет такой же, как в былые времена, — крупный, упитанный. Конечно, запрет помог. Завод сейчас, если разрешат увеличить вылов, мог бы давать почти в два раза больше соленой и копченой рыбы. Так думает директор. Решать ученым...

— А почему в Москве, например, мы не видим вашего соленого омуля в банках?

— Не довести. Герметично закрытая банка хранится только при постоянной температуре — около нуля. «Схватила» банка тепла — все: через два дня можно выбрасывать. Что поделаться, омуль — рыба благородная.

— Значит, надо всячески увеличивать доступ людей на Ольхон к свежей рыбе...

— Наоборот, пора Ольхон закрывать. Посмотрите, что в выходные делается: теперь на остров есть хорошая дорога, работает паром, и из Иркутска — машина за машиной, с лодками, с прицепами, у каждого второго, если не чаще, припрятана сеть. Рыбоохрана с ног сбивается. Норма — по пять килограммов омуля на человека, но поди уследи! А ловить даже нашим, промысловым судам разрешается не везде, есть зоны,

строго ограниченные учеными в интересах охраны омуля, — но для многих приезжих запрета вроде и не существует. Лишь бы мешки набить. Жадность! А зимой что делается на льду — целые городки! Сам считал, до пятисот машин в день приезжает на остров. Уедут, а у нас в магазине и хлеба не осталось.

— А клев-то есть?

— Ничего, в хороший день вытаскивают кто по пятьдесят, кто по сотне и больше штук в час. Перемножьте, сосчитайте, и станет ясно, почему мы просим объявить Ольхон заповедной зоной.

...На другой день у одного из островов Малого моря мы задержались у небольшого рыбацкого мотобота. Бригадир рыбаков Виктор Хогоев — молодой, веселый парень и, видно по всему, уже опытный промысловик — руководил выборкой хитроумного ставного невода. То ли день для капризного омуля был неподходящим, или нам просто не повезло, но улов едва-едва прикрывал дно рыбацкой лодки. Рыба попалась разная, омуля здесь была примерно половина, и, признаться, мое внимание сначала привлекла вовсе не «царская рыба». Эх, какие красавцы сиги, какие огромные, величиной с лопасть весла окуни колотили хвостами в деревянные борта лодки, сводя с ума орду налетевших чаек! Но рыбаков, казалось, из всего улова волновали только омули. Виктор зачерпывал сачком сразу десятка по полтора этих сильных бело-серебристых рыб, показывал нам — смотрите, какие! И мы убеждались, что директор был прав, что омули в Малом море действительно упитанные и крупные. А позже, когда на шипящей сковороде несколько этих рыб покрылись тонкой золотистой корочкой, мы уже от себя смогли добавить: и очень вкусные!

ПО ВЕЧЕРАМ, когда «Гидрограф» вставал на якорь и все укладывались спать, я забирался в опустевшую рубку и с разрешения капитана доставал огромный судовой «Атлас Байкала», занимавший весь стол. До чего же интересно вот так, при красной штормовой лампочке, разглядывать его листы с подробнейшими картами каждого залива, с островками, с избами — ориентирами, с детальным описанием примет погоды, всех видов волн, ветров, течений... На часах уже двенадцать. Вокруг тишина, к открытой двери рубки прямо от огромной луны тянется по воде золотая дорожка. Я вдруг спохватываюсь — ну зачем мне понадобилось выписывать из атласа, что якорная стоянка в бухте Крестовой наиболее выгодна при норд-осте? Ох уж эта колдовская ночь, эта магия красивых слов!

Ну ладно, последний лист. Ушканьи острова. Самый центр Байкала, только в хорошую погоду доберешься. Вот сюда, на этот мыс, ребята с «Гидрографа» забирались проверять маяк, а нас высадили вот здесь, у гидрометеостанции. Два домика на берегу, у кромки тайги. Антенны, площадка с приборами. Две пушистые лайки, одна из которых заливалась в стороне, а другая изловчилась молча тянуть меня за ногу.

Профессионально работают, ничего не скажешь... А из дома вышли две молоденькие гидрометеорологи, всячески стараясь показать, что приезж гостей с фотоаппаратами их ничуть не занимает. Очень любопытно мы тогда поговорили: приезжие все расспрашивали об одиночестве и скуке, а хозяйки уверяли, что ничего другого им не надо. «У нас работы много, данные наблюдений по радию передаем. Это сегодня вам не повезло, народ разъехался, а так здесь весело — даже танцуем под гитару! Наш служебный катер каждый месяц заходит, мы на вас-то подумали, что они пришли. И зимой не скучно. Вот осенью, в штормы, иногда чуть-чуть тоскливо бывает...» Не знаю — мне показалось, что все это сказано было искренне, без игры в романтику. Бравады здесь надолго не хватило бы. И Галя Гердван, наверное, хорошо знала, на что идет, когда поступала в техникум гидрометеослужбы. Марина Сибгатулина училась на геолога, вышла замуж за лесничего, оказалась на Байкале... Что ж, нормальные судьбы. Это раньше мы представляли себе зимовщиков отшельниками с бородами. Изменения, кажется, коснулись не только внешности. Запомнилась такая деталь. Галя говорила, как ей нравится на «Ушканчиках», а Марина добавила: «Я еще жила тут на станции в Нижнем Оголье — там тоже очень красиво. Ты извини, Галя, даже красивее, чем здесь!» Вот так она и сказала: «Ты извини». Хорошо, правда?

МОЖНО считать это случайностью, но почти все встречи на Байкале были с людьми молодыми. Вот, например, Чивыркуйский залив, место с занятным названием «Мыс Покойники». В моем распоряжении было минут сорок, и я пошел прогуляться — сначала по деревянному пирсу, по которому лениво бродили собаки с серьезными мордами, потом по главной улице поселка Курбулик, мимо небольших домиков и высоких ворот, остроносых сохнувших лодок и самого Байкала, заменившего сторону улицы. На одном из домов — пожалуй, на самом добротном — красовалась вывеска «Курбуликское лесничество». Вот удача: у меня накопилось столько вопросов о лесах и пожарах! Но на дверях был замок, и тогда я решил все же добраться до лесничего если не в служебной, то в домашней обстановке. Обернувшись — неподалеку стояли двое парней в высоких рыбацких сапогах. «Где лесничий живет?» «Здесь живет. Однако улетел лесничий». «А что, заместитель у него есть?» «Помощник есть». «А где он живет?» «Во-оон, между домами пойдешь, потом на горку, потом налево пойдешь...» Дом я все-таки нашел. Осторожно, помня о собаках, приоткрыл калитку, пересек наклонный дворик, стукнул в дверь: «Помощник лесничего здесь живет?» «Да, здесь. Таня, к тебе пришли!»

Теперь не редкость, что лесом командуют женщины. Но в таком, как бы сказать, перспективном возрасте (да простит меня Таня Наволодская — впрочем, нет, Та-

тьяна Кирилловна) помогать руководить огромным лесным массивом, иметь под началом целый штат лесничества...

— Скажите, а вам по тайге-то не страшно ходить? Ведь здесь медведей, говорят, полно...

— А у нас ходить не надо, у нас на лодках лес объезжают.

В лес на лодке... Я уже ничему не удивлялся. Впрочем, все правильно: берега здесь крутые, высокие, и с воды все холмы — как строчки в раскрытой книге. Любый дымок сразу будет замечен. Вот и мы, когда плыли, видели — на огромном пространстве полуострова Святой Нос устал горелым лесом, в иных местах гарь от воды до вершин гольцов — смотреть страшно.

«Ну, это с прошлых лет, до моего приезда, а при мне еще ни разу не горело», — успокаивала Таня. «Вы, значит, работаете здесь недавно?» «Да, с апреля». «А откуда?» «Жила в Дивногорске, училась в лесном техникуме под Новосибирском. Была в Усть-Баргузине на практике, потом приехала сюда с мужем по распределению». «А муж кто?» «На боте работает, помощник моториста». «Как думаете, обоснуетесь здесь?» «Хотелось бы, красота-то какая! Дом нам дали, огород. Вот родители приехали, им тоже очень нравится — в кино, говорят, такого не увидишь, как у вас в окошко!»

Мы сидели на лавочке, на солнышке. Из тайги тянуло хвоей, впереди, над Байкалом, словно висела в дрожащем нагретом воздухе остроконечная скала и песчаная коса с деревенькой Падь. Мне почему-то было очень радостно. За лес, который в этом году ни разу не горел, за медведей, выходящих чуть ли не в самом поселке напиться к озеру, за эту вот молодую семью, прижившуюся на Байкале. Честное слово, я совсем не против стариков и пожилых людей, но так приятно видеть в истории Байкала столько сейчас вот начатых страниц!

В Баргузинском заповеднике познакомился с лаборантом Вениамином Тронинным — он вырос в Пензе, но всегда мечтал о тайге, уехал учиться в Хабаровск, теперь фанатично предан Байкалу и считается в заповеднике лучшим таежником, первым кандидатом на вакантную научную должность... Или еще знакомство — посреди Байкала, на мостике флагмана байкальского флота «Комсомолец Бурятии». Его капитан Владимир Виссарионович Хлебалов ходил по океанам, видел далекие тропические страны, но вернулся домой, на Байкал, предпочел буксир океанскому лайнеру. В Чивыркуйском заливе руководит рыбопромысловым заводом Валентина Павловна Елшина. Сама из Тобольска, сейчас заочно учится в московском институте, командует заводом первый год и первый раз избрана депутатом поссовета. И опять — ни слова о скуке, глуши, оторванности: разговор шел о мальках омуля, о поселке, в котором на целых восемнадцать семей уже маловат клуб, о школе, которую обязательно надо строить... Я не искал специально такие примеры, а их набралось еще много. Да, Байкал помолодел — это точно.

...Таня Наволодская настраивала радию на «пожарную» переключку, когда над поселком призывно звывала сирена «Гидрографа». Уже закрывая за собой дверь, я слышал: «Верхнее Оголье, я Курбулик, как слышите? У нас все в порядке»...

На Большом Ушканьем острове расположена одна из байкальских гидрометеостанций. * Капитан теплохода «Комсомолец Бурятии» В. Хлебалов. * Тишина над озером... * Игорь Крупских живет у Байкала, но нерпу видит впервые. * Бригадир рыбаков Маломорского рыбозавода Виктор Хогоев. * Директор Лимнологического института Сибирского отделения АН СССР Г. И. Галазий. * В бухте Песчаной.

КАКОЙ БЫЛ ДОЛГЫЙ ГОД

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Светлой памяти моего друга Олега Саенко, журналиста, охотника, альпиниста.

Э

1

ту речку он услышал издали, прерывистый, хриплый голос услышал, — видать, частыми были в ее таежном беге перепады, пороги, когда речке приходилось перепрыгивать с камня на камень, скрестись туловом об обмыски, сжи-

маться в крутых каменных стесах, выплескиваться на простор и набирать бойкость, а потом биться, кровянить губы о кедровые завалы, подлезать под тяжелые, почти прилипшие ко дну бревна, царапаться по-пластунски, обдирать спину о мертвые деревья и, простудно шлепая о выбоины, катить дальше.

Выбравшись из застойного жаркого леса дудок — высоких, в два человеческих роста, пустотелых растений, — Дерябин, хватаясь за длинные крепкие висюльки дальневосточных лиан, скатился к речушке, упал, больно приложившись коленями о каменную пластину, почти съеденную дождями и зимней стужей, услышал, как сланцевая тонина гнило хрюкнула под его тяжестью, ткнулся лицом в воду и тут же откинулся назад, ошпаренный холодом. Вода была как лед. Но потом понял, что это ему только показалось, это горячая, вода не лед, нет — вода обыкновенная, таежная, стелая — обычная, одним словом.

Он устало посмотрел на задымленные курной пленкой стесы, потом слотнул жесткий застойный ком, тычком застрявший в горле, развел рукою пузырчатую рябь течения, медленно и сторожко притиснулся к ней лицом, ощутил, что вода пахнет хвоей, папоротником,

рыбной слизию, хватил открытым ртом и, почувствовав, что задыхается, сильно, без размаха, споднизу стукнул себя кулаком по груди. Затем еще раз, но уже слабее, без боли.

Потом он начал пить спокойнее, бессознательно отмечая, как с каждым глотком отступает мучительное ощущение жажды, а на смену приходит цепкое тошнотное чувство голода. Напившись, зачерпнул полную пригоршню воды и, помотав головою, плеснул себе в лицо, затем мокрыми руками растер виски, затылок, темя, саднившие с самого утра.

— Проклятая духотища, — выругался он. — Как в печке...

В нескольких шагах, если посмотреть влево, начиналась галечная коса, лезвистая, узкая, плоская, с выщерблинами посередине, в которых застыли темные окошки воды; конца косы не было видно, конец скрывался под гниющим буреломом, перегоревшим речку. Завал. Он поднялся, побрел прямо по воде, ощущая, как влага приятно и почему-то щекоотно холодит ноги, осторожно прощупывая подошвами скользкое глинистое дно. Добравшись до косы, нерешительно, даже не понимая, в чем дело, потоптался на краю — что-то мешало пройти ему вперед, что-то мешало... — потом понял, в чем дело: он боялся наследить на белосольной, прожаренной солнцем и омытой столькими водами поверхности косы. Тогда Дерябин тщательно вытер сапоги о мокрый край, словно о половик, проверил подошвы — не прилип ли к ним шматок грязи, ступил на слабо захряпавшую гальку.

Темнота, грузная, непроглядная, вспухла быстро. В тайге она всегда наваливается неожиданно, переход от дня к ночи происходит резко, без промежуточных, как говорится, градаций, в какие-то пятнадцать — двадцать минут. Он отыскал несколько сухих коряг, годных для костра, те, что потоньше, перехватывая через колено, сложил аккуратный костерок, подниз сунул клочок газеты, которую расходовал с предельной экономностью, и, подпалив одной спичкой, с жадностью втянул в себя запах жиденького дыма. От света костерка мгновенно помутнели низкие водянистые звезды; и как они только у позовов могут вызывать лирическое чувство, в них же есть что-то базарное — яркие, аляповатые, похожие на искусственные драгоценности, какие принято выставлять в витринах Ювелиторга: блеску много, а цена невелика — полчервонца, а то и меньше.

Дерябин pokrutil головой, пытаясь прогнать поплывшие перед глазами зеленые и оранжевые круги, вгляделся в игру пламени, в чистые незадымленные хвосты, вздохнул тяжело, загнанно. Неподдалеку он нашел недлинную, но удобную, хорошо подходившую к руке палку, из кармана достал складной универсальный нож — есть такие ножи, с вилками и ложками, целый столовый прибор, — отщелкнул вилку и куском веревки крепко, чтоб, не дай бог, не сорвалось, прикрутил к палке. Получилась острога — «орудье». Взяв «орудье» в руку, Дерябин подержал немного на весу, словно пробуя на тяжесть, потом проверил, прочно ли все-таки привязана вилка к древесному тулову, поморщился от мысли, что, не дай бог, универсала сорвется и потеряется, но тут же успокоил себя — если сорвется, то ничего страшного, железо есть железо, уплыть не уплывет, останется на дне этой хрипатои речки.

— Помогай нам бог, — пробормотал он и попятился в речушку, чувствуя, как все-таки здорово холодит ноги ошутимое сквозь плотный, еще не сжеванный ходьбой брезент течение, достал из кармана электрический фонарик, нацепил металлическую петельку на палец. Он не успел сделать и четырех шагов, как увидел в мелком стремительном течении сонного, притулившегося носом к камню хариуса — вернее, не увидел, а шестым (или каким там по счету) чувством ощутил, что это вот похожее на вытанутую каплю пятно и есть рыба. Он прицелился в самую середину капли, стараясь унять появившуюся вдруг дрожь, и, сжав зубы, с силой ударил. Затем быстро, пожалуй, даже слишком быстро, будто ошпарившись, выдернул «орудье» и вздрогнул от неожиданности — бессильно повисшая на конце горе-остроги рыбешка была по мень-

шей мере в полтора или даже в два раза меньше ожидаемого. В груди вдруг закотала, зафыркала кипятком гневная обида — на самого себя, на нелепый случай, заставивший его плутать по тайге, на помощь, которая должна была бы прийти, да не приходит, на друзей своих, которые и духом не ведают, не знают, что с ним стряслось, в какой беде Дерябин находится. Он вдруг вскинул голову и резко повел плечами, ступил в сторону и будто запнулся — под сапогом поехала глина, скользкая, как клей, и Дерябин неуклюже, боком бухнулся в речушку, взбив фонтан брызг, с горьким недоумением увидев, как с конца «орудья» соскользнул в воду добытый хариус.

Где-то недалеко резко, насмешливо прокричала ночная птица. Дерябин, отыкнув жижку сквозь стиснутые зубы, молча погрозил птице мокрым кулаком.

...Через час, когда села батарейка в фонаре, он вернулся на косу. Костер прогорел, светились лишь два-три слабеньких уголька, похожих на кроличьи глаза. Дерябин лег на землю, вытянул зудящие от нестиранных портянок и долгой ходьбы ноги, разулся. Потом пошел босиком в темноту, поднимая на ходу сохлые, легкие, словно пустотелки, древесные комелья, валежины.

Костер разгораться не хотел, но Дерябин, в щелки стиснув слезящиеся глаза, упрямо дул на красные, вспыхивающие искорьем камешки, пытаясь все-таки распалить огонь. И добился своего — заплескалось пламя, рахитичное, синюшное, прозрачное, непонятно только, в чем душа у этого жарка держится. Но тут откуда-то припластался коварный ветришко, прибил языки пламени к земле, истончил, и оно начало богу душу отдавать, и тогда Дерябин проворно выхватил из кармана последний клочок газеты, сунул в плоский, ослабший огонь.

Зажарив рыбу, он круто посолил ее и, горячую, пахнущую дымом — весь улов ввещался на ладони, — обжигаясь и всхлипывая от усталости, от жалости к себе, быстро съел. Потом, откинувшись назад, долго лежал неподвижно, беззвучно шевеля губами и глядя в низкие, мокрые, повисшие на макушках кедров и пихт звезды... Не звезды, а елочные украшения какие-то, и точно, елочные, — с новогодним переливом, с игрой и посверком, — это когда все чисто и воздух прозрачен, но когда все заволакивала муть, звезды становились похожими на... простите, нечищенные солдатские пуговицы, вся нарядность пропадала, оставалась одна дешевизна. Уже засыпая, он подумал, что неплохо бы веревку иметь, чтобы обложить ею место ночлега, закольцевать ложе. Это чтоб змеи к нему, спящему, неприемно не подобрались, а то в здешней тайге, говорят, тринадцать пород змей живет, и все ядовитые — если цапнет, то ни одна больница чинить не возьмется. Особенно опасна стрелка — змейка маленькая, юркая, ровно ящерка — и на ящерку похожая, она прыгает прямо с тропы, да так высоко, что даже в лицо впирается — вон куда достает.

Если же на время сна обложиться веревкой, то ни одна змея не подползет. Но уж коли пожалует, то ткнется носом в пенку, сделает один круг, другой и уйдет в сторону. Через веревку, пахнущую человеческими руками, потом, кровью, солью, дыханием, никогда не перевалит, не перебросит свое тело — боится змея веревки, боится...

2

...Ничего не предвещало беды — мотор работал ровно, без сбоев, и плыло под стрекозьим сытым брюхом вертолета сизое частотье тайги с падами, марями, сопками, топками проплешинами, сплошное однообразие, нагоняющее одурь, сон, истому. Летели примерно на высоте полутора тысяч метров, когда вертолет вдруг трянуло, будто он врезался во что-то твердое, машина резко поддалась носом вниз и с визгом пошла к земле.

— Что там? — закричал Федотенко, второй пилот, его белое, пористое лицо набухло кровью, полилово от натуги, по щекам заскользили ручейки пота.

Дерябин в кровь закусил губу, сбросил газ на нуль, стараясь перевести машину на авто-

ротацию и тем самым выиграть время, погасить скорость. Но их трясло, болтало, молотило, било об обшивку. Дерябин больно стучался спиной о сиденье, стараясь не вылететь из него. Понял только: что-то случилось с хвостовым винтом: кажется, полетели шпильки, все три, обрубил их, и хвост обломился... Большой винт вращался в одну сторону, корпус падающей машины — в другую.

Ах ты, черт, ах ты, какие нелады. А тут еще... — словом, в вертолетном чреве сидели картографы с аппаратурой — им было еще трудней.

Вертолет падал, и земля оглушающе быстро, до тоскливого обжима в висках, до холодного пота, до щенячьего скулежа быстро надвигалась на них, все ближе и ближе, все ближе и ближе... Желанная, дорогая, кровная, родная и такая опасная земля... Удар о нее означал смерть. Но не все еще было потеряно, не все — лишь бы воздух был плотный, лишь бы не было провалов и ям, тогда они удержатся, сбросят скорость, и если повезет, обойдутся синяками да ушибами.

Но синяками обойтись не удалось — плюхнулись так, что под Дерябиным согнулась спинка пилотского сиденья. Выполнили из пахнущего бензином и острой гарью вертолетного чрева на траву, яркую, запыленную от фиолетовины иван-чая. У Федотенко оказались вывихнутыми обе ступни, у бортмеханика, наверное, треснула кость руки, картографы тоже пострадали. Более или менее целым из всех оказался Дерябин.

Попробовали по радиации связаться со своими, с картографической партией, чтобы сообщить о беде, передать координаты, но радиация была разбита — ни писка, ни визга, ни привычного мышинного шуршания, а потом, была суббота, день нерабочий, и картографический отряд, за исключением двух-трех человек, выехал на машинах в город — хватить культуры, пивка, посмотреть кино, потолкаться на базаре, поглядеть на людей, а то ведь одичали, шастая по тайге.

В общем, загорать им как минимум два, а то и три дня на этой поляне. Пока подмога не прибудет.

У вертолета вид был жалкий — хвост сломан, пузом машина сидела на земле — зарылась в таежный перегной по самый пупок, до корешков утопив в мякоти лапы. Не машина, а черт-те что...

Когда посмотрели на карту, то обнаружили место, помеченное крестиком, — если идти строго на юг, то в пятнадцати километрах от злополучной поляны, на которой они кукуют, находится охотничье зимовье. В зимовье том живет обезданчик — Федотенко с ним был знаком — дядя Миша Поросятников, мужик крикливый, дурной, но тайгу понимающий. У обезданчика есть радиация, надо добираться до зимовья и оттуда связаться с городом, чтобы подмога прибыла сегодня — не завтра, не послезавтра, а именно сегодня. Тем более, что у одного из картографов, бородастого, голубоглазого, круглолицего, начала подниматься температура.

Кому же идти к дяде Мише Поросятникову? Самым ходячим был Дерябин, ему больше всех повезло, он одними лишь царапинами отделался — значит, ему и идти.

Еды у них, кроме нескольких кусков хлеба, пластины сала и четырех луковиц, не было, поэтому Дерябин взял ломоть хлеба, чуток сала, немного соли, спички, нож, фонарь (благо фонарей было целых три) и двинулся в путь.

Едва ступил в кедровый отвес, как поляна с аварийным вертолетом пропала, деревья тут росли густо, впритирку друг к другу, было сыро, душно и темно, пахло прелью, грибами, баней — солнце никогда сюда не пробивалось, и стволы деревьев гнили живьем, из-под брезентовых, купленных в командировке в Узбекистане сапог вычавкивала жирная земляная жижа.

На ходу Дерябин с бездумной, пустой какой-то печалью размышлял о том, что нынешняя авария — вторая в его жизни. На вертолеты он перешел недавно, еще в прошлом году летал на «горбылях» — самолетах АН-24, одышливых, уже устаревших, но со спокойным, невзбрыкивающим ходом, покорных и надежных.

...Дерябинскому экипажу было поручено перегнать «горбыль» в Москву, там самолет, уже повидавший виды, латанный-перелатанный, должны были списать в утиль. В металлолом. Правда, Дерябин считал, что «горбыль» хоть и был основательно потрепан, но не настолько, чтобы его пускать в переплавку или под заводской пресс. Надо было только заново обшить корпус, потому что через старую обшивку проникал разреженный воздух и на высоте не только пассажирам, даже пилотам закладывало уши, да поставили новые движки — это дело обычное, и «горбыль» за глаза бы мог отлетать еще года три. Но видите ли, какой-то капризный чин решил — в утиль, и точка! А приказы, как известно, обсуждать не приходится.

Словом, «горбыль» делал свой последний рейс. Время от времени Кривокозов — самый молодой командир корабля в отряде, горбоносый, с черными нависшими глазами, цыганистый и лихой — проводил пальцами по приборной доске, потом делал жест в сторону Дерябина: смотри, мол, за стрелками и циферблатами, а сам из бокового клапана, привязанного сыромятными ремешками к сиденью, доставал коробку с пирамидоном — Кривокозову нездоровилось от перемены мест: то холод, то жара, при переменных скоростях подобная смена происходит быстро — утром ты в холодном Мурманске, днем в жарком Сухуми, вечером в умеренном Саратове, — вот Кривокозов, кажется, и прихватил грипп, ощутил это летчик только сейчас, в рейсе, и, морщась, жевал горькие таблетки. Дерябин, второй пилот, брал «бразды» в свои руки. Сидя в кресле, он нет-нет да и бросал взгляд на Кривокозова — того совсем уже доканывал грипп, лицо покрылось красными пятнами, глаза обузились, запали, вобрались куда-то под брови, дышал он с пьяным надсадом, через раз захлебывался воздухом — в общем, нелегко было первому пилоту.

Внизу голубой петливой стружкой проплыла Волга, одна за другой потянулись частые темные рванины — лесные участки. Потом на пути встала длинная плотная гряда, неряшливо обкомсанная, с лохмами — облачный хребет. Дерябин повел «горбыль» вверх, чтобы переключить через воздушный краж, не теплеясь слепо в его дымных, обмерзлых оборывах, в это время под самолетом что-то заскрежетало, будто он брюхом проехал по гальке, и тут же смолкло. Дерябин оглянулся и оцепенел на мгновение — из-под правой плоскости вырывался длинный, серебристый, как пламя бенгальской свечи, сноп огня. Поток ветра сноп пригибало к туловищу «горбыля», и пламя, искрсясь и рассыпаясь, лизало иллюминаторы. Высота? Есть высота — губительная, не успеешь самолет дотянуть до земли, сгорит на полпути.

Дерябин стиснул зубы так, что у него от боли свело скулы, и, резко бросив тяжелый самолет вниз, повел его к земле, не слыша ни одного звука вокруг, ни одного, он словно отключился — мысль его работала в главном направлении — к земле, быстрее, еще быстрее... Только бы сбить пламя, только бы... А пламя, упрямое, жаркое, разгоралось сильнее и сильнее, но Дерябин не думал сдаваться, он упрямо тянул и тянул самолет вниз. И тот, покорный, большой, слушался пилота как никогда, словно чувствовал себя виноватым за все происшедшее в эти минуты. Дерябин видел далеко внизу ровно расчерченные зеленым и желтым квадраты полей, темный курчавый лесок и светлое, похожее на линзу озеро, спичечные коробушки домов, нелепо притулившиеся к краю мокро темнеющей веревки шоссе, а рядом — бледное лицо с бесмысленно черными точками глаз — штурман, был еще впавший в забытие больной Кривокозов... Потом до его слуха донеслась отчаянная ругань: он узнал голос радиста Айрапетяна — тот крыл все и вся на белом свете... Крыл, как потом рассказывали, со скоростью тридцати ругательств в секунду. А Дерябин все круче и круче заваливал самолет, он почти вертикально шел к земле и боялся в этот момент только одного: как бы «горбыль» не развалился от скорости, как бы не развалился. Другого выхода не существовало — надо было во что бы то ни стало сбить пламя.

Все кончилось благополучно — Дерябину

удалось сбить пламя и посадить «горбыль» на овсяном поле.

А потом они прибыли в аэропорт, усталые и на много лет постаревшие, и их встречали с цветами, и даже был оркестр — не духовой, каким принято встречать в подобных ситуациях, а какой-то странный: смесь джазового со струнным, и один незнакомый тип — сказали, из министерства, — сняв фуражку и постоянно вытирая крупный, густо усеивающий идеальную, без единого волоска лысину пот, произнес речь.

Когда шли к автобусной остановке, Лапин вдруг больно сжал руку Дерябина и, отделяя его от остальных, предложил почему-то шепотом:

— Давай сбегим! Пойдем кофе пить, а? С коньяком. Ну?

Дерябин молча кивнул. Они стали в хвост очереди — длинной, суетливой, многолюдной. Когда подали автобус и он набился так, что в окна полезли чемоданы, сумки, кульки, Дерябин махнул водителю, и тот послушно закрыл двери. В окна начали стучать, послышались крики Айрапетяна и авиационного инженера Гасова, но было поздно, автобус отошел от остановки, и Дерябин послал вслед успокоительный жест — мол, ничего страшного, подумаешь, не вместились, через десять минут пойдет очередной автобус, доберем очередным...

В баре было темно и уютно, тихо, вполголоса звучал магнитофон, светильники, вделанные в полированные деревянные стены, давали света чуть-чуть, лишь бы обозначить людей, лица. Хотя обозначать особенно некого — народу было немного, и все незнакомые. Барменша тетя Лиза, могуче возвышаясь над стойкой, задумчиво пощипывала бархатистые усики. Добрячка тетя Лиза была, наверное, самой опытной барменшей в их городе, коктейли сбивала такие, что и в сказке не придумаешь: с мудреными названиями, резкие и мягкие, пряные и без запаха, густые и жидкие, крепкие и слабые — на любой выбор, на любой вкус; и кофе варила такой «серьезный», что после одной чашки, как однажды признался Айрапетян, три ночи потом не спишь...

— Тетя Лиза, нам бы кофе. И по пятьдесят коньячку, а?

Тетя Лиза умела не удивляться, не удивилась и на этот раз, когда «погорельцы» — как экипаж «горбыля» уже успели окрестить в отряде, — вместо того, чтобы выпить побольше и основательно закусить — как-никак имели на это право — заказали всего по пятьдесят — тетя Лиза все понимала...

— Два раза в жизни мне очень здорово повезло, — сказал Лапин. — Два раза... После пережитого он был настроен на шутиливый тон. — Первый раз — это когда скончалась моя теща, светлая ей память... Хотя о покойниках плохо не говорят, не могу ее без дрожи вспоминать...

— А второй? — спросил Дерябин.

— А второй раз — это сегодня, — ответил Лапин. — Вот. Ты помнишь, — сказал он через минуту, — когда в прошлом году нам надо было лететь на два нуля двадцать четвертом? Как будто кто карты подтасовал — вместо нас экипаж Саркисова послали. Помнишь, мы пошли в столовую, и еще здорово матерились, что нас в аэропорту на целые сутки с этим отказом задерживают, и только начали второе уминать, как прибежала Наденька, бледнее бледного, и сказала, что самолет номер два нуля двадцать четыре через десять минут после взлета совершил вынужденную... Помнишь?

— Помню, — отозвался Дерябин. Он сидел, ловко упершись локтями в стойку бара и медленно помешивая ложкой кофе.

— Скажите, товарищи летчики, — вдруг послышался вкрадчивый голос из-за спины, — самолеты часто падают? Или не часто? Или не падают вовсе?

Они разом повернулись. Лапин помолчал немного и коротко хмыкнул — перед ними стояла девушка, такая, что... — словом, крылись в лапинском хмыканье одобрение, восхищение, еще что-то хорошее, идущее от зависти, от чувства, которому и названия нет...

Окончание следует.

Юрий ВАНЬЯТ

...Дворец спорта в Лужниках проводил чемпионов мира — хоккеистов СССР боевым кличем «Мо-лод-цы!». И эхо весенней победы нашей сборной разнеслось по миру.

С того памятного дня минуло полгода. В разгаре новый сезон, идет тридцать четвертый по счету национальный чемпионат. Лидер клубного хоккея — команда ЦСКА — успел, кроме рядового международного турнира в ФРГ, выиграть два очередных европейских титула, а сборная СССР победила третий год подряд, на пражском турнире завоевав приз газеты «Руде право».

Теперь приближается еще более представительный традиционный розыгрыш «Приза «Известий», после которого наши клубные команды выступают за океаном. И все неотступнее олимпийские заботы тренеров нашей сборной, которая уже пять раз добивалась олимпийских побед. Каждая такая победа требовала игры из всех сил, полной отдачи нервной и физической энергии, беззаветного патриотизма спортсменов, их личной храбрости, выдержки, умения терпеть боль. И все эти качества неизменно проявляли советские хоккеисты и в Кортине д'Ампеццо, и в Инсбруке, и в Гренобле, и в Саппоро.

Хоккейный турнир всегда был «клизюминкой» Белых Игр. В чем же тут дело? Почему так популярен хоккей? Побывав на шести зимних Олимпийских играх, я пришел к выводу, что жгучий интерес к хоккею объясняется не только высокой зрелищностью самой игры и остротой разрешенных правилами схваток, не только обилием забитых шайб, но и психологической привлекательностью современного хоккея для людей, живущих в век высоких скоростей и бурных потрясений.

Хоккей с его сумасшедшими скоростями, постоянством острых ситуаций нашел множество поклонников. Недавно в Сочи я наблюдал, как мальчишки под ярким солнцем с упоением гоняли по асфальту... Нет, не мяч. Шайбу! А разве не примечательно, что на тбилисских улицах в часы хоккейных трансляций становится так же просторно, как и в часы футбольных матчей. И даже

БЮДЖЕТ ПОКОЯ...

ПЯТЫЙ
ДОНСКОЙ

знойный Ташкент имеет свою неплохую хоккейную команду.

Что же тогда говорить о Канаде, где хоккей поистине игра нации? Вся Канада до сих пор еще в шоке после 0:6 в «Кубке вызова» от сборной СССР. И по сей день боссы канадского профи-хоккея размышляют над тем, как жить дальше. Так, в июне на Багамских островах состоялось долгое и бурное совещание владельцев клубов НХЛ, где выработывалась стратегия действий на будущее и в итоге появился пятилетний план участия НХЛ в международных соревнованиях разных рангов.

Многие в Канаде задают себе вопрос: поняли ли что-нибудь боссы профессионального хоккея? Извлекли ли они для себя урок из матчей с советскими командами? Кое-что, видимо, поняли и извлекли. Президент НХЛ Зиглер отметил, что лига и дальше собирается участвовать в международных соревнованиях типа «Кубка вызова» и Кубка Канады. Однако, учитывая поражения в последних международных турнирах, необходимо разработать план подготовки к подобным встречам. Но ряд владельцев клубов высказывался за свертывание международных игр с участием НХЛ. Так, М. Макнаб, генеральный менеджер клуба «Вашингтон капиталз», отметил, что неудачное выступление игроков различных клубов НХЛ на чемпионате мира в Москве нанесло большой вред престижу этих клубов. В таком же духе выступил и Л. Нан, менеджер «Миннесоты Норт старз». А в это время Бобби Халл, один из самых ярких игроков профессионального хоккея (сейчас он играет за «Чикаго блэк хоукс»), решил послать своего 17-летнего сына, Бобби-младшего, продолжать хоккейное образование в Европу. «У меня вызывает отвращение грубость на матчах клубов НХЛ и играх юниоров. Кроме того, европейский хоккей просто лучше», — сказал Халл-старший в интервью канадской газеты «Хоккей ньюс».

За океаном внимательно изучают методику европейского, и особенно советского, хоккея. Один из самых авторитетных тренеров мирового хоккея, Фред Широ, работающий ныне с «Нью-Йорк Рейнджерс», объявил себя сторонником комбинационной игры и признал, что ему больше по душе европейский стиль. Однако, признавая преимущество европейской школы, он в своем клу-

бе придерживается «жесткой», чисто канадской манеры, а она все больше отталкивает от себя истинных ценителей хоккея за океаном.

Не случайно сейчас самый популярный клуб в Северной Америке «Монреаль Канадиенс», который отличается своей корректной игрой. С этим сильнейшим канадским клубом у нас наладились прочные связи. В пятилетнем соглашении о встречах советских и канадских команд, подписанном в начале осени Федерацией хоккея СССР и НХЛ, предусмотрен в последний день предоллимпийского года в монреальском «Форуме» матч «Монреаль Канадиенс» — ЦСКА. (Это будет вторая в истории хоккея встреча двух суперклубов Европы и Америки. Первая, как известно, закончилась — 3:3.)

Вот главные пункты соглашения: «Кубок Канады» теперь будет разыгрываться каждые четыре года начиная с сентября 1980 года. Розыгрыш «Кубка вызова» будет проведен в 1981 и 1983 годах. Международный сезон матчей в Канаде откроет московское «Динамо» 26 декабря в Ванкувере, а на турнир «Известий» к нам в Москву приедет канадская олимпийская команда, усиленная молодыми игроками НХЛ. Она, кстати сказать, уже играла в Праге под руководством патера Дэва Бауэра и в целом показала себя неплохо, если не считать дебошира Маклина, этого «рубаки-парня».

Сообщая о международных матчах НХЛ, президент лиги Зиглер подчеркнул, что поклонники хоккея в Северной Америке хотя бы как можно чаще видеть у себя советские команды, высокий авторитет которых в Канаде, как заявил президент, отныне не подвергается никакому сомнению. Да, хотя и несколько поздно, в Канаде все же поняли, что бедой канадского хоккея стала добровольная самоизоляция 60-х годов, отрыв от бурно прогрессирующего европейского, в частности советского, хоккея. Поняли это и руководители «Монреаль Канадиенс». Обладатель кубка Стэнли — «Монреаль Канадиенс» — обрел нового тренера — знаменитого Скотти Боуэна, сменившего Берни Джоффрина. Новый тренер заявил, что намерен поддерживать в команде дух коллективной игры. «Монреальцы сильны тем, что они играют в коллективный хоккей», — заявил он.

Действительно, и по рассказам наших мастеров, игравших против «Монреалья», и по телепередачам, этот клуб сейчас ближе всех остальных к европейской манере игры и стоит среди «профи» несколько особняком. Большая группа талантливых исполнителей, таких, как хитроумный, изысканный Лафлер, мощный Гейни, опытные Савар, Робинсон, любят и могут играть в соиздавательный, комбинационный хоккей. Ну что же, скоро мы сможем еще раз сравнить до-

стоинства двух хоккейных школ, а пока у нас началось очередное первенство страны, и каждые два-три дня клубы высшей лиги проводят очередные матчи из тех 244, которые и составляют чемпионат СССР, а вместе с ним и подготовку к Белой Олимпиаде в далеком Лейк-Плэсиде.

С кем же мы встретимся на олимпийском льду? Начнем с хозяев Олимпиады. Это все боевая молодежь — полная честолобных замыслов. Ведь американские хоккеисты на наших глазах в Скво-Вэлли добыли олимпийское золото, а в Саппоро совершенно неожиданно получили «серебро». Думаю, что к сборной США в Лейк-Плэсиде весьма подходят слова гроссмейстера Тайманова о тех, кому «суждено не столько строить свою турнирную судьбу, сколько разрушать другие судьбы».

Бронзовый призер Инсбрука-76 сборная ФРГ уповает на свои атлетические данные.

Усиленно готовятся к поездке в Лейк-Плэсиде шведы. Они хотят наиграть в Лейк-Плэсиде новый вариант сборной с тем, чтобы в 1981 году в родном Стокгольме всерьез побороться за золотые чемпионские награды на очередном первенстве мира.

— У вас же к тому времени почти все асы сойдут, — говорили нам шведские коллеги после московского чемпионата мира, — вот мы и попробуем воспользоваться этой «пересменкой».

Что же, игры в Москве показали, что Томми Сандлин, тренер шведской сборной, располагает хорошими игроками для создания сильной команды: «Викинг» — молодежная сборная шведов — сильна талантами. Но, по словам Сандлина, крайне необходимо воспрепятствовать отъезду молодых шведских игроков за океан, однако добиться этого крайне трудно, ибо все решают денежные посулы профессиональных клубов.

Финские специалисты критикуют свою сборную и вместе с тем надеются на нее. Так, обозреватель газеты «Кансан уутисет» Ээро Салонен писал о своей команде: «У нас слишком большой упор делается на канадскую хоккейную школу, и поэтому мы неспособны создать свое направление. Соперники мелькают мимо, как вихри. А наши игроки, настраиваясь на силовую борьбу, стоят как «деревянные лошади».

В свое время «ледовая паства» патера Бауэра неплохо выступала

на чемпионатах мира. Давно зная этого спокойного, творчески мыслящего тренера, думаю, что и в Лейк-Плэсиде он привезет команду, способную побороться за медали. Какой пробы, вопрос другой. Уже на турнире «Руде право» канадцы пытались вести комбинационную игру по всей площадке в европейском стиле, оборонялись и атаковали пятёрками. К февралю, надо думать, команда будет усилена, ведь хороших игроков в Канаде можно найти, тем более что сейчас вся страна озабочена подготовкой своей олимпийской сборной.

Ну, и наконец, сборная ЧССР — многократный чемпион Европы и мира, — ни разу не ставший чемпионом олимпийским. Здесь тоже происходят знаменательные явления. Дело в том, что вот уже второй сезон в этом отлаженном, высокотехническом, дружном хоккейном коллективе идет смена поколений. Не так-то легко найти замену таким выдающимся мастерам, как вратари Холечек и Дзурилла, защитники Поспишил, Махач, форварды Холики. К тому же часто болеет нынешний лидер атак и капитан команды Иван Глинка.

Сборная ЧССР была на московском чемпионате последней, которая упорно придерживалась игры в три звена форвардов, в то время как канадцы, американцы и финны вслед за сборной СССР перешли на прогрессивную систему четырех троек. Правда, в Праге на призе «Руде право» чехословацкие хоккеисты также перешли на игру четырьмя тройками, и, мы увидели в сборной ЧССР способных новобранцев-защитников Лычку, Кадлеца, форвардов Игначака, Славику, Голы. Да и в помощь мудрому и спокойному наставнику К. Гуту пришли тренеры «новой волны» С. Невеселы и Л. Букач, сменившие много лет работавшего со сборной доктора Яна Старши.

В Лейк-Плэсиде слабых соперников не будет. И поэтому трижды прав был Виктор Тихонов — старший тренер сборной СССР, сказавший журналистам перед сезоном: «Мы не собираемся почивать на лаврах, мы понимаем, что медали и призы в спорте даются отнюдь не навечно».

Лейк-Плэсиде можно перевести как «безмятежное, спокойное озеро». Но не будет ни безмятежности, ни покоя на его берегах.

КАЗАКИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Совинформбюро 11 января 1943 года сообщило, что на Северном Кавказе освобождены Пятигорск, Железноводск, Кисловодск, Буденновск, Ачикулак, Архангельское и Александровская. В числе отличившихся войск называлась кавалерийская часть под командованием А. Г. Селиванова.

«Пятый Донской». Воспоминания ветеранов 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса. Ростов-на-Дону. 1979, 160 стр.

Уже в первые дни войны на Дону стало создаваться добровольческое ополчение, — бюро Ростовского и Сталинградского обкомов ВКП(б) приняло постановление об образовании донских казачьих кавалерийских дивизий. Такие же добровольческие казачьи дивизии формировались и на Кубани. Первым командиром 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса стал А. Г. Селиванов. Теперь именем этого замечательного военачальника названа одна из улиц Ростова-на-Дону и средняя школа в селе Вербово.

Гвардейцы с честью пронесли свои боевые знамена от предгорий Кавказа до Австрийских Альп. Одиннадцать из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, тридцать тысяч награждены орденами и медалями. О подвигах однополчан рассказывают ветераны корпуса в книге «Пятый Донской». Составители, участники боев и походов корпуса В. Н. Перельгина и В. Н. Федоров очень удачно и продуманно подобрали и расположили рассказы ветеранов.

Книга написана простым, хорошим языком. С ее страниц перед читателем встают боевые будни казачьего корпуса, его победы и неудачи, подвиги воинов.

Воспоминания ветеранов перемежаются публикациями фронтовой газеты «Ударная конница». Это сводки Совинформбюро, корреспонденции с передовой о делах бойцов-гвардейцев. Их скупые строки доносят до нас горячее дыхание пропитанных кровью и порохом военных дней.

Пожалуй, самые теплые строки посвящены фельдшерам и санитарам эскадронов, которыми чаще всего были девушки. «Нам никогда не забыть мужественных, стойких, нежных и добрых сестричек, как ласково звали их бойцы. Они сами погибали, а раненого порой вытаскивали на себе из самого пекла», — вспоминают ветераны.

Книга «Пятый Донской» издана под редакцией гвардии генерал-лейтенанта в отставке С. И. Горшкова. После генерал-лейтенанта А. Г. Селиванова генерал-лейтенант С. И. Горшков командовал прославленным казачьим корпусом, вел его дорогами войны до светлого дня победы.

Книгу о боевых делах казаков с интересом прочитают не только участники Великой Отечественной войны, но и самые широкие слои читателей, особенно молодежь.

А. ГОЛИКОВ

УМЕЕТ ЛИ ДЕЛЬФИН УЛЫБАТЬСЯ!

В 1974 году впервые у нас в стране было начато комплексное изучение дельфинов в условиях их свободного обитания. Исследования на Черном море вели сотрудники Института океанологии АН СССР и МГУ. Ученые начали свои работы буквально с нуля. Не ясно было даже, кочуют ли дельфины по всему морю или привязаны к определенным местам обитания.

Выяснилось, что дельфины обладают развитой системой экологической, о которой человеку приходится только мечтать; они способны плавать с большой скоростью, нырять на большую глубину и довольно долго находиться под водой без угрозы кессонной болезни. Все это делает дельфина афалину чрезвычайно перспективным видом для одомашнивания. Его можно научить «работать» в связистом между кораблями и подводными лабораториями, спасателем, помощником водолазов и рыбаков, а также множеству других подводных работ, что окажет огромную помощь человеку в освоении Мирового океана.

С особым вниманием изучались стадные отношения дельфинов между собой. Оказалось, что в отличие от многих других стадных животных, например, от обезьян, у дельфинов эти отношения строятся не на конкуренции и жесткой системе доминирования-подчинения, а на альтруизме, взаимопомощи и сотрудничестве. Дельфины никогда не бросают своих больных или раненых сородичей. Они подплывают к терпящим бедствие животным и подставляют им спины, приподнимая их головы над водой, чтобы они могли дышать. Ведь больным животным в первую очередь грозит гибель от удушья.

Вот пример. Роды у дельфинов происходят под водой. Поэтому, как только на белый свет появляется беспомощное существо, важнейшая задача — дать ему возможность дышать. На этот случай существует специалист, дельфин-повитуха. В одно мгновение он отправляет родившегося на поверхность.

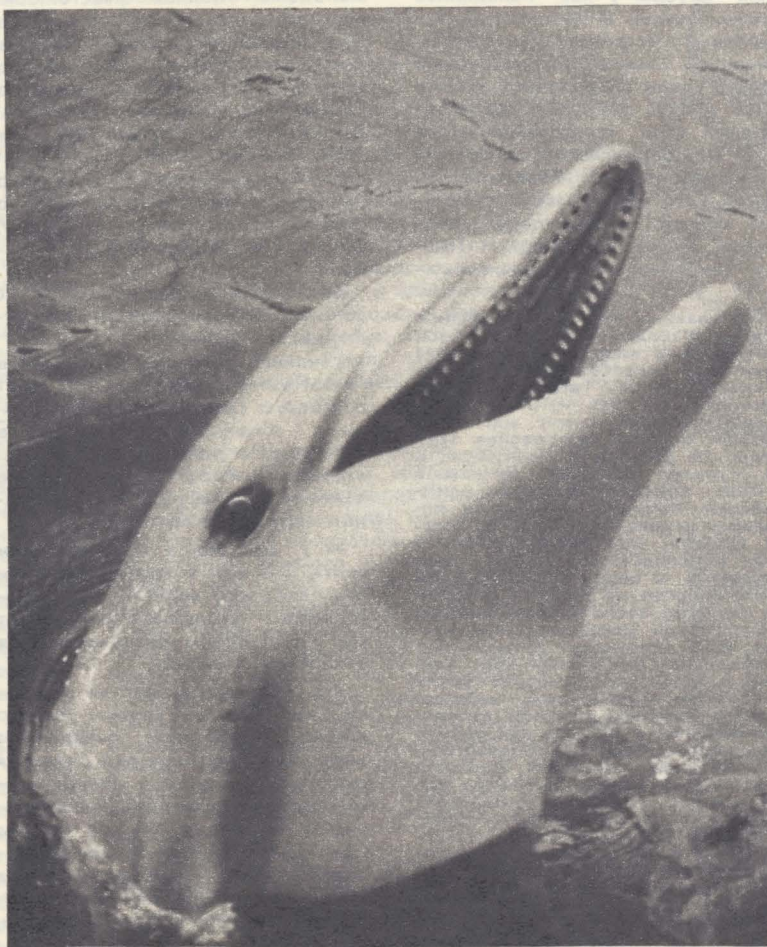
В неволе изолированные от своих сородичей афалины быстро вступают в контакт с человеком, плавающим вместе с ними в бассейне. Дельфины — стадные животные, они не могут жить в одиночестве и поэтому принимают человека как своего. Травмы же человеку дельфины почти никогда не наносят, вся их «агрессия» обычно сводится к демонстрации поз угрозы.

Многих вводят в заблуждение улыбающиеся морды дельфинов. Создается мнение, что эти животные всегда благодушно настроены и потому улыбаются. На самом деле это вовсе не улыбка. У дельфина всегда такая морда, и истинного его настроения она не выражает. Тем не менее дельфин способен испытывать, как и другие высшие животные, массу эмоций. Люди, которые долго общались с афалинами, могут оценить настроение животного по положению его тела в воде, по степени открывания глаз или рта.

Для опытов с дельфинами в качестве приманки чаще всего выбирали мяч. И это не случайно. Игровая деятельность у афалин развита настолько, что порой по-

«Дельфос» по-гречески значит брат. Древние греки почитали дельфинов, слагали о них легенды.

Прошли века. Ученые обнаружили, что мозг дельфинов больше по размеру и богаче извилинами, чем человеческий. Тогда-то и возник вопрос: не являются ли дельфины нашими братьями по разуму? Так считали многие ученые лет десять — пятнадцать назад, и казалось, вот-вот человек расшифрует загадочный язык дельфинов. Но проблема контакта человек — дельфин оказалась невероятно трудной.

НАШ МЕНЬШИЙ БРАТ

давляет их пищевую активность. Даже голодный зверь при виде рыбы не всегда выпускает изо рта мяч, с которым играет. Для такой игры дельфина не нужно предварительно обучать. Достаточно бросить мячик несколько раз в воду, как дельфин сам приносит его человеку. Возможно, он просто рад появлению нового партнера для игры.

На очереди новые исследования. Теперь наступило время перейти от наблюдений к попыткам вступить в разговор с дельфином. Ученые разработали методику для осуществления такого диалога. С помощью специальной аппаратуры синтезированы искусственные сигналы. Эти сигналы можно связывать с образами различных пред-

метов, таких, как рыба, акваланг, веревка. Появилась возможность выяснить способность дельфинов к оперированию абстрактными понятиями и определить организацию и уровень развития их языка.

Его изучение связано также с общетеоретической проблемой создания «языков-посредников» между человеком и животными с различным уровнем развития. Результаты этих исследований могут быть полезными при создании машинных языков и даже языков-посредников для связи человека с инопланетными братьями по разуму.

Т. МАРКОВА, А. АГАФОНОВ,
научные сотрудники МГУ

СПОСОБЕН ЛИ ДЕЛЬФИН МЫСЛИТЬ!

С таким вопросом наш корреспондент обратился к научному сотруднику Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР В. И. МАРКОВУ.

— По мнению одного из крупнейших специалистов в области исследования мозга швейцарского ученого доктора Пиллери, дельфины обладают великолепно развитым мозгом, который по отдельным морфологическим показателям даже превосходит человеческий. В самом деле, нервные клетки в коре и таламусе у дельфинов располагаются столь же плотно, как и у человека. А общее число нервных клеток в коре их головного мозга даже больше, чем у нас, — так же, как и складок, извилин, борозд.

Но результатов физиологического исследования для окончательного вывода о «дельфиньем разуме» все равно недостаточно. Ибо самое главное, что отличает разумное существо от животного, — это способность общаться. Вот если бы дельфины не только осмысленно действовали, но и способны были обмениваться друг с другом сложной информацией...

— Насколько я знаю, в вашей лаборатории доказательства получены?

— Да, результаты наших пятилетних исследований свидетельствуют именно об этом. Долго считалось, что у дельфинов основной носитель информации — свисты. А оказалось, что большая часть информации ими передается с помощью ультразвуков и импульсов, зафиксировать которые можно лишь специальной аппаратурой.

И вот после обработки записей дельфиньих разговоров мы стали обладателями уникального материала. Только за пять часов дельфины употребляли для общения более 800 типов сигналов (или, говоря по-человечески, слов). Одни сигналы являются просто позывными отдельных дельфинов, другие передают их эмоциональное состояние, третьи служат для поддержания связи внутри группы и между группами и одиночными дельфинами, для организации деятельности стада во время поиска и загона рыбы.

У этих удивительных существ есть дежурный, который следит за окружающей рыбой, а другой — за безопасностью стада. И регулярно старый дежурный снимает с себя полномочия, которые передает «по графику» новому, заступающему на вахту. Причем больные, как и положено, от дежурства освобождаются. У дельфинов существуют правила организации «текста»! Если чуть-чуть утрировать, то можно сказать, что дельфины способны рассказывать о случившемся, пожаловаться на настроение... По нашему мнению, дельфины обладают «языком», по сложности промежуточным между системами коммуникации высших животных и языком человека.

— Но, если так, надо вступать с дельфином в прямой контакт.

— Это, конечно, будет чрезвычайно интересно. Но кодирование информации у дельфинов очень сложное, и не исключено, что прежде, чем мы найдем общий язык, двадцатый век закончится. Но дети наши с дельфинами точно поговорят!

Беседу вел А. МИТРОШЕНКОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Мариуа:

ГОСУДАРСТВЕ

Владимир НИКОЛАЕВ

ОТРАВИТЕЛИ

Одной из самых доходных отраслей преступной деятельности «Коза ностры» является торговля наркотиками, никакое другое деловое начинание гангстерского синдиката не приносит такого дохода, как это. Судите сами. В 1979 году журнал «Тайм» сообщил, что в США 42 миллиона человек курят сигареты с марихуаной, а около двух миллионов американцев употребляют кокаин. При этом один фунт марихуаны в розничной продаже в США стоит 600 долларов, а колумбийский крестьянин, выращивающий ее, получает за тот же фунт от скупщиков по 6 долларов за фунт. А один фунт кокаина стоит в США семь тысяч долларов. Журнал «Тайм» сообщает, что американцы ежегодно выкуривают марихуаны на 25 миллиардов долларов, покупают кокаина на 20 миллиардов. Это уже национальное бедствие.

При такой статистике стоит ли удивляться, что наркомания — один из самых больных вопросов американского общества. Мне доводилось близко общаться со многими американцами, жить в их домах, подолгу беседовать в самой непринужденной обстановке, и при каждом более или менее длительном разговоре мои собеседники обязательно интересовались, как обстоит дело с наркоманией в нашей стране. Потому что для них наркомания — самый злободневный и страшный вопрос, особенно в тех семьях, где подрастают дети. Ловкие гангстерские агенты по продаже наркотиков умеют завлекать в свои сети именно молодежь, подростков. Отравив себя с раннего возраста наркотиками, такой человек становится безвольной жертвой в руках преступных спекулянтов.

Эта деловая сфера «Коза ностры» носит сугубо международный характер, поставлена она на широкую ногу, по-современному, по всем правилам гангстерского бизнеса. Одной из главных опорных баз «Коза ностры» является Колумбия, самый крупный в мире поставщик марихуаны. Столица страны Богота прочно связана незримыми нитями с гангстерскими центрами Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса. В распоряжении гангстеров, специализирующихся на продаже наркотиков, десятки, если не сотни самолетов и судов, летчики, моряки, связисты, портовики, наемные убийцы, агенты по продаже ядовитого зелья и т. п. На колумбийском полуострове Гуахира, где выращивается марихуана, существуют сотни (!) тайных аэродромов, точнее, взлетно-посадочных полос, принадлежащих гангстерам. Другой путь доставки наркотиков в США — морем. Колумбийское побережье с его причудливыми очертаниями, удобными для контрабандистов, тянется на две тысячи километров. Масштаб перевозок огромен, поскольку и само производство более чем внушительно. Площадь плантаций марихуаны в Гуахира занимает 100 тысяч (!) гектаров.

Если марихуана, можно сказать, национальный продукт Колумбии, то кокаин, который оттуда вывозят, производят в основном в соседних странах — Перу, Боливии, Эквадоре, где и находятся плантации коки, из листьев которой делают кокаин. В данном случае Колумбия играет роль посредника, в стране есть подпольные лаборатории, вырабатывающие из листьев коки ядовитый порошок. Как и марихуану, гангстеры перевозят кокаин в США на судах и самолетах. Спрессованный порошок искусно прячут среди самого разного груза, а то и растворяют в спиртных напитках или парфюмерных изделиях (при доставке в пункт назначения кокаин легко выделяется из раствора). Поступает этот «товар» в Соединенные Штаты в основном через Флориду, где, как сообщает журнал «Ридерс дайджест», для этого имеется 260 аэропортов и взлетно-посадочных полос и где побережье тянется почти на две тысячи километров.

Даже американская пресса отмечает, что власти бессильны бороться с этим бедствием. «Мафия ворочает такими деньгами, что может купить кого угодно» — вот главная причина бессилия закона, высказанная одним из его представителей во Флориде.

Окончание. См. «Огонек» №№ 41—43.

При огромных доходах, получаемых от торговли наркотиками, «Ко́за ностра» не жалеет средств на техническое оснащение своих транспортных средств вплоть до самого современного электронного оборудования. «Мы отстаем от контрабандистов в маневренности и скорости», сетует командир отряда американской береговой охраны во Флориде Джон Айкенс. — Дело в том, что у них больше денег». На гангстерских судах стоят специальные приборы ночного видения, на их самолетах имеются электронные устройства для предупреждения о радиолокационном наблюдении с земли...

Недавно в историю борьбы властей с гангстерами был вписан такой случай. Пограничный катер обнаружил подозрительную яхту и начал ее преследовать. Но вскоре в небе появились два самолета, обстреляли катер из пулеметов, забросали его гранатами, и он утонул. Яхта ушла...

Страны Латинской Америки — далеко не единственный опорный пункт «Ко́за ностры» по добыче наркотиков. Международные связи преступного синдиката распространяются еще дальше. Другая его база по производству наркотиков находится в Юго-Восточной Азии, точнее, в Индокитае. По данным ООН, на этот район приходится 70 процентов мирового производства сырого опиума. В труднодоступных горных районах выращивается опиумный мак. Считают, что свыше половины незаконно потребляемого в мире опиума поступает из этих мест. В подпольных лабораториях опиум-сырец превращается в героин, который тайно вывозится в Европу и США. Как могли пройти мимо такого рынка «боссы» «Ко́за ностры»? В свое время они напрямую связались с ним. Известно, что флоридский гангстерский «босс» Сантос Трэффизанте специально ездил по странам Юго-Восточной Азии и налаживал там скупку героина и опиума агентами преступного синдиката. Показательно, что гангстер быстро нашел общий язык с правящей сайгонской верхушкой, которая тогда еще держалась на американских штыках и которая забрала в свои руки спекуляцию наркотиками.

«Ко́за ностра» отравляет общественный климат в США самим фактом своего существования, а американскую нацию — с помощью наркотиков. Но только ими дело не ограничивается. Медики в США считают склонность к азартным играм чем-то вроде наркомании и алкоголизма. Журнал «Ридерс дайджест» пишет о людях, отравленных азартом, так: «Это, быть может, одно из самых распространенных заболеваний». Согласно статистике, в США ежегодно 50 миллионов граждан проигрывают 100 миллиардов долларов. Из этих 50 миллионов американцев шесть миллионов считаются безнадежно больными, такими же, как, скажем, заядлые наркоманы. Вот далеко не полный перечень соблазнов для таких лиц: пари при скачках, бейсболе и других играх, тир, карты, игральные автоматы, лотереи, рулетка... Американский доктор Роберт Кастер, изучающий больных азартом, считает, что в этом случае речь идет именно о заболевании.

Итак, сто миллионов долларов в год бросают американцы на эту заразную утеху. Как же может «Ко́за ностра» пройти мимо! Она давно уже создала могучую индустрию азарта, дающую ей баснословные прибыли. По всей стране разбросаны тысячи ее подпольных и легальных заведений, в которых представлены самые разные отрасли этой индустрии. Игровой бизнес так привлекает гангстерский синдикат еще и потому, что все центры азарта располагаются обычно в курортных местах, в густонаселенных городских районах, при отелях, клубах и других вполне легальных заведениях. Прибрав там к рукам этот бизнес, гангстеры за нажитые в нем деньги становятся вполне легальными владельцами этих гостиниц и клубов или же покупают их вместе с их легальными владельцами, превращая последних в своих марионеток.

Есть у «Ко́за ностры» среди ее основных отраслей деятельности и такие, как проституция и порнография. Они являются неотъемлемой частью так называемого американского образа жизни. Их породил не преступный синдикат, но он сумел их взять в свои руки и превратить в доходный бизнес.

Человеку, лично знакомому с американ-

ской действительностью, просто невозможно представить, какой размах приобрели в США в настоящее время проституция и порнография. В клоаку разврата и порока превращен самый центр Нью-Йорка — Таймс-сквер. Здесь на каждом шагу реклама зовет прохожих в заведения, где царят похоть и издевательство над женщиной. Здесь на каждом углу стоят проститутки под командой сутенера. Здесь день и ночь в кинотеатрах крутят такие ленты, которые могут создать только больное воображение сексуального психопата. Журнал «Ньюсуик» пишет: «За последнее десятилетие Таймс-сквер в Нью-Йорке дегенерировал из блестящего развлекательного центра в отталкивающую арену, где главное место занимают порнографические книжные магазины и такие же кинозабегаловки».

Страну отравляет пороком и порнографией давно и хорошо налаженная, год от года растущая индустрия. У нее миллиардные обороты. Вот в чем суть вопроса. Вот в чем суть явления, ставшего подлинной трагедией современной Америки. И самую главную роль в этой трагедии играет все та же «Ко́за ностра», которая превратила проституцию и порнографию в доходный бизнес. Как это выглядит на практике?

Вернемся в Нью-Йорк, на Таймс-сквер. Мы еще не сказали о самом страшном. А самое страшное там — дети и подростки.

Как-то вечером я пошел следом за стайкой девочек, им было лет по 13—14. Они приехали в Нью-Йорк на экскурсию из провинции, держались кучно и робко. Шли по Таймс-сквер, как по музею, останавливаясь у дверей сомнительных заведений, рассматривали их весьма наглядную рекламу, читали зазывные тексты. Останавливались и у витрин книжной порнографии, и у витрин порномагазинов, и у рекламных кадров порнографических кинотеатров.

Никто из них, конечно, не подозревал, что этот вечер — пока самый страшный в их жизни. Не думал об этом, по-моему, и никто из взрослых, проходивших мимо стайки девочек.

И, наверное, никто из этих девочек еще не знал, что с недавних пор многие их сверстницы и сверстники стали в США предметом жестокой эксплуатации со стороны тех, кто стоит за кулисами грязной жизни Таймс-сквера и направляет ее. Да, в последнее время в Соединенных Штатах появилась детская порнография и идущая с ней рука об руку детская проституция.

В порнографических фильмах, журналах, альбомах и открытках в качестве живых моделей выступают дети — девочки и мальчики. Все, что привычно и бесстыдно демонстрировалось годами в таких фильмах и изданиях взрослыми «профессионалами», теперь изображают детишки. Печать сообщает, что этот новый порнографический бизнес приносит его дельцам еще больше прибыли: с детьми, как правило, рассчитываются мороженым и сладостями. Подсчитано, что в США издается уже 264 порнографических журнала, специализирующихся на детях.

Итак, на полках книжных магазинов, торгующих порнографическими изданиями, появился специальный раздел «детской порнографии», а на рынке торговли «живым товаром» открылся новый ряд, где клиентам предлагаются девочки и мальчики.

Во время моего пребывания в Сан-Франциско там была обнаружена целая организация, поставившая за большие деньги мальчиков от 11 до 15 лет. Ее возглавлял некий Деннис Дуэртсон, матерый уголовник, владелец загородной виллы и красного «кадиллака». О его преступном бизнесе рассказали многочисленные свидетели, в том числе детектив-ветеран Джордж Хьюгел. Последний под видом заинтересованного богатого клиента втерся в доверие к Дуэртсону и был приглашен к нему на виллу, где тот демонстрировал своих малолетних рабов и за «очень большие деньги» сдавал их напрокат. Чего только не рассмотрел за свою долгую полицейскую службу Хьюгел, но на вилле Дуэртсона, где «детей демонстрировали, как скот перед продажей», детективу чуть не стало дурно. «От всего того, что я там увидел», — говорит Хьюгел, — меня просто замутило». Оказалось, что вилла была не только рынком сбыта малолетних жертв, но также и

предприятием по изданию «детской порнографии».

Дело Дуэртсона вызвало отклики в местной прессе, и последовали совершенно жуткие, неслыханные открытия, о которых до этого знали лишь специалисты и полиция. Так, в газете «Сан-Франциско кроникл» Мэри Холмен, директор детского госпиталя, заявила, что «в госпитале детей, ставших жертвами сексуальных преступлений, гораздо больше, чем ребят с переломами или гландами, которые надо удалять».

Появление детской порнографии и детской проституции в обществе вседозволенности вполне закономерно. И страшное явление это неизлечимо, поскольку за этим стоит такая могучая сила, как организованная преступность. Сотни миллионов долларов, нажитых на порнографии и проституции, в том числе и детской, стекаются в сейфы «Ко́за ностры». Эти баснословные прибыли делают ее недоступной для закона.

Приведенные выше факты и примеры — не исключение, а правило в сегодняшней Америке. С такими явлениями сталкиваешься на каждом шагу, когда едешь по Соединенным Штатам. Еще больше, пожалуй, чем в Нью-Йорке, на Таймс-сквере, поразил меня размах проституции и порнографии в Лос-Анджелесе. Там эти пороки еще более нагло заявляют о себе, открыто рекламируют себя. В Голливуде (одном из районов этого огромного, растянувшегося на десятки километров города) я купил бульварную газетенку «Голливуд пресс» и насчитал в ней более четырехсот объявлений местных публичных домов, — они здесь хотя и прикрываются фиговым листком заведений, где клиентам делают массаж девушки, но зато в текстах зазывных реклам в этой газете все вещи называются своими именами; тут же приводятся адреса и телефоны этих злачных мест, публикуются снимки «звезд» этих заведений... Журнал «Тайм» так пишет о Голливуде: «Иллюзия очарования в этом соседнем с Лос-Анджелесом районе давно превратилась в кричаще безвкусную мишуру. Здесь 250 тысяч обитателей живут в окружении преступности и порока, здесь все пропитано наркотиками и проституцией».

Такой удивительный даже для США размах индустрии разврата и бесстыдства в Лос-Анджелесе становится понятным, когда узнаешь о том, что 80 процентов этого грязного бизнеса в городе контролирует местный гангстерский «босс» Майк Риццелло. Да, там, где «Ко́за ностра» добралась до этого доходного дела, там оно налажено таким образом, что Риццелло, например, спокойно и нагло заявил местным репортерам: «Лос-Анджелес — наш город».

БАНДИТЫ И РЕКЛАМА

В Соединенных Штатах весьма популярна светская хроника, то есть факты, вымыслы, слухи и сплетни из жизни тех, кто представляет интерес для американского обывателя. Непривычному к такому жанру человеку читать эту хронику, как правило, неприятно. Развязные репортеры со смаком копаются в чужом грязном белье, лезут в личную и интимную жизнь людей, вовсе не думая о том, какой моральный ущерб они тем самым могут нанести этим людям и своим читателям. Но такие писания не пресекаются. И не только потому, что они удовлетворяют низкопробному читательскому вкусу. Дело в том, что сам тот факт, что некто попал в колонку светской хроники, уже говорит о его известном положении в обществе, о его популярности, которую лишние светские сплетни только увеличивают. Герои и одновременно жертвы такой хроники — это чаще всего актеры, спортсмены, модные писатели, известные манекенщицы, просто богатые бездельники и т. п. Залетают на эти самые читаемые широкой публикой колонки и главы «Ко́за ностры». Это уже говорит о многом. А главное — в разделе уголовной хроники об этих гангстерских «боссах» пишется так же, как и в светской хронике о других «героях» толпы. То есть борзописцы творят своеобразных кумиров из самых настоящих бандитов. «Мы сделали из этих подонков народных героев», — справедливо заявил репортер журнала «Тайм».

Эта тенденция имеет глубокие корни. Еще

М. Савицкий. СТЕЛЮТ ЛЕН.

М. Савицкий. ЗЕРНО.

до второй мировой войны на всемирной выставке в Чикаго в американском павильоне был выставлен среди прочих такой экспонат: весь изрешеченный пулями автомобиль известного гангстера, попавшего в засаду. Портреты нашумевших в свое время «боссов» «Коza ностры» украшают стены многих баров и ресторанов. А те места, где случались кровавые стычки между гангстерами разных «семей» или где погибали от пуль соперников столпы преступного синдиката, стали в США национальными примечательностями. Гангстер — герой не только периодической печати, но и книг, фильмов, телевизионных постановок, причем подается он так, что отрицательным персонажем его назовешь далеко не всегда.

О чем может рассказывать книга под названием «Чти отца своего»? Оказывается, о гангстерах. Она повествует о сложном и бурном жизненном пути уже упоминавшегося нами Джозефа Бонанно, который из рядового наемного убийцы вырос в «босса» одной из нью-йоркских гангстерских «семей». В книге подробно говорится о высоких связях Бонанно, в частности о его дружбе и деловом сотрудничестве с политическим бандитом Дювалье, диктатором Гаити. Рассказывает автор и о сыне гангстера. Тот, оказывается, окончил Аризонский университет, потом курсы подготовки бизнесменов, он вхож в светское общество, но главное его занятие в жизни то же, что и у папаша: активная деятельность в рядах «Коza ностры». Он и женился на дочери известного гангстерского главы Джозефа Профачи.

Любопытна история создания книги. Автор познакомился и сблизился именно с сыном гангстера и через него втерся в окружение Бонанно и к самому «боссу». Так что факт издания этой книги уже говорит о многом. Если бы в ней что-либо не устроило Бонанно, он, разумеется, легко помешал бы ее публикации. Невольно и задумаешься: что это — объективный рассказ о «Коza ностре» или ее реклама? Вот строки из книги: «Каким бы образом человек ни удовлетворял свое честолюбие в сфере политики, или бизнеса, или финансов, или преступности — все равно и самые жестокие действия легко оправдываются во имя необходимости и чести». Любопытно, какую необходимость и честь имеет в виду автор применительно к бандитам?

Самые разные стороны гангстерской жизни и деятельности живописуются многими авторами под весьма своеобразным углом зрения. Вот идиллическая картинка жизни жен «боссов» «Коza ностры», которую рисует безымянный автор в журнале «Тайм». Образ жизни они ведут тихий, занимают роскошные апартаменты в самых фешенебельных районах, любят селиться в курортных местах, например, во Флориде. Могут они позволить себе по своему достатку буквально все, но ведут себя скромно, держатся в тени, находятся под бдительным надзором телохранителей. Мужей своих видят редко. Те заняты своим делом или же развлекаются с любовницами, иногда они ненадолго задерживаются в тюрьме. Жены не знают подробностей их жизни и не очень ими интересуются. В наше время большинство жен членов «Коza ностры» — американки, но они, как правило, с детства воспитаны по-старинному, подчинение мужу — дело для них само собой разумеющееся. Есть в организации и потомственные гангстеры, продолжающие дело своих отцов, но немало сыновей гангстеров сразу идет в сферу легального бизнеса или же в высшие учебные заведения страны. Ни один из них никогда не будет простым рабочим, подчеркивает журнал. Многие дочери гангстеров оканчивают колледжи, но они, как правило, не делают затем никакой карьеры, их удел — материнство и домоводство. Любопытно, что члены «Коza ностры» не поощряют знакомства между своими женами, последние встречаются между собой главным образом в церкви, на свадьбах и похоронах, другие сферы светской жизни им заказаны. Пожизненные подруги гангстеров несколько не вульгарны, отмечает журнал, не заносчивы, это — типичные матери и бабушки, милые, по-старомодному воспитанные леди. Почти все они сами готовят на кухне, убирают дом.

Вот несколько слов, сказанных автору жизнеописания гангстерских мадонн ими самими:

«Мы живем тихо и спокойно. В наши намерения не входит лезть людям на глаза. Я, например, жертвую на благотворительность, но предпочитаю, чтобы мое имя не проставляли в перечне имен жертвователей»;

«Мне не нравится образ полуграмотной домохозяйки. Женщины моего круга занимаются благотворительностью, дают деньги на больницы. Но они не лезут с этим на газетные полосы. Они не жаждут такой популярности»; «Жизнь ничто, это дым. Мы были женаты 37 лет, не успели оглянуться и — прощай навеки», — сказала вдова убитого в гангстерской перестрелке.

Одним из самых известных романов из гангстерской жизни является «Крестный отец» Марио Пьюзо. Персонажи здесь вымышленные, но они легко угадываются, когда знаешь кое-что о «Коza ностре» и ее истории. Герой книги — «Крестный отец», Дон Корлеоне, то есть глава гангстерской «семьи», он «бизнесмен» (1), который старается обеспечить свою жену, детей и тех своих друзей, которые могут ему помочь в трудное время. Он отказывается жить по правилам, установленным другими, по правилам, которые обрекают его на поражение в жизни. Но его конечная цель — стать частью этого общества, обладая определенной силой, поскольку само общество не заботится о тех своих гражданах, у которых нет этой силы». Снова любопытная философия!

Сам Марио Пьюзо признается (очевидно, пользуясь тем, что герои его романа все же вымышленные персонажи): «Конечно, «Коza ностра» здесь романтизирована. В ее рядах встречаются бандиты и похуже». Как бы там ни было, книга разошлась огромным тиражом — одиннадцать миллионов экземпляров! Кстати, и об этом романе тоже известно, что гангстерские «боссы» отнеслись к нему благосклонно. Как это в США обычно и водится, по этой нашумевшей книге был сделан фильм, который тоже приобрел очень большую популярность. Этому способствовал и тот факт, что «Крестного...» прекрасно сыграл известный и талантливый американский актер Марлон Брандо. Он, кстати, знал, кого играет. Артист сказал в беседе с журналистами: «Я думаю, что это фильм не только о «Коza ностре». Организация эта как нельзя лучше характеризует образ наших капиталистов. Дон Корлеоне — это обыкновенный американский магнат большого бизнеса, который делает все возможное для процветания своей семьи и своего класса. Его тактика мало чем отличается от той, что «Дженерал моторс» применяет в борьбе со своими конкурентами».

Роман и сделанный по нему фильм посвящены истории одной гангстерской «семьи». Сицилийский мальчик покидает родину и ищет счастья в США. Тяжелый честный труд ни достатка, ни радости ему не приносит. Он становится преступником и преуспевает на этом пути. Мы видим, как он превращается в гангстерского «босса», который велик и всемогущ не только в рядах своей «семьи», но и далеко за ее пределами. Видим мы и патриархальный семейный быт гангстеров. Видим мы и жестокость гангстерских войн. Насилие и жестокость в романе и фильме — главные темы. И казалось бы, что и книгу и фильм поэтому можно назвать чуть ли не разоблачительными. Увы, нет. Скорее, наоборот. Дело в том, что при всем обилии крови и выстрелов преступный мир в них окружен своеобразным романтическим ореолом. Это относится и к большинству других американских книг и фильмов о гангстерах, об организованной преступности. В них действуют не просто бандиты и бандиты-дельцы, а такие сильные личности, большие оригиналы, живописуется патриархальный быт их семей, набожность и порядочность их жен и т. п. А главное — то социальное зло, какое представляет гангстеризм в Америке, нисколько не осуждается. Мало этого. Зрители и читатели становятся совершенно ясно, что это зло неистребимо, что бороться с ним бессмысленно...

Так вот и получается, что такие произведения о «Коza ностре» делают ей своего рода рекламу, без которой, как известно, в США не обходится ни одно начинание. И нет сомнения в том, что такая реклама способствует созданию той атмосферы, при которой благоденствует бандитский синдикат.

В. Пушкин в роли Сергея Есенина.
Фото Л. Ленкина

До последнего времени попытки создания художественно обобщенного образа замечательного русского советского поэта Сергея Есенина не приносили значительных, интересных результатов ни в литературе, ни в кино, ни в драматургии. И причиной тому, по всей вероятности, были неоднозначность, многомерность его творческого наследия, самой уникально одаренной личности поэта.

Подлинной удачей на этом пути, по-настоящему зрелым произведением и в художественном, и в нравственно-этическом, и в идейном отношении можно назвать премьеру «Сергей Есенин» Николая Шундика в театре драмы в Комсомольске-на-Амуре, получившем право первой постановки новой пьесы.

При создании драматургического произведения автор обратился к подлинным документам — переписке, статьям, высказываниям, творчеству Есенина. Причудливо переплелись в драме судьбы человеческие, несхожие между собой, порой просто несовместимые, но все имеющие одну болевую точку соприкосновения — причастность душе великого поэта.

В пьесе много действующих лиц, и больше половины из них не имеет собственных имен — в этом тоже необычность драмы.

Не самые близкие поэту люди названы символически, и это дало режиссеру-постановщику Геннадию Малышеву и актерам творческую свободу, широкое поле для поисков и обобщений. Например, Грустная — артистка Л. Чехута. И встает перед нами собирательный образ — нежный образ женщины, не предающей любви.

А вслушайтесь, как звучит время в именах тех, кто окружал поэта: Одержимый (Ф. Кушнарев, С. Чуваткин), Недоумевающий (В. Вейде, А. Сафронов) — человек судьбы почти трагической, но сумевший найти себя и в новой жизни и в искусстве; Черный человек (Л. Лелькин); Юрий (В. Стольников, С. Чуваткин)...

И рядом с ними — реальные лица, те, кто был близок Есенину с рождения, кто открытой любовью или тайной ненавистью связан с поэтом... Теплый образ искреннего друга — доктора Сергеева создают В. Умешкин, Дункан (В. Лопатина и Л. Погорелова), Ключев (В. Волков и В. Гальцев) — люди, соприкоснувшиеся с душой поэта, оставившие в ней свой след.

Мать... Так она и существует в спектакле в исполнении артисток Н. Парахиной и Р. Шаховской — мудрая русская крестьянка, неистощимый родник любви и вдохновения.

Безусловной удачей стал центральный образ. Зрелое мастерство молодого актера Виктора Пушкина, проявленное в этой работе, подарило нам встречу с характером неукротимым в своем поиске истины. Глубокое философское осмысление роли помогло артисту рассказать о своем герое диалектически верно, создать характер сложный, многоплановый. В каждой сцене актер показывает нам Есенина с новой стороны, в новом качестве.

...Нельзя повернуть историю вспять — неминуемо разбивается роковое зеркало. Но мы все равно знаем, что поэт победил время, ибо он трудился для своего народа. Так прочитал театр пьесу Н. Шундика, создав яркое, жизнеутверждающее произведение, где главным героем — Родина...

Полнозвучная ансамблевость, выявившая высокий профессиональный уровень коллектива, стала залогом большого успеха. Почти после каждой сцены, монолога, стихотворения зал, переполненный зрителями, откликался аплодисментами. И по окончании спектакля люди в зале не торопились расходиться... Вечно с нами щедрое сердце поэта. А в городе Комсомольске-на-Амуре родился спектакль, достойный светлой и долгой жизни на сцене.

Н. ЛИТВИНЕНКО

ЕГО ДОМ— ЕГО ЛЮБОВЬ

Замечено: каждый истинный поэт обладает даром пророчества, предчувствия в личной судьбе. Семен Гудзенко задолго до случившегося с ним на войне сказал: «Мы не от старости умрем — от старых ран умрем». И действительно, умер от ран, полученных на фронте.

Муста́й Ка́рим в 1938 году написал стихотворение о комсомольском билете, пробитом вражеской пулей. Стихотворение это вошло в его первую книгу стихов «Весенние голоса», сигнальный экземпляр которой он получил за день до начала Великой Отечественной войны. И надо же было тому случиться, что спустя год под Мценском, при наступлении вражеских танков М. Ка́рим был тяжело ранен в грудь, и пуля пробила его комсомольский билет. Война стала не только судьбой Ка́рима, но и школой его гражданского, человеческого мужества.

— Не надо пенять на судьбу и грустить,
Мечты моей в тесном гробу
не вместишь.
Мечту я живым оставляю.
Что смерть? Не для смерти я
жил и служил.

С войны он вернулся безнадежно больным. Медицина признала его обреченным. Вот тогда Ка́рим почувствовал всю жестокую правду и правоту своих же стихов об убитом комсомольце. Молодой профессор Л. Богуш, однако, спас Ка́рима от верной смерти.

...Мы медленно идем от гостиницы «Москва», где я встретился с народным поэтом Башкирской АССР, лауреатом Государственной премии, депутатом Верховного Совета РСФСР, Героем Социалистического Труда Муста́ем Ка́римом, по Неглинной улице. Я провожаю его на заседание Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Вот уже 18 лет он член этого комитета. Говорим об осенней столице, новых книгах и пьесах поэта и драматурга, о его родном ауле Кляше.

— Нельзя отрываться от своей родной земли, это губительно для художника. Даже космонавты, находясь в безбрежных просторах

Вселенной, чувствуют земное притяжение. Вот почему всегда, куда бы ни забросила меня судьба, я мыслями с родным домом, с родным аулом. Здесь начало всех моих начал. И жизненных и творческих. В Кляше я написал первое свое стихотворение. В Кляше познал цену дружбы, там и сегодня живы люди, которые видели мои первые шаги по земле. Не полюбив эту землю и не сохранив ей верность, нельзя любить и другие земли...

О Муста́е Ка́рима прекрасно сказал Расул Гамзатов: «Он добрый, щедрый, правдивый, красивый». Быть может, эти слова — щедрость друга? Нет, читая произведения поэта и драматурга, узнавая его биографию, видишь, что действительно так. Во всех книгах и пьесах Ка́рима — глубокие раздумья о судьбах Родины, о своем народе и о себе, как частице его. Раздумья эти добры, щедрь, правдивы, красивы.

Книга стихов «Годам вслед», удостоенная Государственной премии СССР в 1972 году, как бы сфокусировала и поэтический талант и жизненную судьбу башкирского поэта, показав, что в литературе уверенно работает большой национальный поэт. Афористичность, метафоричность, своеобразие художественного образа в стихах поэта привлекают читателя. История башкирского народа, народа легендарного Салавата, глубоко волнует Ка́рима. Сохранившийся по словечку в столетиях, башкирский язык приобретает в поэтическом слове Муста́я Ка́рима новое, невиданное воплощение. Возвращенное на национальной башкирской почве, его творчество по-настоящему интернационально. В своей автобиографии он объясняет это так: «Я мечтаю, чтобы поэзия моего народа вообрала в себя цвет, пьянящий аромат, спокойную мудрость поэзии Востока, суровую правду жизни, революционную призывность, активный разум поэзии Запада. При всем этом основой национальной поэзии должна оставаться жизнь народа, сам народ...»

М. Ка́рим рассказывает мне о своей новой пьесе, о молодых башкирских поэтах, вспоминает друзей, которые когда-то помогли ему найти себя: А. Твардовского, М. Дудина, Н. Атарова. Рассказывает притчу, а точнее, случай, который поведал ему старейший народный импровизатор Башкирии Саит. Притча о том, как однажды летом во время войны поздним вечером Саит оказался в небольшом ауле. В домах не было света. Вошел в крайнюю избу. Зажгли свет, и Саит стал петь песню. Песню Надежды. Потом был другой дом, третий. А когда, наконец, дошел до конца аула и оглянулся назад, то увидел, что во всех домах горел свет. Люди не тушили его. Они раздумывали над песней Надежды, которую спел их сказитель.

Ка́рим вспоминал этот случай, а я думал о том, что и его собственные песни зажигают сердца людей добрым светом надежды. Мы гуляли по дождливой, осенней Москве, но на душе было радостно. Ведь я шел рядом с добрым, щедрым, правдивым, красивым человеком.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Потомкам некогда. Они так спешат, так заняты, что не успевают оглянуться. А нельзя жить, отказываясь от наследства прежних поколений. Невозможно каждую новую жизнь начинать с нуля, если не хочешь заранее проиграть ее.

Люди прошлого накопили много и сквозь далекие годы готовы передать нам все, что мы захотим и сумеем взять. Но как услышать их голоса?

Старина нуждается в разведчиках. Чем плотнее толща минувшего и огромней океан сегодняшней информации, тем все более возрастает роль исследователя, способного перелистывать старые страницы бережней и терпели-

беспорочно, и Петин, имевший под начальством роту, отличался беспорочно, — писал о своем друге русский поэт К. Батюшков. — Полковник Потемкин, командовавший батальоном, уважал молодого офицера, и самые блестящие и опаснейшие посты доставались ему в удел, как лучшее награждение».

Шведская батальон проходила за несколько лет до того, как вместе с громадной свитой алчущих легкой поживы завоевателей — итальянцев, пруссаков, саксонцев, австрийцев и других — в Россию вторгся Наполеон.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Но вот уже дымятся бивачные костры на Бородинском поле. Уже замерла и напряглась тишина перед сражением, которое огнем и кровью вписало в историю неслыханные подвиги русских воинов. Один из потрясенных наполеоновских генералов оставил записки о том, как раненые русские гвардейцы подползали к противнику, дрались с ним, валили и умиралли, цепляясь за горло врага.

Иван Петин был на Бородинском поле. К. Батюшков вспоминает, что получил от него письмо, «начертанное на барабане в роковую минуту». Накануне битвы Петин с необыкновенным спокойствием размышлял о предстоящем ратном деле и делился мыслью о том, что

С К В О З Ъ

сейчас «все побочные горести и заботы должны быть подавлены силою души».

Наполеон бежал из России раньше, чем Петин встал на ноги после тяжелой раны, полученной на Бородинском поле. Он догнал свой полк, не долечившись. Между этими событиями, историческим и частным, касающимся всего одной судьбы, как будто нет неразрывной связи, однако она есть и самая прямая, если смотреть на историю глазами художника, который не только отмечает, что 16 октября 1813 года, довершая разгром Бонапарта, под Лейпцигом разразилась «битва народов», но и находит скупую строку в письме К. Батюшкова: «Гвардейский егерь сказал мне, что Петин убит... Мать его умрет с тоски...»

Молодой Петин погиб, ни на миг не подумывая, что спустя полтора века воскреснет для наших глаз и чувств под рукой художника-исследователя.

Мы давно знаем Александра Кривичко как военного очеркиста и писателя, ценим его книги «Традиции русского офицерства», «Подмосковный караул» и другие. После «Тени друга» и «Отголосков минувшего», сходящихся в один цикл рассказов о давнем, мне хочется подчеркнуть слово «художник», таящее и открывающее новые грани писательского таланта. Одна из этих граней, едва ли не главная и неизбежная в творческом поиске, — дерзание.

В главе, которая названа «Забывшие страницы, или Наставление господам офицерам в день сражения», неминуемо останавливаешься над фразами и читаешь их еще раз: «В прошедшую войну во многих полках была пагубная и преткнивая привычка кричать,

что отрезаны. Часто никто и не думал заходить ни вправо, ни влево, а фронт от сего проклятого крика приходил в смятение. За такой проступок нет довольно сильного наказания.

Храбрые люди никогда отрезаны быть не могут; куда бы ни зашел неприятель, туда и поворотись грудью, иди на него и разбей.

Наставление это сыграло свою роль еще в битвах с французами: Багратион рассылал его всем офицерам своей армии. А кто его сложил, проводя бессонные ночи до рассвета над белым листом бумаги с гусиным пером в руке? Не правда ли, суворовский тон, и натиск, и дух ощутимы в словах?

Написал «Наставление» молодой полковник, командир Нарвского мушкетерского полка М. С. Воронцов, да, да, тот самый, сын русского посла в Англии, будущий царский наместник в Одессе, где ему до сих пор стоит памятник, на Кавказе и в Крыму, генерал-фельдмаршал, поднявшийся по лестнице своей блистательной карьеры до высших постов империи. Человек умный, хитрый, противоречивый... Говоря «тот самый», вспоминаешь, конечно, прежде всего известную эпиграмму Александра Пушкина на именитого сановника, царского вельможу, который многим раздражал поэта.

«И мы, разумеется, на стороне

рик «на выдаче» в офицерском башлыке, сильно траченном молью, сказал: «Не полагается-с!» И пришлось строку за строкой переписывать карандашом, выпадавшим из замерзающих пальцев, — знаменитая библиотека у въезда на Красную площадь не отапливалась. Взамен тепла требовался безмолвный и неиссякаемый темперамент.

А цель этих темпераментных усилий? Сохраняя судебскую беспристрастность на душе и лице, оправдать и превознести вельможу? Ни в коем случае. И тут пора сказать еще об одном качестве исследовательской и художнической работы Александра Кривицкого. Автор изображает прошлое увлеченно, но нигде не отступает от классовой оценки своих героев и событий, не сходит с единственно верной и надежной дороги к истине. Никогда и нигде он не забывает о главном разделении в старой русской армии: офицер — помещик, солдат — крепостной. Никогда его действующие лица не подвергаются произвольным смещениям со своих исторических мест. И эта достоверная расстановка фигур не мешает связи времен, а, наоборот, только укрепляет ее, как всякая досто-

совского, а потом услышим фразу, сказанную в ответ на вопрос автора, почему в первом наступательном бою командарм пошел к нужному пункту под огнем, а не выбрал безопасную дорогу, которая была: «Надоело съезживаться, пригибать голову. Но именно этому, как вы ни говорите, учила оборона. А тут наконец-то, судя по всему, начинались наши большие наступления. К ним следовало готовиться и психологически... Наступление требовало выпрямить войска, вдохнуть в них новый дух. Начинать надо было с себя».

Нельзя пройти мимо главы о политруках, написанной с особой силой, с признательной тоской по людям, едва ли не сплошь отмеченным самой короткой жизнью на войне. Вот А. Кривицкий видит на передовой раненого политрука, спрашивает: где, когда? «В контратаке, где же еще! Наше дело — вперед». «Беда!» «Нет, что вы... Только и радости, что повоевать по-человечески...» — отвечает раненый.

А наутро в огонь опять,
И дорог впереди без счета.
Побеждать или умирать —
Ваша главная парторбота.

Новая проза А. Кривицкого, как это ни странно для исторических

человек к нам придет — от меча и погибнет!» Скоро они провожали с дорожных щитов в битвы людей.

Вспоминая П. Павленко, всегда горячего и щедрого на душу, делишь с автором повестей добрые минуты жизни, которые друзья провели в уютной комнате редакции. Был холод, и невысыхающая обувь, и бомбежки, но они умели скрашивать и смягчать жизнь юмором, обращенным к себе и к другим. Павленко никогда не жил иначе, потому что видел в этом силу. А. Кривицкий тоже совсем не чужд юмора, что хочется заметить среди других достоинств его повестей.

В них немало героев. Здесь и первая русская женщина — глава двух академий, директор Петербургской академии наук и президент Российской академии Екатерина Воронцова-Дашкова, и внук поэта, Григорий Александрович Пушкин, царский полковник, добровольно пришедший после революции на службу трудовому народу, закончивший ее в Красной Армии и похороненный в 1940 году в Лопасне, на семейном кладбище Пушкиных.

Да, повести дарят памяти немало интересных имен, но у имен есть предательская способность

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

поэта», — пишет автор, имея в виду конкретные мотивы пушкинской эпиграммы.

Но мужественная справедливость судьи, поднятого временем над прошлым, обязывает его привести и такие факты. До последнего человека сводная гренадерская дивизия Воронцова обороняла на Бородинском поле Семеновские флеши, ставшие навеки знаменитыми, и когда тяжело раненного генерала раздраженно спросили: «Где ваша дивизия? Она исчезла с поля боя», — он ответил: «Она исчезла не с поля боя, но на поле боя». А потом на свой кошот приказал развернуть госпиталь для израненных солдат и офицеров, и позже со всеми, кто мог встать под боевые знамена, бросился догонять русскую армию и вступил с нею в Париж. Не кто-то другой, а Михаил Воронцов устроил в своих войсках «школы грамотности», призывая к тому, чтобы умных храбрецов из солдат и унтер-офицеров также храбро повышали в должности, поднимая и до офицерских постов. В «Отголосках минувшего» мы снова встретимся с М. С. Воронцовым, который командовал русским корпусом во Франции после отправки Наполеона в ссылку. И услышим, как на высочайшем смотре, когда император Александр упрекнул командующего корпусом за не совсем уставной шаг во время парада, генерал ответил: «Это тот шаг, ваше величество, коим русская армия вошла до Парижа».

Но еще слово о «Наставлении», с которого мы начали... Текст его после долгих «раскопок» был найден в военном отделе Исторической библиотеки. Во время войны. Шел декабрь тысяча девятьсот сорок первого... Фашистские полчища вплотную двинулись к Москве. На дом книг не давали. Не помогло и удостоверение работника «Красной Звезды». Ста-

верность — первое условие прочности.

Без украшений и поправок прошлое честнее, а значит, и полезнее взаимодействует с настоящим. Разница в политических оценках исторических фактов и окружающего мира, разделившая людей и века, не делала рискованной их связь в лучших поступках и надеждах. Они перекликаются, как перекликается памятная нам со школьной парты вдохновенная лермонтовская строка: «Ребята! Не Москва ль за нами?..» — со словами, сказанными панфиловским политруком Ключковым перед смертью: «Велика Россия, да отступить некуда — позади Москва...»

Вольности, не вредящие истине, и даже произвольности допускаются автором только в композиции этих разнообразных зарисовок. Ее свобода позволяет сказать о многом, что знает автор, и обусловливает свободу движения самого слова, которое доверяется то воспоминанию, то ассоциации.

Первая повесть имеет еще один заголовок: «Ночные чтения сорок первого года». Из окон редакции, переместившейся на улицу «Правды», видны противотанковые ежи... Время езды от редакционного крыльца до передовой убывает: полтора часа, час, сорок минут... И, конечно, в повести благодаря счастливой свободе ее сюжета то и дело появляются герои нашего времени, нашей войны. В частности, на поле боя под Москвой мы встретим маршала К. Рокос-

слова, задумана. Это еще и потому, что она построена на общении с собеседником, о котором автор вспоминает с верностью и нежностью, отличающимися большой дружбой. А их связывала такая дружба — автора и писателя Петра Андреевича Павленко, тоже сотрудника «Красной Звезды» в годы войны. Мастер литературы П. А. Павленко легко включался в беседу и обогащал ее, удивляя глубиной подготовленностью к разным темам, что выражало его неиссякаемый интерес к жизни, не больше. Для настоящего писателя, собственно, больше ничего и быть не может.

А писатель он был настоящий. Он рано ушел из жизни, оставив нам такие книги, как «Стамбул и Турция», «Пустыня», «Баррикады». А «Степной солнце»? А «Кавказская повесть»? Молодого читателя, открывающего сегодня книгу Павленко, обрадует и удивит многое и прежде всего творческое беспокойство, которое неизбежно сопрягается со смелостью и поднимает к такому художественному изысканию, которое порой кажется редкостью. А такие рассказы, как «Идут дожди», «Голос в пути», «Осенняя зоря», живущие постоянно на мысленных книжных полках? А фильмы? «Яков Свердлов» — сценарий П. Павленко. «Александр Невский» написан им для С. Эйзенштейна. После фильма, вышедшего на экраны перед самой войной, вновь зазвучали над русской землей слова легендарного полководца: «А кто с ме-

забываться, если за ними не слышатся живые голоса. Одна деталь, один штрих, рождающие живой голос, куда сильнее списка с перечнем дат, даже если он сделан на мраморе. К. Батюшков писал: «Имя молодого Петина изгладится из памяти людей... Исполняя свой долг, был он добрым сыном, верным другом, неустрашимым воином: этого мало для земного бессмертия». Негаданно для поэта наш писатель подхватил это имя, донес до современников, не дал ему угаснуть, как свече.

Можно и должно сказать, что писателем руководили патристические чувства — все его страницы пронизаны ими, как живое тело кровеносной системой. Можно еще, выражая суть этих повестей, уверенно написать: она в том, чтобы показать и сохранить лучшие традиции русского воинства, достойные передачи из поколения в поколение.

Но вот что при этом мне кажется не менее важным: давние герои говорят с нами живыми голосами. А такие, как Петин, заставляют вернуться к сказанному вначале простому и высокому слову «любовь». Это она водила рукой автора, когда он писал о Петине. Нельзя полюбить бесплотное имя и сухую цифру. Можно полюбить друга, тень которого, одушевленная художником, нужна тебе, как бы далеко и давно он ни жил. Новые повести А. Кривицкого несут в себе эту любовь, хоть и названы скромно — хроникой.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Эту солидного объема книжку почти в шестьсот страниц, выпущенную издательством «Молодая гвардия», читаешь запоем. Автор книги «Почти серьезно...» — народный артист СССР, клоун и киноактер, один из лучших комиков мира — Юрий Владимирович Никулин. Ветеран — теперь уже ветеран! — советского манежа рассказывает о друзьях и коллегах, встречает страницы истории нашего цирка. И какой же насыщенной и разнообразной эта история предстает сейчас, в дни, когда советское цирковое искусство отмечает свой шестидесятилетний юбилей.

...Древняя восточная пословица гласит: «Один клоун, приезжающий в город, дает людям больше здоровья, чем сто ишанов, нагруженных лекарствами». И мне кажется, что зрители это инстинктивно чувствуют.

У английского писателя-фантаста Эрика Френка Рассела есть рассказ «Немного смазки». Два раза посылали люди Земли в далекую галактику космические корабли. Без малого четыре года должны были они пролететь, чтобы вернуться на Землю. И оба корабля не вернулись. Люди не выдерживали психической нагрузки. Не выдерживали длительного шума двигателей, одиночества. Начались ссоры, кончавшиеся убийством или депрессиями. После гибели второго корабля был послан третий, который, выполнив задание, летит к Земле. Перед самым приземлением командир корабля подводит итоги полета и мысленно оценивает людей, с которыми летел. В полет были придирчиво отобраны лучшие из лучших ученых, но один из отобранных оказался недотепой. Этот чудак потешал команду своими шутовскими выходками. Как могли взять на борт корабля такого человека, да еще в качестве психолога-ученого? Он ухитрился за четыре года семь раз отметить свой день рождения. Это были вечера, когда он устраивал космонавтам целые представления. Играл на нескольких музыкальных инструментах, изображал комические пантомимы, от которых все лежали со смеху.

И только, когда космический корабль приземлился, командир узнал, что в качестве ученого-психолога в полет послали известного циркового клоуна. Просто во время полета никто из экипажа его не узнал, ибо раньше его видели только в цирке, где он выступал в гриме. Клоуна послали для того, чтобы он был как бы «смазкой» напряженным до предела и почти обезумевшим в полете людям. И только благодаря этой смазке экипаж выдержал трудности полета, перенес все невзгоды и благополучно вернулся на Землю...

Я — клоун...

Юрий НИКУЛИН
«Почти серьезно...»

Я-КЛОУН

Каждый вечер на манеже...

«Дядя Юра Никулин!»

Реприза «Бревно».

ПРИНАДЛЕЖУ

ИЗ КНИГИ
«ВОСПОМИНАНИЯ»

Вера ЕФРЕМОВА,
главный режиссер
Калининского областного
театра драмы

Театру надо служить. Так было во все века, так и останется до тех пор, пока театр не перестанет быть театром. «Одна—но пламенная страсть». Эти слова всегда в моем сердце, в душе... Театр, существуя властно и полнокровно, владеет мною без предела. Я люблю его, принадлежу ему, обязана ему тем, что дышу и вижу новый день... Когда и как это случилось?.. Сейчас мне кажется, что это было всегда, с того дня, как я стала понимать, что существую.

...Я пишу эти строки, и передо мной проходит моя жизнь. И я твердо знаю и верю, что только истинное служение театру может и должно быть единым нравственным законом каждого русского актера. Надо служить ему, зная, что наше драматическое искусство утверждало себя через огромные страдания, но всегда несло веру в жизнь. Оно и сегодня указывает путь и людям и театрам мира.

Сегодня, нашим театром сделано очень много. Он по праву называется одним из лучших в мире. И это потому (так я считаю), что советский театр вобрал в себя все лучшее из прошлого и все лучшее, чем питала его советская действительность. И мы—все, кто служит ему, кто беззаветно его любит, не можем изменить этим нравственным, стоящим на прочных основах классического русского театра, подлинно партийным коммунистическим позициям.

Создание многих талантливых спектаклей—не только на столбчатых сценах, но и на периферии—определило важные новые грани в постижении человеческого характера. Именно поэтому меня не может не волновать, что иногда на периферии появляется стремление к слепому подражательству, иной раз вовсе чуждому

духу той или иной пьесы, того или иного творческого коллектива.

Почему так «легко и просто» стало сегодня ставить и играть Достоевского и Чехова, Горького и Островского? Потому, что порой считается важным лишь найти решение: «мое», «оригинальное». Но подлинная оригинальность идет от тех, кто мучительно искал законы создания театра Чехова и Толстого, кто шел поистине своим, неповторимым путем.

Что для нас классика? Как нам объяснить людям, сидящим сегодня в зале, чем сильны и прекрасны классические образы? Я уверена, что только особая углубленность и психология дают нам право работать над русской классикой. Я не считаю себя вправе давать какие-то рецепты. Но я всем своим существом горжусь тем, что русский театр создавал шедевры, выявляя сложнейшие человеческие отношения. Создавая не во имя усложненности, а во имя постижения народной, национальной человеческой природы. И дело тут как раз не в самой национальности, а в изучении и постижении ее духовных основ. Надо знать и уважать то, что создано Чеховым и Горьким, Толстым и Достоевским.

Я часто задаю себе вопрос: в чем заключалась необыкновенная сила ушедших мастеров сцены—Леонидова и Москвина, Рыжовой и Яблочкиной, Ростовцева и Слонова, Муратова и Никитиной, Чудиновой, Ромоданова, Канина и еще многих, кого мне удалось видеть?.. И отвечаю: в огромном общественном звучании их труда. В утверждении звания гражданина России... Мне кажется, их влекли раскопки особых тайников человеческих душевных богатств. Они понимали, что театр освещает зрителя особым внутренним светом, делая его сотворцом огромного явления по имени жизнь. Они работали с предельным уважением к своей миссии, с благоговейным отношением к драматургу; чувствовали себя—каждый из них!—как бы проводником, посредником и переводчиком огромного духовного наследия, каким довелось им овладеть.

Мы же порой словно и не отдаем себе отчета в том, что настоящий драматург почти всегда владеет законами режиссуры, не только умея создавать отрезки «жизни человеческого духа», но и оснастить своих героев всем необходимым для длинной сценической дороги их жизни. А мы порой мало об этом заботимся. Напротив, бывают случаи, что мы боремся с большими мастерами сцены, обвиняя их во «вчерашности» вместо того, чтобы учиться у них чувствовать героев по-настоящему глубоко и вдохновенно. Сложившееся, цельное мировоззрение, умение владеть философскими категориями и в жизни и в толковании классики дают художнику право выступить переводчиком прошлого на язык современности, не теряя ни тончай-

шей сути, ни многоцветных красок первоосновы.

...Мои первые ощущения настоящего Театра начались с посещения «Леса» в Малом театре и «Турандот» в вахтанговском.

Помню четвертый акт «Леса». На скамейке В. Н. Рыжова—Улита и Н. К. Яковлев—Счастливец. В пятом акте А. А. Яблочкина—Гурмыжская, П. М. Садовский—Несчастливец... Спектакль кончился, а во мне все еще что-то билось и ликовало... Бабушка повела меня за кулисы, в гримборную к Варваре Николаевне. И я увидела, как эта дорогая для меня Варвара Николаевна сидит перед огромным зеркалом. Она не сразу увидела меня, откликнулась на мое приветствие... «Лес» был—как я теперь понимаю—полным откровением для этих чудесных людей. Они страдали, шутили; они жили, заставляя зрителя испытывать огромное волнение. Это и было самое главное.

...Я глубоко убеждена, что все истинное, что входит в душу ребенка при первом его соприкосновении с театром, остается на всю жизнь. До «Леса» я не была в театре, хотя он всегда был со мною рядом, окружал, манил и звал, представлялся чем-то огромным, потом входил в меня конкретно и явственно...

Мой отец, Андрей Андреевич Ефремов, в 1930 году был послан в Монголию для помощи в организации первых профессиональных национальных театров. Он вырастил первые кадры монгольских актеров и руководил созданием театра высокого художественного мастерства и революционной идейности.

В Улан-Батор я «сопровождала» отца сначала поездом, а потом на машине, в корзине из-под белья, через огромные пространства монгольских степей.

По возвращении из Улан-Батора, где не только отец, но и мать работали по организации национального театра (мама была и актрисой и режиссером), отец начал педагогическую деятельность. Он с любовью воспитывал национальные режиссерские кадры.

Огромное воздействие на педагогическую деятельность отца, как и на всю его жизнь, оказало высочайшее мастерство и личное обаяние К. С. Станиславского. После возвращения отца из Монголии Станиславский много раз встречался с ним в 30-е годы. И много помогал ему в творческом росте.

...Мое детство, так же как и моя жизнь, неразрывно связано с моей бабушкой, Рябовой-Персияниновой. В наши дни ее судьба не может показаться необычной, но в то давнее время именно такой необычной и была. Она дочь Л. В. Персиянинова, симбирского помещика, друга и соратника И. Н. Ульянова, который, будучи врачом, выполнял большую общественную работу, состоял членом уездного и губернского училищных советов. Выступая в поддержку народных училищ, против насаждения церковнопри-

ходских школ, Персиянинов тем самым поддерживал дело, которому отдал всю свою жизнь Илья Николаевич Ульянов.

Их знакомство перешло в дружбу, продолжавшуюся до самой кончины И. Н. Ульянова. Их сближали общие интересы и взгляды на общественную жизнь.

Персиянинова полюбила своего жениха—моего деда, когда тот работал обходчиком лесов в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Она вышла замуж против воли родителей, навсегда уйдя из дома, уехала в Женеву, училась в медицинском институте, но, не окончив, вернулась в Петербург и жила на деньги от уроков французского языка, которые давала в частных домах. В эти трудные для нее дни она не раз встречалась с Марией Ильиничной Ульяновой, она знала ее с детства и помогала ей.

В тот же период Персиянинова написала свою первую пьесу, «Пашенька». В 1896 году пьеса пошла на сцене Александринского театра. Бабушке было тогда 26 лет. В этом спектакле были заняты Давыдов и Аполлонский, Мичурин и Абаринова.

Роль Пашеньки играла М. Г. Савина. С того дня и началась большая дружба между Марией Гавриловной и бабушкой. С того дня она и начала писать постоянно. Несомненно, что на ее формирование оказала очень большое влияние еще и ее мать, Анна Николаевна Персиянинова, урожденная Пушина, двоюродная племянница известного декабриста И. И. Пушина.

«Пустоцвет», «Свах», «Милая дама», «Благотворительница», «Железка», «Большие и маленькие»—эти пьесы Персияниновой ставились в Александринском театре в Петербурге, в Малом театре в Москве, шли они и на периферии.

В Малом театре Пашеньку играла М. Н. Ермолова. Она очень тепло и заботливо относилась к Персияниновой, постоянно давая ей советы в работе над пьесами.

Судьба свела Персиянинову с такими гигантами сцены, как Ермолова и Савина, Давыдов и Правдин, Южин и Никулина, Мичурин и Лешковская, Макшеев и Музиль, Рощина-Инсарова и Рыбаков, Пров Садовский... Впоследствии она подружилась с Яблочкиной и Рыжовой, Турчаниновой и Остужевым, Гиацинтовой и Берсеневым, Бирман и Зуевой...

Так что первыми услышанными мною «сказками» были удивительные бабушкины новеллы о первых впечатлениях от театра, о встречах с актерами, об их удивительном служении театру, об общественном звучании сценического творчества. Мне еще не было пяти лет, а бабушка уже читала мне вслух Чехова и Островского, Шекспира и Гаршина. Я знала уже тогда «Неточку Незванову», «Униженных и оскорбленных» и, конечно же, «Маугли» и «Робинзона Крузо»...

Бабушка особенно много и ин-

ТЕАТРУ

интересно рассказывала о разных оттенках в исполнении роли Пашеньки Марией Николаевной Ермоловой и Марией Гавриловной Савиной; о блистательном актерском «царствовании» Лешковской, Садовской, Южина. И я изо всех сил старалась понять, что же такое делают с собой актеры: как они могут становиться совсем другими, чужим и для них людьми?!. За этот трепетный, подробный ввод меня в мир театра, в атмосферу особой жизни актера я бесконечно признательна всем своим близким.

Как же часто мы сейчас с необыкновенным пренебрежением относимся к постижению сложности актерской природы! Как часто выключаем радио или просто даже смеемся, слушая актеров «других времен, не задумываясь о том, что такое именно их исполнение было созвучно определенной эпохе... А ведь так важно понять: зачем был нужен тот или иной акцент, дает ли он роли какой-то необходимый ей поворот; чем продиктована особая связь Островского с Малым театром, почему актеры именно Малого театра были так близки гениальному драматургу... И надо ли сегодня сохранять это необычайное богатство традиций школы Островского, передавать его от поколения к поколению?..

И почему сегодня так легко актеры «ходят» из театра в театр?..

Ведь, как, скажем, в Киевский театр пришел Л. А. Волков... Перед этим в Малом театре он работал над «Грозой» Островского. На новом месте хотел что-то еще раз решить для себя именно через Островского... Я думаю, что он не случайно пригласил на роль Катерины мою мать, Веровскую. Волков понял, что она — именно она — поможет воплотить то, что всегда так дорого было ему в Катерине, — огромную невыявленную силу. В ней должны были ужиться ярость и мудрость, трепетность и целомудрие...

Мама работала над ролью Катерины дома, по вечерам. Мы жили на Крещатике, на частной квартире; там были две комнаты, сюда и приехали мы с бабушкой на время маминых репетиций. И когда весь дом спал, а бабушка тихо сидела у мамы в комнате и, не мешая ей, слушала ее бесконечные «беседы» с Катериной, я тоже не спала. В длинной ночной рубашке, на диванчике в маленькой комнате, я как бы вторила ей бессловесно. Я тоже выучила все монологи наизусть. Я плакала от страха за эту чужую, но очень близкую мне женщину; я бегала по дивану, падала на подушки и плакала, задавая себе какие-то, невнятные тогда вопросы... И все это происходило по вечерам, я думаю, потому, что режиссер днем заставлял актрису выявлять образ, обнажать свою душу. А вечером она должна была пробоавать и снова искать... Но иначе зачем жить в театре? Для очередной «служебной» встречи со зри-

телем, для очередного эпизода, сыгранного в кино?..

Как часто актер повторяет наспех текст к завтрашней репетиции, даже не пробуя реализовать дома задание режиссера, но при этом мечтая «попасть» в какой-то фильм, в какой-то телеспектакль, где так же поспешно, найдя привычные штампы обозначения роли, он якобы восполнит этим то, что не в силах был воссоздать в театре, в упорной и глубокой работе над ролью...

А когда придет встреча со зрителем — творческая встреча актера, — когда ему будут задавать вопросы о том, как он работает над ролями, то он будет лгать, что ищет «ключи» к постижению характера, мучительно вспоминая, что слышал об этом в коридорах «Мосфильма» или на съемочных площадках...

Во многом сегодня в этом виноваты мы, режиссеры. Виноваты в том, что не спрашиваем с актеров по-настоящему. Позволяем им не «беречь» себя, не беспокоить...

Я помню, как в день сдачи «Грозы» в 1937 году я сидела в зале. Шел финал четвертого акта. «Ах, ад, геенна огненная! Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон!..» Зал притих, ожидая признания Катерины. Сильнейшие удары грома, восторги молний... Я срываюсь с места и бегу по проходу прямо к рампе... В тот момент, наверное, директор театра проклинал себя за то, что пустил ребенка на сдачу спектакля. Но я вцепилась в бархат занавеса, закусил губы до крови и не помешала, не проронила ни звука... Волков говорил потом маме, что это была одна из самых важных его побед: ребенок забыл на мгновение, что это мать, а не чужая женщина в своей отчаянной беде...

...Сейчас у нас в областных театрах идут работы интересные и принципиальные. Они при помощи кабинетов ВТО широко рецензируются, фотографируются, записываются. Но в те годы это случилось очень редко. И жалко, что об этом интересном опыте — сплав театральные традиции Москвы и Киева — осталось очень мало материалов. Как, впрочем, и о многих других спектаклях Л. А. Волкова, его педагогической деятельности в училище имени Щепкина...

...Мне кажется неверным то, что мы сегодня в театре порой очень легко уходим от школы нашего традиционного театра, созданной поколениями замечательных мастеров. Мы не развиваем ее, не сохраняем свято передачу этих — лучших! — традиций.

Пусть мои коллеги не сердятся на меня — я глубоко чту наших периферийных режиссеров, я сама «из них», — но как же небрежно, как плохо мы сохраняем наше богатство, наши бессрочные творческие вклады, наше наследие...

Пусть со мной спорят те, кто считает, что это не так.

Сцена из спектакля «Что делать?». В роли Кирсанова — Г. Цинман; Лопухов — В. Грибанов. Фото М. Стронова

гастроли

РАВНОДУШНЫХ НЕТ

Тишина старинной усадьбы, что на острове Сальткрона, нарушена внезапным появлением семьи Мелькерсонов. Трое шумных неугомонных мальчишек — Юхан, Никлас и Пелле, их старшая сестра Малин и, наконец, глава семейства Мелькер Мелькерсон — это он решил, что его семейство обязательно должно провести летние каникулы в уютном уголке. Каникулы так каникулы! Снята со стен усадьбы многолетняя паутина, засверкали вымытые до блеска окна. Все вокруг наполнилось ребячьим смехом и песнями. И вот уже долговязый и неловкий папаша Мелькерсон демонстрирует детям свое изобретение — водопровод. Он писатель, но главное им сделано: в доме есть вода! Атмосфера солнечного летнего утра, ребячьей радости царит на сцене и в зрительном зале. Идет спектакль Саратовского театра юного зрителя «Колбаска, Боцман и другие» — по мотивам книги «Мы на острове Сальткрона» известной шведской писательницы А. Линдгрена.

Почему Колбаска? Что это — имя или фамилия?.. Нет, это прозвище. Девчонка по имени Чёрвен — в исполнении заслуженной артистки РСФСР С. Лаврентьевой — получила его за свои вечные румяные щечки и веселый характер. А когда на сцену с громким лаем выскакивает Боцман, настоящая большая собака, уж тут восторгу детской аудитории нет предела.

С первых же минут происходит эмоциональное объединение сцены и зрительного зала; артисты театра умеют быстро установить контакт с аудиторией и легко повести ее за собой. Ну, разве не прелесть этот папаша Мелькерсон (его играет артист Б. Федотенков)! Растрепанные седые волосы и обвисшие усы, длинная, вытянутая почти до колен старая кофта с обтрепанными рукавами, горящие молодым огнем глаза и улыбка. Чудак, немного неудачник, — это говорит он сам о себе, — один воспитывает своих четверых детей и, как все родители, хочет, чтобы они были счастливы. Кажется, ему это удастся. А дети — всегда дети. Они ловят рыбу и играют в пиратов. В их жизни много своих проблем и загадок: почему, например, лягушка не превращается в принца, если ее поцеловать. Ведь всем известно, что лягушки — это замороженные принцы.

У персонажей драмы Н. Воронова «Следствие» дела посложнее. Хотя история на первый взгляд довольно обычная. Подрались между собой десятиклассники. Трое из одного. Директор школы (артист А. Соловьев) и родители пытаются разобраться, в чем тут дело; зритель же знает об этом с самого начала. Юра Виноградов (артист Г. Цинман) без всякого на то основания сказал оскорбительные слова в адрес родителей одного из своих одноклассников. Сказал злобно, так, чтобы сделать побольнее. Ну, и получил... По поведению Юры зрители сразу догадываются, что его заносчивость, высокомерие — результат воспитания, и с нетерпением ждут появления на сцене его «отрицательных» родителей.

Драматургия спектакля прозрачна, и мало кто в зрительном зале

ошибется, предположив, что пострадавший Юра и его родители — лица обвиняемые: все это вроде бы ясно с самого начала. Но почему с таким напряженным вниманием следят юные зрители за ходом событий? В зале — ни единого звука... Значит, проблемы спектакля — это их проблемы. Они ищут и, возможно, узнают в героях себя, своих знакомых, сравнивают... Вот появляется на сцене мама Юры, Ирина Борисовна (ее роль блестяще исполняет народная артистка РСФСР З. Спирина). Мама — из тех, что умеют взять быка за рога. Юрочку своего в обиду никому не даст, а если надо, и директору школы пригрозит и в роно позвонит... Всю жизнь заботилась, чтобы послаще Юра ел, получше был одет, а самое главное просматривала. И вот — результат. Горько плачет Ирина Борисовна в пустом школьном коридоре. Обвинение ей предъявлено. Его предъявил Юра, ее сын...

Тяжело молчит зрительный зал... После спектакля я слышала, как один школьник сказал своему приятелю: «Спектакль о том, что в мире нет простого разделения на добро и зло. Сложно все...» И оба задумались...

Постановка еще и потому хорошо воспринимается зрителями, что театр всегда старается показывать жизнь не схематично, а выразить ее в деталях, характерных чертах.

Саратовский ТЮЗ — старейший детский театр страны. 3 октября 1918 года газета «Саратовские известия» впервые сообщила, что в городе открывается «бесплатный для детей пролетариата и крестьян Советский драматический школьный театр...» Эти годы театр жил неутомимо. Свидетельство тому — богатство репертуара: создано более ста постановок и для самых маленьких и для тех, кто уже стоит перед выбором своего жизненного пути. Тут и «Конек-Горбун» П. Ершова, и «Золотой ключик» А. Толстого, «Детство» М. Горького, «Скупой» Ж.-Б. Мольера, «Последний срок» В. Распутина и многие другие.

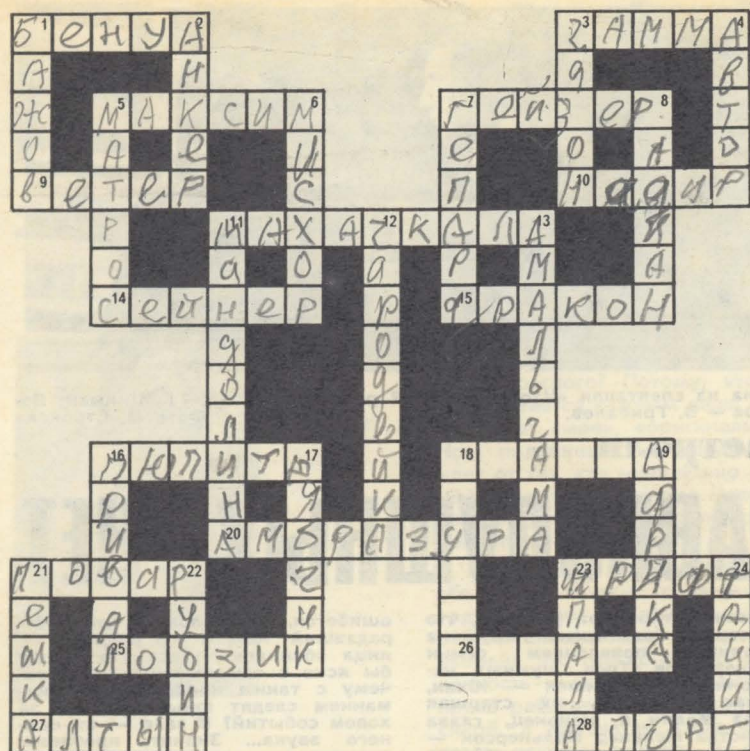
Сейчас Саратовский ТЮЗ — сильный и крепкий организм, коллектив с творческой индивидуальностью, зрелой актерской школой, своими эстетическими и идейными принципами — использует свой большой опыт в поисках новых форм отображения жизни.

Руководит замечательным коллективом народный артист СССР Ю. П. Киселев.

Театр молод. Как ни шаблонно это звучит, но это так. В труппе пятьдесят три актера, из них более половины молодых, моложе тридцати лет. И это тоже замечательно. Молодежь вместе со старшими мастерами образует исключительно работоспособный творческий сплав — коллектив, способный решать даже очень трудные сценические задачи. В самом Саратове билеты на представления ТЮЗа бывают распроданы на месяц вперед. С аншлагами шли спектакли и на международном фестивале театров для детей и юношества во Франции, в Лионе.

Всего пятнадцать дней продолжались гастроли Саратовского ТЮЗа в Москве; жаль было расставаться.

А. СОКОЛОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Русский художник, историк искусства. 3. Звукоряд в пределах октавы. 5. Герой кинотрилогии, посвященной революционному движению в России. 7. Горячий источник, периодически бьющий фонтаном. 9. Поток воздуха. 10. Точка небесной сферы, противоположная зениту. 11. Столица АССР. 14. Рыболовное судно. 15. Созвездие северного полушария неба. 16. Подставка для нот. 18. Спортивный снаряд. 20. Войница. 21. Специалист по приготвлению пищи, кулинар. 23. Комплект типографских литер. 25. Инструмент для узорного выпиливания. 26. Быстрый, виртуозный пассаж в пении. 27. Старинная русская монета. 28. Сорт яблок.

По вертикали: 1. Автор сказов «Малахитовая шкатулка». 2. Часть механизма часов. 3. Участок в парке, на бульваре, засаженный травой. 4. Создатель произведения литературы, живописи, научного труда. 5. Рядовой флота. 6. Курорт в Крыму. 7. Хищник семейства кошачьих. 8. Единица плоского угла. 11. Струнный инструмент. 12. Опера П. И. Чайковского. 13. Сплав металлов с ртутью. 16. Остановка в пути для отдыха. 17. Промысловая дичь. 18. Соединительный патрубок с резьбой. 19. Материк. 21. Шахматная фигура. 22. Драгоценный камень. 23. Опора для рельсов железнодорожного пути. 24. Незаконченная поэма А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 1. Бакуриани. 4. Корсак. 6. Дамаск. 8. Арбуз. 9. Хопер. 10. Литера. 12. Семенов. 14. «Норма». 15. Егерь. 16. Алатырь. 17. Кросс. 18. Офорт. 20. Кульбит. 23. «Варнак». 25. Компот. 26. Иваси. 28. Кадмий. 29. Зодиак. 30. Аристофан.

По вертикали: 1. Восфор. 2. Ромб. 3. Измаил. 4. Клапан. 5. Кашне. 6. Дзюдо. 7. Кафель. 9. Хетагуров. 11. «Альмагест». 12. Саранск. 13. Вельбот. 17. Кортик. 19. Типчак. 21. Ужвий. 22. Иргиз. 24. Клумба. 25. Кордон. 27. Альт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мы живем у Байкала.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Над бухтой Песчаной (см. в номере материал «Чистые воды Байкала»). Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Редактирования и новостей — 214-33-70; Международной — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 8.10.79. Подписано к печати 24.10.79. А 00739. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2556. Заказ № 1314.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Тепло... Как часто нам его не хватает — в человеческом общении, в проявлении сочувствия. Но мы никогда не скажем в этом случае, что кто-то его «экономит» или, вот, мол, «опять его перерасходвал»: тепло наших контактов не регулируется простым поворотом вентиля, нажатием кнопки.

Но есть другое тепло — тепло промышленных установок и обогревательных устройств, теплоэнергия. Как же мы обращаемся с этим теплом, которое подвластно и переключениям автомата и контролю приборов? Экономия тепла, экономия энергии — это не проявление «скупого расчета»: экономия здесь означает не ограничение, не ущемление чьих-либо интересов, а более направленное использование тепла, наиболее целесообразное распределение его.

Расчеты показывают, что мероприятия по экономии топливно-энергетических ресурсов обычно более экономичны, чем наращивание соответствующей их добычи. К тому же в наши дни решение очень многих социально-экономических проблем зависит от рачительного использования топливно-энергетических ресурсов. Еще академик И. М. Губкин, веря в неисчерпаемость наших богатств, призывал в то же время считать их, экономить, беречь, расходуя разумно, по-хозяйски.

Мой собеседник — директор ВНИИ комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР, доктор технических наук, профессор Сергей Николаевич ЯТРОВ.

— Не называя лишних цифр (у нас, конечно, все подсчитано, но не в цифрах дело), я могу сказать, что в сравнении с 1975 годом к 1990 году можно получить такую экономию, которую, по существу, можно сравнить с годовой работой традиционной топливной отрасли страны. Но для этого, конечно, нужен ряд крупных и, главное, экономически целесообразных мер.

Сейчас нашим институтом разрабатывается долгосрочная программа повышения эффективности использования и экономии топливно-энергетических ресурсов в масштабах страны. Важно отметить, что связана она самым теснейшим образом с серьезнейшим совершенствованием техники и технологии, в том числе и с работами по введению приборов регулирования тепла.

Взять хотя бы такой простой пример, — продолжает Сергей Николаевич. — Вы сидите у себя в квартире, где очень жарко. Вы открываете окно. По существу, выбрасываете на улицу тепло, которого в этот момент не хватает в другой квартире. Казалось бы, такой мало-мальский факт, но в масштабах государства это тонны, сотни тонн топлива, выброшенного на ветер.

Вот другой пример. В последнее время мы увлечены строительством зданий из стали и стекла. Это красиво, изящно, возражений нет. Но знаете, во что это оборачивается в топливно-экономическом отношении? В два с половиной раза больший расход топлива!.. Поэтому сейчас не случайно принято решение переходить к иному типу зданий.

Нельзя сказать, что о проблеме экономии тепла мы заговорили вдруг, в нашей стране делалось и делается немало для экономии топливно-энергетических ресурсов, для повышения эффективности их использования. Всего лишь за последние годы у нас снизи-

лись удельные расходы топлива: почти на двадцать процентов — по выработке электроэнергии, на двенадцать — по производству чугуна и стали, на семь — по цементу...

И все же потери по расходу топлива еще велики. Конечно, не всегда это проявление прямой бесхозяйственности. Возьмем, например, «пережог» топлива на наших пламенных нагревательных и термических печах, работающих на жидком и газообразном топливе. Почему «пережог» в кавычках? Потому, что это перерасход в сравнении с лучшими зарубежными образцами: по своим техническим характеристикам наши печи уступают лучшим зарубежным на тридцать — пятьдесят процентов. Для того, чтобы ликвидировать этот разрыв, необходимо, чтобы Минэлектротехпром соединил свои усилия с Минмонтажспецстроем СССР, Мингазпромом и Минприбором и организовал, наконец, выпуск этих печей серийно, в унифицированном варианте. А пока такие печи изготавливает для себя каждое из машиностроительных министерств в отдельности! Отсюда и потери.

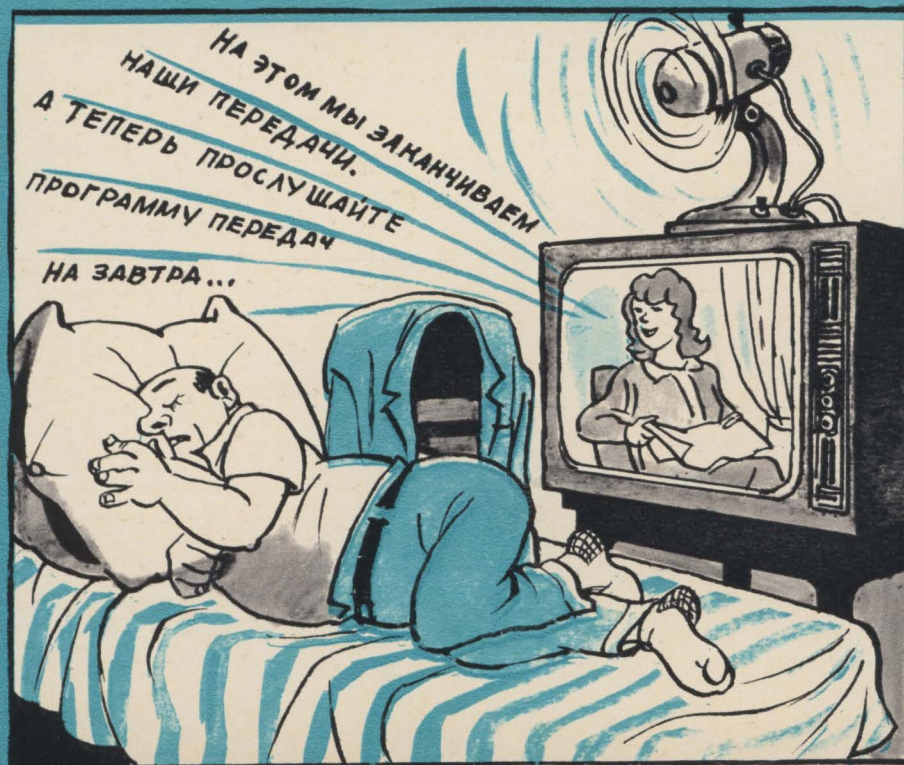
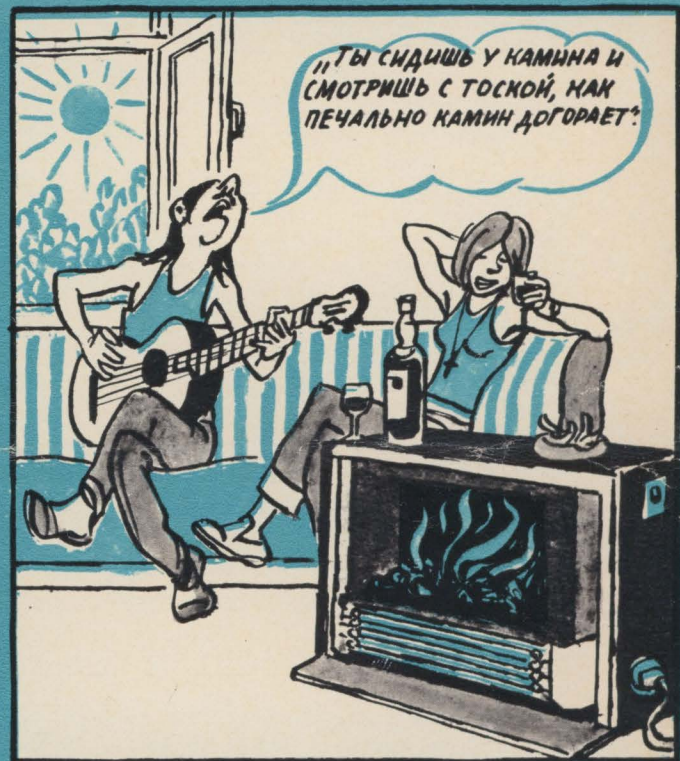
Или проблемы жилищно-коммунального хозяйства. Ведь здесь значительное количество тепловой энергии перерасходуется из-за серьезных просчетов как при проектировании, так и при строительстве и эксплуатации зданий, тепловых сетей. Нужно снизить число котельных установок малой мощности, имеющих низкий технический уровень, необходимо увеличить удельный вес ТЭЦ и районных котельных в производстве тепла — на сегодня еще положение явно неудовлетворительно. Необходимо ликвидировать и такое положение, когда из-за недостаточного, скажем, развития газораспределительных систем газ, поступающий по основным магистралям, подается в больших количествах крупным потребителям, где эффективность его использования сравнительно невелика: не требуется большой науки, чтобы доказывать, что природный газ по сравнению с углем наиболее эффективен именно в мелких котельных, оборудованных так называемыми слоевыми топками, а также на предприятиях пищевой промышленности, при производстве стекла и кирпича, в коммунально-бытовом секторе... Здесь, как оказалось, коэффициент полезного действия при переходе с угля на природный газ повышается на десять, двадцать процентов. А значит, уголь целесообразней использовать в котлах крупных электростанций и котельных...

Я слушал ученого и думал, что когда мы экономим тепло, мы экономим не просто свет и энергию, тепло промышленных установок, теплоцентралей, — нет, это не совсем так. Мы забываем, что в эту энергию вложены труд и душа рабочих, инженеров, строителей. Вот почему от чисто, казалось бы, хозяйственных категорий до моральных вовсе не так уж далеко, как мы считаем порой. Да, мы экономим, мы бережем друг для друга наши силы, усилия, наше здоровье. Забота об экономии тепла — забота в том числе и о тепле наших, человеческих отношений.

Виктор ПОПОВКИН

Рисунки народного художника РСФСР Ивана СЕМЕНОВА

БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫМИ!

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

